

НОВАЯ ПОЛЬША 4/2009

Содержание

1. ЛЮБОВЬ В ГЕТТО
2. ИЗ ИСТОРИИ ЧЕСТИ И ГНИЛИ
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. КОММУНИСТЫ — И ОТДАТЬ ВЛАСТЬ?
5. МНЕ ТАКАЯ ПОЛЬША НРАВИТСЯ
6. ВОСПОМИНАНИЯ О БРОНИСЛАВЕ ГЕРЕМЕКЕ
7. ПОЛЬСКИЕ ГОДОВЩИНЫ: НАТО
8. СТИХОТВОРЕНИЯ
9. ПОСЛЕ ДВОЕТОЧИЯ
10. СИОНИСТЫ — В СИАМ
11. МАСТЕР-КЛАСС КШИШТОФА ПЕНДЕРЕЦКОГО В ВЮРЦБУРГЕ
12. ПОЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД НА РУССКИЙ ЭРОС
13. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
14. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ЛЮБОВЬ В ГЕТТО

Пани Тененбаум, медсестра из больницы Берсонов и Бауманов, была подругой адвоката Беренсона. Она каждый день готовила ему обед. После обеда адвокат засыпал, и тогда приходила ее дочь, послушная семнадцатилетняя девушка, чистенькая, гладко причесанная, в белой накрахмаленной блузке. Помогала маме убирать.

Закончилась Большая операция^[1], и 44 тысячи человек получили «номерки жизни». Среди них — пани Тененбаум. Когда все с номерками вышли на сторону «к жизни», кто-то заметил, что пани Тененбаум лежит в постели, а на столике стоят пустые бутылки от люминала, а также письмо и ее номерок жизни. Пани Тененбаум написала в этом письме, что свой номерок отдает дочке и что она покончила с собой.

Дэда, так звали дочку пани Тененбаум, получила этот номерок жизни. Не буду подробно рассказывать о разнице во мнениях среди докторов, спасать или не спасать пани Тененбаум. Одни считали, что надо, другие — что нет, потому что такова была ее воля. Так оно и осталось.

У Дэды был номерок жизни. Такая несмелая девушка, и осталась одна. И вдруг влюбилась в какого-то парня. Видно, было у нее и немного денег, так как парень обеспечил им жилье на арийской стороне. Она в этой любви расцвела. Три месяца в полном счастье прожила она с этим парнем в квартире на арийской стороне. Ничего другого в ней не было видно — только эта любовь. Кто ее видел, все без исключения, говорили, что она лучилась счастьем. Марысе, которая к ней приходила, сказала, что это самые счастливые месяцы в ее жизни. Тепло, которое давал ей парень, заставило ее забыть о гетто. Это счастье продолжалось три месяца. Потом — может, деньги кончились — хозяйка выдала ее и ее парня.

Почти сорокалетняя врачиха, муж — тоже врач, офицер авиации. Пропал без вести во время войны. Она не знала, что с ним случилось. Теперь известно: он погиб в Катynie. На второй день войны она пришла в больницу, на свой рабочий пост, и с поста уже не сошла. Была она очень одинока. Чувствовала себя нескладно. Завязался роман между ней и парнем на пятнадцать лет моложе. Парень внезапно заболел, она взяла его к себе в постель и каким-то чудом спасла. Спала с ним в одной постели

несколько дней. Потом она говорила, что в своем одиночестве впервые нашла кого-то, была с кем-то и с этих пор будет стараться всегда с кем-то быть. Во время Варшавского восстания она снова осталась одна. У нее был флакон, а в нем четыре грамма (колоссальная доза!) морфия. Она выпила эти четыре грамма морфия, и, когда она уже слегка пошатывалась, кто-то пришел и силой влил ей в горло кружку воды с мылом. Ее вырвало, и в середине ночи она проснулась уже в сознании. И тогда началась ее великая любовь с парнем на двадцать лет моложе ее. Она прожила с ним в счастье этот период, между концом восстания и ноябрем, когда ее вывели из Жолибожа — счастливой, улыбающейся, всем помогавшей. Кончилась война, она поселилась в Лодзи. Однажды кто-то к ней пришел и застал дверь открытой. Впечатление было, что квартира пустая. Между тем, как оказалось, в кухне, под одеялом, с головой закутавшись в это одеяло, лежит пани доктор. Может, спит, может, дремлет. Вдруг она садится и говорит: «Я тут больше одна не буду, — и это говорит такой отважный человек, как она. — Я боюсь, я должна отсюда бежать». Неизвестно, как, но она добралась до Австралии. Там она тоже была одна. Крупный специалист в своей области медицины. По Тихому океану плавало судно с еврейскими детьми, и ни одно государство не хотело его впустить. Оно стояло на рейде, в двенадцати милях от берега. Жители на лодках подплывали к кораблю и забирали по несколько детей. Моя врачиха тоже вышла на берег. Забрала двух мальчишек и девочку. Один из мальчишек стал архитектором и строил в Шанхае, другой — профессором судостроения, а девочка — лаборанткой высшей квалификации. Когда один из ее «сыновей» подрос, она в него влюбилась и прожила с ним долгие счастливые годы. Потом написала в письме, что хотя уже знает, что случилось с ее мужем, которого она очень любила, но в живых ее удержала любовь. Любовь и тепло ее сына, который стал потом ее любовником. Умерла она, дожив до 90 с лишним лет.

Мама этой девушки заболела. Девушка осталась одна с сестрой-близнецом. Они боялись оставаться ночью с больной матерью. К ним начал приходить парень, рикша. Когда с мамой было очень плохо, он оставался на ночь, а она со страху, что что-нибудь случится, прижималась к нему. Она спала с ним в батистовой ночной рубашке. Прижималась к нему и спокойно возле него засыпала. Вроде бы у них началась любовь. Неизвестно точно, любились ли они, да и знали ли, как это делается, но благодаря его присутствию она наполнялась спокойствием. Мама начала выздоравливать, а она пошла работать. Однажды на Кармелитской была облава. Когда она об этом узнала, побежала домой, но мамы уже не было. Толпу, несколько тысяч человек,

гнали на Умшлагплац^[2]. Попался ей тот парень-рикша со своей повозкой. Они догнали идущих и вдоль всей многотысячной толпы стали искать ее маму. Увидели ее перед самым Умшлагплацем. Она сошла с повозки, он остался на краю тротуара. Она ему сказала: «К сожалению, мы должны расстаться, мама не может идти одна в такую дорогу». И пошла за мамой в вагон. Что случилось с ее сестрой, неизвестно.

Был Рождественский сочельник. Две наши связные жили на Мёдовой, в доме, в котором теперь Государственное высшее театральное училище. Они вернулись домой, когда уже стемнело, и начали распаковывать покупки. Вынимали разные вкусные вещи, когда кто-то постучал в дверь. Это был пожилой господин с длинной бородой. Еврей, которому полчаса назад удалось сбежать из участка. Знакомы ли они были прежде, трудно сказать. Может быть, знали о существовании друг друга, поэтому он сюда и попал. Он остался. Пришли еще другие девушки, якобы на сочельник, и так они, вчетвером или впятером, остались на ночь. Спали на полу. Одна из наших связных любила с ним всю ночь на глазах у всех. Трудно сказать, не была ли эта связная бисексуальной, потому что до этого она была подругой старой врачихи, которую забрали в облаве на арийской стороне в Освенцим. Остался этот старый еврей с длинной седеющей бородой. Он влюбился в нашу связную, и так они вместе жили до самого Варшавского восстания. Их любовь была такой сильной — пожалуй, с обеих сторон, — что они позабыли про все средства осторожности и вместе, держась за руки, ходили по городу. Они выглядели такими счастливыми, что могли так, взявшись за руки, свободно ходить по улицам и не испытывать никакого страха. Их разделило Варшавское восстание, и он сказал: «Никого у меня уже нет, я один, и уже никто мне руки не подаст». Четыре недели восстания он пережил, сидя на ступеньках в Старом городе. Она работала санитаркой в каком-то госпитале в другом районе. Встретились в Центре^[3], где вместе прожили неделю. Оба ожили, снова не чувствовали страха. Он, пережив восстание, был арестован УБ^[4], и след его пропал. Она осталась одна в Варшаве, родила двоих детей — и, как сама говорила, всё, что к нему чувствовала, вложила в этих детей. Замуж никогда не вышла. А была хорошенькая.

Она была в больнице в гетто техническим работником. Красивая, но глупая. Как-то выбралась на арийскую сторону. И стала нашей связной. У нее были голубые глаза, но говорили, что у нее глаза, как у коровы. Во время Варшавского восстания она была в Жолибоже. Однажды граната взорвалась прямо около нее и тяжело ранила одного бойца. Она взялась за ним

ухаживать и, разумеется, тут же в него влюбилась. Шесть недель лечила ему раны на голове, считая себя крупным специалистом, потому что раньше работала в больнице. Жолибож капитулировал, но у него всё еще не было сил ходить. Она осталась с ним в Жолибоже, оставленном гражданским населением. Где-то в ноябре их нашел патруль Красного Креста. Его вынесли, а она пошла за носилками. Осталась с ним. Они были вместе до конца его жизни. Наша глупая связная говорила, что ей стоило претерпеть гетто и Варшавское восстание, потому что благодаря этому она знает, что такое любовь и насколько можно себя отдать другому. Когда он умер, она всю любовь перенесла на сына. Но эта ее любовь была безумно тягостной.

Стемнело. До комендантского часа оставалось полчаса. А он получил приказ перейти в малое гетто. Молодой, здоровый, быстроногий. Помчался. Всё устроил. Перескакивая от подворотни до подворотни, дошел до своего дома. На темной лестничной площадке стояла какая-то тень. Он дотронулся и ощутил две толсто сплетенных косы. Они обнялись и вместе поднялись на второй этаж. И уже всю войну оставались вместе. Вместе прошли всё, что было худшего и лучшего во время оккупации. После войны она уехала в Америку одна. Он остался. Они выучили друг друга, выучились быть единым целым. Через двадцать лет снова встретились. Хотя всё это время каждый жил своей жизнью, они продолжали быть единым целым. Когда она умирала, ее опекунша позвонила и спросила, можно ли прекращать лечение.

Мыльная улица начиналась у Переезда и, идя зигзагом, кончалась на огороженном скверике, прилегавшем к Кармелитской. С другой стороны скверика подходило идущее дугой Новолипье, которое дальше, уже выпрямившись, тянулось по другую сторону Кармелитской. Улицы Переезд сегодня тоже нет. Она начиналась возле Лешно и, пройдя мимо Длугой с восточной стороны, создавала маленькую площадь с искривленной Мыльной и дугообразным Новолипьем, а за Новолипками сворачивала к Налевкам.

Во время июльской Большой операции, случайно проходя по Мыльной, я увидел в подвальном окне последнего прилегавшего к скверу дома перед Кармелитской лицо Хендуси Химельфарб. Она была моей одноклассницей, дочерью великого общественного деятеля, вождя профсоюзов. Во время войны она работала в санатории Медема в Медзешине под Варшавой. Туда направляли детей из варшавского гетто, которым угрожал туберкулез, и там, в атмосфере дружбы и

семейного тепла, они якобы проходили лечение. У нее было светлое лицо и светлые толстые косы. Обычно она закалывала их на голове короной, сейчас они висели книзу. «Хендуся, выходи, — позвал я ее. — Есть возможность выхода для таких, как ты. Завтра выйдешь на арийскую сторону». Нас разделял тротуар и этот огороженный скверик. «Тут со мной сто пятьдесят детей, не могу же я их оставить. Они не могут одни пойти в вагоны и одни поехать в этот путь», — кричала она мне из подвального окна через всю ширину тротуара. В этом доме раньше была евангелическая больница. Теперь там поместили санаторий Медема, привезенный из Медзешина, но Хендуся знала, куда ведет эта дорога. Знала это и Роза Эйхнер, старая учительница из Вильно, которая с ними осталась. Все другие учителя и воспитатели разбежались кто куда, когда вывозили санаторий из Медзешина. Среди них — жена Артура Зигельбойма^[5] с сынишкой, которая спряталась в кустах между Медзешинем и Вёнзовней. Но кто-то, должно быть, их выдал, и там, в этих кустах, они были убиты. С детьми в Варшаву, а потом и дальше, в последний путь, поехали только Хендуся и Роза. Хендуся могла выйти, выжить, спастись. Но она не хотела, чтобы дети боялись, чтоб они плакали. Она осталась с ними, сознавая, чт? станется. Из чувства ли долга или из любви к ним? Тогда это было одно и то же.

Старшая сестра, высокая, красивая, с шапкой белокурых, с золотистой рыжиной волос. Она живет в бывшей операционной, где целая стена застеклена. Стоит в домашнем халате у окна и зовет пробегающего по двору мальчишку. Открывает ему дверь, распахивает халат и показывает прекрасное, молочно-белое тело. Парень поражен, но все-таки входит. Она впрыскивает ему дозу морфия и, обнаженная, ложится на кушетку, а он в растерянности убегает. А потом наступает Большая операция по выселению. В нее влюбился врач, фольксдойч пятой категории, которого немцы назначили комиссаром больницы. Во время Большой операции, когда с Сенной выселяют детскую больницу, ее забирают на Умшлагплац вместе с детьми. Комиссар узнаёт об этом вечером, показывает свое немецкое удостоверение, и его пропускают на Умшлагплац. Он находит ее среди толпы и выводит. После комендантского часа они уже в его квартире. Любятя до безумия целую ночь, а потом он выводит из гетто ее и ее туберкулезного мужа и снимает им квартиру в Свидре. Каждый день приезжает к ним, привозит еду. Всегда, когда он приезжает, они выходят на полчаса в лес. Однажды он приезжает и застает квартиру пустой. Соседи говорят, что их только что вывели и что они лежат расстрелянные возле железной дороги. Он идет туда, падает на колени и долго

молится. Сбегает, когда приближается немецкий патруль. Так кончилась эта безумная любовь.

Записала Паула Савицкая 27 янв. и 19 февр. 2008

Перевод Натальи Горбаневской

1. Речь идет о депортации населения из т.н. «Большого гетто» в лагеря смерти. — Ред.
2. Место погрузки эшелонов — Ред.
3. Центральный район Варшавы — Ред.
4. Польским ГБ — Ред
5. Шмуль Зигельбойм (1895-1943), деятель Бунда (еврейской социал-демократической партии), в 1940 г. выбрался из Варшавы и выехал на Запад, где пытался представить положение евреев на оккупированных территориях. Вошел в состав эмигрантского Народного совета Польской Республики. Совершил самоубийство в знак протеста против равнодушия союзников к Катастрофе. — Ред.

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕСТИ И ГНИЛИ

Верный нацист Юрген Штрооп провозглашал в 1949 г., что политика Гитлера имела смысл, так как формулировала здоровые и благородные цели и вела к очищению Германии от «космополитическо-жидовско-масонского вранья», к торжеству националистических идей, к наведению порядка и к могуществу Третьего Рейха. Времена правления Гитлера он называл самой прекрасной эпохой в истории Германии, а военное поражение объяснял сговором врагов: евреев, масонов и иезуитов. Политика была для Штроопа не потаскухой, а упорной борьбой с гнилью мира, враждебного нацизму.

Такого мнения придерживался человек, который в апреле 1943 г. зверским образом ликвидировал варшавское гетто.

2 марта 1949 г. Казимеж Мочарский вошел в тюремную камеру XI отделения варшавской тюрьмы на Раковецкой, 37. В камере он застал двух немцев, обвиняемых в гитлеровских преступлениях. Одного из них звали Юрген Штрооп. Он был генералом СС, командовал частями СС и полиции Варшавского округа, а также руководил ликвидацией варшавского гетто. Второго звали Густав Шильке; он был профессиональным офицером полиции нравов.

Мочарский же был деятелем антигитлеровского подполья и бойцом Армии Крайовой — вооруженных сил Польского подпольного государства в эпоху оккупации. Его арестовали еще в августе 1945 г. органы польской ГБ по обвинению в принадлежности к антикоммунистической подпольной организации — наследнице Армии Крайовой. В январе 1946 г. Мочарского приговорили к десяти годам тюрьмы. По амнистии срок был снижен до пяти лет.

В ноябре 1948 г. против него начали второе дело — по обвинению в коллаборационизме с немецкими оккупантами с целью совершать убийства лиц, связанных с левыми кругами. Обвинение было абсурдным и гнусным: герою антигитлеровского подполья вменяли в вину позорное деяние — сотрудничество с оккупантом и действия в его интересах. Таким способом аппарат госбезопасности коммунистической власти хотел очернить Армию Крайову. Те, кто сражался за свободную Польшу и избежал гитлеровских тюрем, попали теперь в тюрьмы в Польше, управляемой коммунистами.

Всё отличало Мочарского от сотоварищей по тюремной камере: прошлое и память, жизненная позиция и знакомство с миром. Эти люди еще недавно были его смертельными врагами; они принадлежали к числу тех, кто убивал его родственников, друзей, народ.

В общей камере они провели 255 дней. Мочарский мог бы наконец-то отомстить проклятым оккупантам — мог их оскорблять и унижать. Он предпочел, однако, поговорить.

Между собой столкнулись два мира: мир коммунистической госбезопасности, которая посадила Мочарского в тюрьму и вдобавок в одну камеру с гитлеровским преступником, скрестился с миром Казимежа Мочарского, который даже столь страшное для себя унижение сумел употребить с пользой, совершая нечто бесспорно позитивное.

Это пребывание в камере польской тюрьмы вместе с гитлеровским генералом выглядит символом польской судьбы в те проклятые годы — зримый символ катастрофы, поражения страны, а также унижения и систематического нравственного растреления Польши ее коммунистической властью.

В июле 1951 г. варшавский Воеводский суд приговорил Юргена Штроопа к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение.

В ноябре 1952 г. варшавский Воеводский суд приговорил к смертной казни Казимежа Мочарского. Приговор не был приведен в исполнение. К счастью.

Казимеж Мочарский родился в Варшаве в 1907 г. в интеллигентской семье, к традициям которой принадлежало активное участие в национально-освободительном движении. В 1932 г. он успешно завершил юридическое образование; учился также в Высшей школе журналистики.

В 1930 г., еще в бытность студентом, Мочарский вступил в «Легион молодых» — организацию, связанную с правящим лагерем Юзефа Пилсудского. Для одних Пилсудский представлялся легендарным воскресителем польского государства, для других — «бандитом» из социалистической партии, лидером либерально-масонского лагеря, наконец — диктатором.

Польша тех лет оказалась очень сильно разобщенной, причем это была разобщенность скорее идейно-культурная, чем

партийно-политическая. Лагерь национал-демократии выступал за националистический облик будущей Польши. Лидером национал-демократов (эндеков) был Роман Дмовский, выдающийся политический публицист и литератор, но одержимый навязчивым антисемитизмом. В 1930-е годы эндеки проповедовали идеи «католического государства польской нации», «Польши для поляков». Они не скрывали ни своих симпатий к тому, что сделал в сфере общественного устройства Муссолини, ни презрения к парламентской демократии и либеральным ценностям.

Лагерь Пилсудского («санация») в свою очередь эволюционировал от идеи демократического и либерального государства права к авторитарным решениям. Это порождало конфликты в стане санации, результатом которых были все новые расколы в «Легионе молодых». В середине 1934 г. Мочарский вместе с группой друзей вышел из «Легиона молодых». Несколько позже они примкнули к «Демократическому клубу», вокруг которого собирались интеллигентские группировки, традиционно связанные с личностью и лагерем Юзефа Пилсудского. Обеспокоенная — после смерти Пилсудского (май 1935) — эволюцией правящего лагеря в сторону националистически-тоталитарных правых кругов, общественность клуба хотела создать либерально-демократическую республику. Организации, входившие в «Демократический клуб», поверили, что вместе с социалистическим и крестьянским движением им удастся создать коалицию, которая преградит путь к тоталитарной диктатуре.

Окружение клуба характеризовалось политической неоднородностью. Там происходили встречи людей, сформированных легендой Пилсудского (среди них имелось немало «вольных каменщиков», т.е. масонов), с представителями антифашистского левого крыла (вплоть до сторонников компартии).

Всех их связывало сознание угрозы со стороны фашизма.

Этого же боялся и Казимеж Мочарский, когда публично провозглашал в октябре 1937 г.: «Положение настолько опасно, что в любую минуту может наступить фашизм».

Демократу тех лет был не по вкусу и большевизм. «Для нас Сталин, — писал в августе 1938 г. еженедельник «Орка на угоже» («Пахота на целине»), связанный с «Демократическим клубом», — стоит ровно столько же, сколько Гитлер, и мы не проводим никаких различий между этими двумя версиями

захватнической агрессивности и тирании. Преступление, совершенное по отношению к народу, остается преступлением, невзирая на личность преступника и политическую конъюнктуру; борьба с таким преступлением всегда остается актуальным демократическим императивом».

Сторонники компартии Польши (КПП), ликвидированной Сталиным в 1938 г., наверняка должны были выслушивать подобные мнения со смешанными чувствами. Однако они проглатывали эту антисталинскую ересь, будучи убежденными, что для «Демократического клуба» главный враг — это Гитлер и немецкий нацизм, а вовсе не Сталин и большевизм. Что же касается внутренней угрозы, то демократы видели ее в польских фашистских и полуфашистских поползновениях. Таковые возникали как у крайне правых кругов националистического толка (фашистского Национал-радикального лагеря), так и в рамках правящей группировки (Лагеря национального единения). Лозунгом, которому надлежало склеить и сплотить оба эти — различающиеся по генезису и традициям — сообщества, было презрение к парламентской демократии и антисемитизм.

Демократы напоминали правящему лагерю, что в биографии Пилсудского имелся период революционных, свободолюбивых, демократических устремлений. «Насколько же мелки умом и бедны сердцем те, кто из гигантской фигуры Юзефа Пилсудского делают карлика и сталкивают его в лагерь карликов». Смысл жизни Пилсудского — это «борьба свободных, неподкупных людей за свободную, независимую Польшу, которая отбросила раскованные ею кандалы самодержавия». Поэтому «не надо по образцу эндеков прибегать к чужим примерам, к идеологии Пуришкевича, создателя «Черной сотни», или Гитлера».

Вот что еще писали демократы:

«Верные принципам польских государственных интересов, которые освящены историей Речи Посполитой, национализму мы противопоставляем принцип равенства всех ее граждан, осуждая увязывание каких-либо внутренних решений с понятиями расы, национальности и вероисповедания.

Мы боремся против тоталитаризма и считаем его системой, недопустимой для нас. Такая система правления нацией ведет к ее загниванию, к утрате силы и невозможна без ликвидации гражданских свобод. Памятуя о тех мрачных эпизодах из нашего исторического опыта, которые способствовали упадку государства, развязывая гонения и межконфессиональную

борьбу, мы решительно стоим на фундаменте гарантированной государством свободы вероисповеданий, выступая против любых попыток злоупотреблять религией в политических целях».

Комментируя введение в высших учебных заведениях «скамеечного гетто», демократы заявляли, что «это распоряжение явно и отчетливо противоречит действующей конституции, которая обеспечивает всем гражданам Речи Посполитой равные права без различия национальности и вероисповедания».

Казимеж Мочарский, активный деятель «Демократического клуба», обладал непреклонным, строптивым нравом и ни перед кем не гнул шею. Такое он получил политическое образование; такой была его система ценностей. И с таким духовным багажом он вступил в мир антигитлеровского подполья, потом — в мир послеялтинской Польши и наконец — в одну камеру с гитлеровским преступником.

Однажды Мочарский спросил у Штроопа: не было ли ошибкой нацистских генералов то, что они разбрасывались жизнью немецких солдат? Всё ли делал немецкий командир, чтобы достигнуть цели без человеческих потерь?

— У вас либеральная, интеллигентская точка зрения, — ответил Штрооп. — Если бы я собирался подобным образом расщеплять волос на части, то не провел бы ни единой операции. На войне должна проливаться кровь.

Этот короткий диалог хорошо иллюстрирует духовный мир обоих собеседников. «Беседы с палачом» — это, по мнению Лешека Колаковского, «лучший портрет неподдельного гитлеровца, который до самого конца упорствовал в своем чудовищном кредо; он убежденно считал причиной поражения гитлеровцев в войне тот факт, что они были слишком добрыми и недостаточно решительными в искоренении вредных тенденций внутри Германии».

«В политике отсутствуют нравственные принципы», — декларировал Штрооп. «У меня другое мнение», — отвечал Мочарский, хотя и не подхватывал спор. Да и каким образом препираться с символом веры банального нациста? Если в Гитлере еще имелся какой-то магнетизм зла, то Штрооп был всего лишь мелкой частицей железных опилок, притянутых магнитом. Поэтому — как Эйхман для Ханны Арендт — он наверняка представлялся Казимежу Мочарскому необычным образчиком банальности зла.

Штрооп был прав, когда назвал Мочарского «беспартийным либералом, пропитанным гуманизмом». Нацисты и большевики презирали таких людей...

Рассказывая о подавлении восстания в гетто, Штрооп вспоминал, что приказал не брать пленных, а всех убивать, в том числе и женщин. «Неужели вам никогда не было жаль их молодой жизни?» — спросил Мочарский. Штрооп, чуть подумав, ответил: «Тот, кто хотел тогда быть настоящим человеком, а это означает, человеком сильным, не мог не действовать, как я». После чего процитировал Ницше: «Да будет благословенно все, что делает человека твердым». Таким вот способом нацизм превращал Ницше в идеолога массовых убийств.

Штрооп был убежден, что «велением патриотических действий является эффективность, а не так называемая мораль». Такому пониманию политики его научили в нацистской партии: «Хорошая солдатская позиция, — характеризовал Штроопа его нацистский начальник в 1943 г. — Политически менее опытен и грамотен; типичный солдат, который действует в соответствии с приказом». «Но хороший мужик», — таким чисто личным замечанием закончил тот свою аттестацию.

Этот хороший мужик с убежденностью повторял нацистские причитания о «позоре Версальского договора», об убожестве Веймарской республики, о необходимости ликвидации парламентаризма. Он верил, что нацистская система порядка и повиновения объединит народ, очистит страну от грязи, возвратит Германии могущество и позволит ей завоевать новое жизненное пространство. И верил, что немцы представляют собой *Herrenvolk* — народ господ, а евреи — это не люди, а недочеловеки, так как «в понимании науки» это почти животные.

Этот хороший мужик, банальный нацист, знал, кто такие враги: враги — это все чужие. Наряду с евреями это еще и социалисты, коммунисты, масоны, либералы, иезуиты и «политизирующее духовенство», а также гомосексуалисты, капиталисты и плутократы, наконец, «группы смутьянов», индивидуалистов и глупцов, которые не понимают, что верность идее, а еще полная концентрация, единоличное руководство и стопроцентное повиновение представляют собой фундамент национального существования. Либерализм всегда ведет к анархии, а воплощением сконцентрированного руководства служит Адольф Гитлер.

Штрооп был обязан Гитлеру всем. Гитлер обеспечил ему внутреннее спокойствие, объяснив: стремиться надлежит к тому, что является здоровым, националистическим и упорядоченным. Гитлер сделал для него возможным такое продвижение вверх — из провинциального города до генеральских регалий, от нищеты к роскоши. «Думаю, — записал Мочарский, — что тогдашний Штрооп — это продукт скрещивания „революционера” с молодым, самонадеянным баринном. Частый симптом у преуспевающего выскочки, на чьих партийных плечах „покоится бремя идеи, народа и государства”. (...) У Штроопа начался быстрый процесс деформации, который можно наблюдать там, где имеет место молниеносное улучшение бытовых условий, достигающееся людям со слабым интеллектом, шаткой рассудительностью и не самым твердым характером; их позиция обладает чертами привилегированности и обособления от прежнего окружения».

Служебные автомобили, тайные премии, собственное снабжение, сапожники и портные, собственные больницы, гостиницы, курорты...

Описывая этот механизм, Мочарский наверняка думал то же самое о карьерах коммунистических сановников. Это же типичные черты большевицкого нувориша, которого не интересовали запутанные доктринальные споры марксистов. Он рассуждал ясно и четко: надо слушаться начальников и ликвидировать врагов. Это было очевидным путем и к карьере в аппарате власти, и к материальному достатку, и к специальным гостиницам, курортам, элегантным квартирам, и к магазинам за желтыми шторами [закрытым распределителям].

Нацистский нувориш и нувориш большевицкий верили в формулировку Штроопа, объяснявшего Мочарскому, что «партия слишком деликатна» и что «дураков надо осчастливливать вопреки их первоначальной воле» — «осчастливливать приказом и физической силой во имя правильных идей».

Большевик-чекист верил в Сталина столь же свято, как нацист из СС — в Гитлера. Поэтому Штрооп верил, что Гитлер — посланец высших сил, Вотана и прочих германских богов, а следовательно, непобедим. Штрооп верил, что никому не одолеть Третий Рейх.

И все-таки Третий Рейх проиграл войну.

Войну проиграла и Польша. Она была первым государством, которое воспротивилось требованиям Гитлера, выступив против него. Эта страна проиграла войну с двойной агрессией Гитлера и Сталина в 1939 г., но до конца оставалась членом антигитлеровской коалиции. Польские воинские части сражались на всех фронтах.

Казимеж Мочарский сражался на самом трудном фронте — в период гитлеровской оккупации он был воином Армии Крайовой (АК) и участвовал в подпольной деятельности «Демократического клуба». Он сражался в Ааршавском восстании; был награжден за мужество. На протяжении шести лет ежедневно рисковал жизнью.

Как и всё подполье, боровшееся за независимость, он верил, что это героическое сопротивление оккупанту в результате принесет свободу Польши.

Получилось иначе. Польша стала добычей победившего Сталина. Красная армия, вступая в 1944 г. на территорию Польши, рассматривала солдат АК как врага. Советские генералы предлагали переговоры и сотрудничество, после чего бойцов АК бросали в тюрьмы и высылали вглубь России. Перед руководителями антигитлеровского подполья встала дилемма: что дальше? Продолжать ли конспиративную деятельность — на сей раз антисоветскую? Или же искать соглашение со Сталиным и коммунистами?

Эта дилемма обладала аспектом античной трагедии, потому что хорошего выбора в тогдaшнюю пору не существовало. Те, кто не доверял словам Сталина и коммунистов, имели на то основание и были правы. Однако из такой правоты мало что вытекало. Сторонников продолжения подпольной деятельности и вооруженного противостояния систематически убивали в операциях по усмирению, проводившихся органами ГБ; их бросали в застенки и нередко приговаривали к смертной казни. Тогдашнее вооруженное сопротивление большевицкому диктату поглотило десятки тысяч жертв. Отряды лесных партизан были полны засланной агентуры; осажденные и отчаявшиеся, они часто дегенерировали и вырождались в грабительские банды. Это бросало тень на всю Армию Крайову. То была дорога никуда.

Казимеж Мочарский принадлежал к числу тех, кто быстро это понял. После Варшавского восстания он состоял близким сотрудником генерала Леопольда Окулицкого (Медвежонка) — последнего командующего АК. Помогал ему редактировать последний приказ, распускающий АК, который был

опубликован в последнем номере «Информационного бюллетеня», самого важного печатного органа подполья. Вот что писал генерал Окулицкий своим солдатам:

«Польша по русскому рецепту — это не та Польша, за которую мы шестой год бьемся с Германией, ради которой пролилось море польской крови, а нам довелось перестрадать всю громадность муки и уничтожения страны. Вести борьбу с Советами мы не хотим, но никогда не согласимся на другую жизнь, кроме как только в полностью суверенном и справедливо устроенном в общественном смысле Польском Государстве. (...) Солдаты Армии Крайовой! Я отдаю вам последний приказ. Свою дальнейшую работу ведите в духе повторного обретения полной независимости государства и защиты польского населения от гибели. (...) В этой деятельности каждый из вас должен быть командиром самому себе. Убежденный, что вы исполните настоящий приказ, что навсегда останетесь верными только Польше, я, преследуя цель облегчить вам дальнейшую работу и действуя по уполномочию президента Польской Республики, — освобождаю вас от присяги и распускаю ряды АК».

Вскоре после этого, в марте 1945 г., Окулицкий был вместе с политическими руководителями подполья приглашен генералом Красной армии на встречу и переговоры. Всех приглашенных посадили в тюрьму, а потом перевезли в Москву, где против них возбудили дело, закончившееся судебным процессом. Окулицкого приговорили к десяти годам лишения свободы; он уже никогда не вернулся в Польшу — обстоятельства его смерти по-прежнему покрыты неизвестностью.

Мочарский остался в подполье, смысл которого сводился уже только к ликвидации военных действий.

Сторонники вооруженного сопротивления верили в близкую перспективу третьей мировой войны. Мочарский в новую войну не верил. И считал, что надо искать другие решения. Поэтому он был сторонником обращения Яна Жепецкого, руководившего подпольем после ареста Окулицкого, который призывал к прекращению лесной партизанской войны. Поэтому же он сообщая с двумя деятелями подполья из кругов «Демократического клуба» составил в июле 1945 г. меморандум для Яна Жепецкого.

Заключительные выводы этого меморандума звучали следующим образом:

- 1) отмежеваться от лондонского правительства Польши и признать его банкротство;
- 2) констатировать в форме приказа, что в нынешней обстановке вооруженная борьба без всякой пользы ослабляет народ;
- 3) а также констатировать, что отряды, остающиеся, несмотря на приказы, в лесу, либо деморализованы войной (и стали бандитскими), либо имеют свои собственные цели, общественные либо политические, которые не имеют ничего общего с АК;
- 4) призвать к «труду на всех участках и направлениях во имя идеалов свободы и независимости».

Такое решение, писали далее авторы, «должно быть принято в момент, наиболее подходящий для этого, то есть после предварительного согласования с правительством (...) Миколайчика».

Смысл этого драматического документа становится ясным только в сопоставлении с другими декларациями национально-освободительных кругов в подполье и эмиграции.

Станислав Миколайчик, лидер крестьянского движения, был с 1943 г., после гибели генерала Сикорского, главой польского правительства в Лондоне. Он был сторонником компромисса со Сталиным и коммунистами — не верил в войну между союзниками. Когда большинство политических кругов отказало ему в поддержке, Миколайчик вернулся в Польшу, став заместителем премьер-министра в правительстве, где доминировали коммунисты. Большинство эмиграции посчитало это изменой; в Польше его встречали и приветствовали с восторженным энтузиазмом. Да и генерал Окулицкий перед своим арестом тоже видел в действиях Миколайчика единственный шанс для Польши.

Однако значительная часть подполья оценивала такие рассуждения как наивность, капитуляцию или вообще акт предательского отступничества. В подпольной прессе писалось, что союзники совершенно не заинтересованы отдавать Польшу Советам, зато заинтересованы в независимости Польши и в нашем освобождении от коммунистов. Это аксиома. Пораженчество всяких иных оценок вырастает из тех предвидевшихся фактических действий, которые совершали Советы. Так писали еще в 1944 году. Через два года подпольная

газета провозглашала: «Признаемся откровенно — мы жаждем третьей войны и хотим, чтобы она началась как можно быстрее. Причина в том, что мы предпочитаем короткую и насильственную смерть, а не длительное и медленное умирание. Мы жаждем войны как единственного средства, которое вместо мнимой свободы принесет полякам свободу действительную».

К сожалению, в это время аксиомы переставали быть аксиомами, а героический выбор смерти мог выглядеть решением для героических единиц, но не для всего народа.

Меморандум, подписанный Мочарским, был не актом измены, а актом отчаяния; он был драматическим поиском выхода из безвыходного положения. Летом 1945 г. путь вооруженного сопротивления, повторимся, был дорогой никуда. К сожалению, каждая попытка искать честной договоренности с коммунистами тоже оказывалась дорогой в никуда. Коммунистов не интересовала договоренность — они признавали только измену и капитуляцию.

11 августа 1945 г., через несколько десятков дней после вручения Жепецкому упомянутого меморандума (содержание которого он с оговорками разделял), Казимеж Мочарский был брошен в тюрьму.

Чуть раньше, 1 августа, арестовали Яна Мазуркевича (Радослава), одного из легендарных командиров АК. «После получения заверений и гарантий, — пишет Гжегож Мазур, историк, исследователь деятельности АК, — о том, что никаких репрессий не будет, Радослав 8 сентября 1945 г. опубликовал в прессе призыв бойцам АК к явке с повинной». Руководитель подполья Ян Жепецкий категорически осудил этот призыв и выпустил приказ, где заявил, что «1) с момента заключения в тюрьму Радослав перестал быть вышестоящим лицом и не имеет права ни заключать договоры или соглашения, ни отдавать приказы; 2) договор, подписываемый заключенным в тюрьму с теми, кто его туда заключил, лишен каких-либо свойств добровольности — трудно установить, какие средства употребили власти безопасности, чтобы склонить Радослава к его подписанию; 3) гарантии и обещания, подписанные чиновником госбезопасности, обладают весьма сомнительной ценностью и могут оказаться всего лишь средством для выявления тех, кто борется за независимость».

5 ноября 1945 г. арестовали Яна Жепецкого. Через полтора десятка часов после ареста, пишет Анджей Хмеляж, историк и знаток эпохи, он пошел по тому же пути, что и Радослав:

приступил к раскрытию людей из подполья. Многие из тех, кого он тогда раскрыл, позже угодили на долгие годы в тюрьму. Стало ясно, что с коммунистами невозможно заключать соглашения.

Прошли годы. В декабре 1953 г. сбежал в Западный Берлин подполковник ГБ Юзеф Святло, заместитель директора X департамента министерства общественной безопасности. В одной из тех передач радиостанции «Свободная Европа», которые потрясли верхи коммунистической власти в Польше, подполковник подробно говорил о жертвах сталинских репрессий. В частности, он тогда сказал: «Несмотря на такие ужасные психические и физические страдания, сотни людей не ломаются в ходе следствия. Среди них самое большое сопротивление оказывал Мочарский».

Анджей Щипёрский, автор прекрасного эссе о Казимеже Мочарском и его книге «Беседы с палачом», заметил, что для автора разговоры со Штроопом «были не только попыткой бегства от страшного тюремного существования. Они служили также инструментом постижения той действительности, в которой очутился Мочарский. Изучая закоулки души Штроопа, он косвенно искал знаний о своих гонителях. (...) Мочарский не мог проникнуть в мрачный склад ума тех людей, который его мучили. Но, когда он возвращался в камеру, его ждали недели и месяцы бесед с представителем того же самого племени. Штрооп оказывался alter ego всех этих безымянных, сохранявших анонимность сановников и прихвостней сталинской диктатуры. (...) Он и эти лица не отличались друг от друга».

Щипёрский был прав: они действительно не отличались. В письме Верховному суду, подготовленном в тюрьме в феврале 1955 г., Казимеж Мочарский перечислил 49 разновидностей пыток и истязаний, которым его подвергали в ходе следствия. Приведем для примера: удары резиновой дубинкой по особо чувствительным местам тела (например, по переносице, подбородку и слюнным железам, по выступающим частям лопаток и т.п.); удары кнутом, обтянутым так называемой липкой резиной, по верхней части голых стоп в окрестностях пальцев — особенно болезненная пыточная операция; удары резиновой дубинкой по пяткам — несколько раз в день; вырывание волос с висков и шеи («ощипывание гусей»), с подбородка, с груди, а также из промежности и с половых органов; раздавливание пальцев между тремя карандашами; прижигание раскаленной сигаретой окрестностей рта и глаз;

прижигание открытым пламенем пальцев на обеих ладонях; пытка лишением сна в течение семи-девяти дней.

Чему должны были служить эти невообразимые жестокости? Во время процесса в ноябре 1952 г. — а это был классический сталинский процесс, которому предшествовали пытки в ходе следствия, — Казимеж Мочарский заявил, что не признает себя виновным и что следствие проходило в атмосфере террора. В те времена это был непревзойденный акт мужества терзаемого и истязаемого человека, который смотрел смерти в лицо.

Мочарского приговорили к смертной казни. Только в январе 1955 г. ему сообщили, что Верховный суд заменил смертную казнь пожизненным заключением. Свыше двух лет Мочарский каждый день ждал казни. Она была мстью за то, что этот герой АК не хотел признаться в сотрудничестве с оккупантом и тем самым опозорить Армию Крайову.

Советский прокурор, обвиняя генерала Окулицкого в июне 1945 г. во время знаменитого «процесса 16 ти», использовал следующие определения: «фашистский генерал», «фашистский прихвостень». Таков был советский сценарий. Мочарскому надлежало обосновать этот сценарий.

Он не сделал этого. Выдержал.

В 1956 г. на волне «оттепели» и «польского октября» его освободили из тюрьмы, а потом полностью реабилитировали. Он стал символом.

Юзеф Рыбицкий, герой АК и многолетний послевоенный узник, выступая осенью 1975 г. над могилой Казимежа Мочарского, назвал его «человеком без страха и упрека», который боролся в тюрьме «за достоинство Армии Крайовой и за личную честь — не за собственную жизнь». И добавил еще: «Дорогой Рафал, ты достоин наибольшей славы в жизни — то есть легенды». (Рафал — псевдоним Мочарского в АК).

И Юрген Штрооп, и следователи госбезопасности, которые истязали Мочарского, единодушно считали, что мораль должна быть подчинена их политическим целям, иными словами — устремлениям вождей партии, будь то нацистской или большевицкой.

Ян Стшелецкий, социолог и эссеист, участник антигитлеровского подполья, а также тонкий аналитик идеологии и практики сталинизма, анализировал подобный тип тоталитарной аксиологии, оперируя понятием «высшей

политической морали». Для «высшей морали» в расчет идет исключительно политическая пригодность и целесообразность. Всё прочее бесполезно либо вредно. Люди «высшей морали» функционируют в состоянии перманентной мобилизации, а критерии полезности они распространяют на все сферы бытия: на культуру и науку, на повседневные человеческие отношения и на религиозную жизнь. Обязательность моральных норм касается только «своих» — да и то в рамках абсолютного повиновения вождю. Либерализм или гуманность — это сентиментальные недоразумения; а диалог с оппонентом, желание найти с ним общий язык есть результат заблуждения, умственной аберрации.

Мир «высшей морали» делится на своих и чужих, на врагов и друзей. Не существует никакого пространства совместных ценностей — есть только одна истина, и мы ее обладатели.

Тем самым, писал Ян Стшелецкий в 1946 г., «всякое неинструментальное отношение к человеку обращается в ничто. Человек чего-нибудь стоит исключительно в том случае, когда он для нас полезен. Если нет возможности употребить его в качестве орудия, инструмента, то его начинают подозревать во враждебности».

Людей «высшей морали» характеризует, продолжал Стшелецкий, «стремление упразднить авторитет людей, которые в своем чувстве ответственности связаны с наличием нравственных ценностей, общих для представителей обеих сторон». Люди «высшей морали» видят угрозу в таком авторитете. Суждением врага можно пренебречь, но суждение того, кто повсеместно воспринимается как человек честный, объективный и независимый, «нарушает абсолютную уверенность» людей «высшей морали». Поэтому в основополагающих нравственных критериях они видят хитроумный подвох врага — классового, национального или религиозного. По той же причине к подобного рода врагу надлежит внушить отвращение, а его самого уничтожить.

Что и совершалось в Польше, подвергнутой такому испытанию, как правление людей с разного рода «высшей моралью». (Я здесь вспоминаю эссе Яна Стшелецкого, написанное вскоре после заключения Казимежа Мочарского в тюрьму.)

Нацист, даже самый банальный, нутром чуял, что христианство представляет собой преграду нацизму, которую невозможно преодолеть. Нельзя было оставаться честным христианином и вместе с тем быть полноценным нацистом. Поэтому Штрооп, католик по рождению и воспитанию, пришел

к выводу, что в какой-то момент своей нацистской карьеры должен покинуть Церковь. Он был не в состоянии примирить церковные догмы с догмами нацизма. Дело в том, что ему открылась «правда о зловещей роли католической Церкви в Германии». Это открытие, рассказывал он Мочарскому, «вернуло нас к подлинным германским богам, напомнило о чистых прагерманских обычаях и разоблачило гнилость иудео-христи-анских моральных и организационных вериг, которые опутывали организм Рейха на протяжении двенадцати столетий». «Католическая Церковь, — объяснял Штрооп, — это всемирное и при этом максимально глубоко законспирированное сообщество, клика, монашеский орден и федерация разнообразных группировок, которые с виду находятся между собой на ножах». Гиммлер говорил Штроопу в 1943 г., будто «располагает вещественными доказательствами тесного сотрудничества членов узкого штаба папства с самым законспирированным руководством масонов».

Христианство, по мнению Штроопа, — «не только комплекс религиозных взглядов, пропитанных иудаизмом, но и институт, возникший и учрежденный по еврейскому внушению».

— А Христос? — спросил Мочарский.

«Христос очень умный человек, — пояснил Штрооп. — Философ, математик. В расовом отношении — полунордическая личность. Его мать прислуживала в храме и пользовалась поддержкой важного духовного лица. Она забеременела от белокурого германца, одного из воинов германских племен, странствовавших по маршруту, который вел на юг, вплоть до Малой Азии. Поэтому Христос был блондином и психически отличался от евреев, которые «подстригли и причесали» его учение, прикроили к своим целям, а потом выпустили на международный рынок, чтобы оподлить и размягчить человека путем внушения ему чувства веры».

Мочарский слушал это рассуждение, буквально остолбенев. «Какую-то минуту мне казалось, — записал он, — что я ничего в жизни не знаю, ничего не усвоил».

Штрооп уже после войны, когда содержался в заключении, познакомился со священником Ротом, иезуитом, узником Дахау. Сразу же после обретения свободы тот занялся организацией помощи находящимся в тюрьме нацистам, в том числе и Штроопу. Как бывшая жертва концлагеря, Рот пользовался доверием у союзников.

Штрооп испытывал к монаху искреннюю благодарность. Однако не понимал его.

Однажды он спросил Рота, за кого тот молится. И услышал: «За всех жителей мира». Изумленный Штрооп допытывался: «Неужто за евреев и монголов так же, как за Черчилля и Сталина?» На это отец Рот отвечал: «За всех людей без исключения, а особенно за тех, которые нуждаются в помощи».

Штрооп не скрывал изумления. «Этот человек, — объяснял он Мочарскому, — молился за слабых, побитых, униженных и удрученных. А ведь только сильные достойны обожания. Молиться надо за триумфаторов».

Два мира, два представления об иерархии человеческих ценностей столкнулись еще раз. С одной стороны — мир, который верит в силу, обожает ее и преклоняется перед нею; с другой — мир, который верит в главенство добра и правды, жалости, сочувствия и им хочет сохранить верность.

Однако является ли верность абсолютной ценностью? Штрооп повторял, что «верность есть качество настоящего человека»; на клинке его эсэсовского кинжала была выгравирована надпись: моя честь — это верность.

Мочарский спросил у Штроопа: «Вы говорите о верности. Это завидное и редко встречающееся качество. Но кому надлежит быть верным? Каждому человеку, каждой идее, каждому делу? И хорошо ли получилось, что лично вы сохраняли верность людям, которые привели вашу страну к катастрофе?».

Штрооп ответил избитыми нацистскими формулировками: «Мы проиграли войну лишь потому, что интриги реакционного англосаксонского, еврейского, коммунистического, масонского и католического интернационала разрывали наш народ изнутри. Рейх сумели разбить только с помощью какой-то части немецкого общества, всяких канарисов, герделеров, штауффенбергов. Надо было их крепче держать за морду».

В другой раз он уточнял: «Мы всегда были слишком терпимыми и неосторожными, потому что позволили дегенератам жить под одной крышей со здоровой массой народа. (...) Надо было нам раньше проводить ликвидацию. Резать вырождаков ножами и вешать на крюках...».

«Я слушал, охваченный ужасом», — запомнил Мочарский.

Он не мог не испытывать ужаса. В рамках его традиций такие заявления были невообразимы. Он знал, что в истории Польши случались жестокости и гнусности, но никто этим не гордился и не выставлял их образцом для подражания.

Казимеж Мочарский был детищем традиций ягеллонской Польши, государства без костров инквизиции и без ее судилищ, государства веротерпимости, государства многих народов и многих культур. У истоков ягеллонской Польши находился акт Городельской унии. К этому акту, к его формулировкам обращались те, кто не хотели примириться с приговором, который вынесли Польше в Тегеране и Ялте; те, кто не хотели признавать право сильного и защищали определенную концепцию польского духа.

В акте Городельской унии написано:

«Не познает благостыню спасения тот, кто на любви не станет зиждиться. Токмо одна любовь не действует втуне: лучезарная сама по себе, она гасит зависть, убавляет обиды, дарует всем мир, связует разделенных, подымает падших, разглаживает неровности, спрямляет кривизны, поддерживает каждого, не оскорбляет никого, и всяк, кто укроется под ее крылами, найдет себя в безопасности и не убоится ничьей угрозы. Любовь творит законы, правит королевствами, закладывает города, а кто ею пренебрежет, тот все утратит. Посему и мы все, здесь собравшиеся, желая отдохновения под щитом любви и преисполненные священным к ней чувством, сиим документом заявляем, что сочетаем и связуем наши дома и семьи...».

Этот документ должен был декретировать польскую концепцию жизни. Дерзким и неумным было бы утверждение, будто поляки именно так и жили. Никакой народ не жил таким способом. Суть в том, что поляки сами себе сформулировали именно такой идеал — и он на века засел в польском сознании или же подсознании. Поляки признали это — в важный момент своей истории — идеалом достойной жизни. И в трудные минуты прибегали к приведенной декларации. Идеал любви — пусть даже нереалистический — представляет собой отрицание практики ненависти и жестокости.

Казимеж Мочарский, сын ягеллонской Польши и один из создателей этики «Демократического клуба», непременно должен был иметь такой идеал в качестве стержня своей системы ценностей и принимаемых решений. Весной 1946 г. он не мог не помнить, что должен оставаться верным образу

ягеллонской Польши, присяге, товарищам по подполью. Все это было трудно примирить.

Мочарский хорошо знал мрачные тайны подполья. И наверняка помнил, что в подпольной прессе наряду с антитоталитарными, благородными и мудрыми текстами появлялись и иные. Такой была цена свободы в подполье.

Посему он безусловно должен был знать, что писалось в июле 1942 г. одной из подпольных газет: «Мир либерально-демократических идей сходит в могилу (лишь бы ему не оставить после себя потомства), а вместе с ним приходит конец и представляющим его людям, последним могиканам тех лозунгов и форм, которые для человечества оказались вредными. После нынешней войны не возродятся идеи либерализма и демократии; потеряют свою величавость такие эффектно блистающие, но надутые пустотой слова, как: человечество, парламентаризм, свобода личности и т.п. Реализм жизни не позволит, чтобы она базировалась на фикциях». Мочарский мог не сомневаться, что автор этого высказывания среди последних могикан видел и его. Непременно должен был знать Мочарский и другой голос из подпольной прессы, на сей раз — на тему немцев. «На польской земле, — писала в июне 1942 г. одна из газет, — не найдется места ни для вражеского германского племени, ни для его памятных знаков, монументов и могил. Мы уничтожим и запашем их кладбища и обособленные могилы. А также выбросим с наших кладбищ все немецкие трупы».

Да ведь это же нацистский язык, язык Юргена Штроопа...

Можно предполагать, что Мочарский читал в подпольной прессе и мнения на тему евреев. Хотя бы такое, относящееся к январю 1943 г. и напечатанное за три месяца до ликвидации варшавского гетто: «Свою ненависть к Польше и полякам евреи выказывали испокон веков и непрестанно. Евреи в Польше всегда работали в ущерб нашей родине, ненавидя ее и нас. А поэтому после теперешней войны, хоть количество евреев чрезвычайно уменьшится, мы должны будем сразу же занять по отношению к ним отчетливую позицию. Земля не сможет находиться в еврейских руках. Аналогично и промышленность, а также такие пропагандистские средства, как пресса, кино, книгоиздательство. В торговле и свободных профессиях для евреев должна обязательно действовать по меньшей мере процентная норма. Если евреям это не понравится, то дорога в Палестину открыта. Только вот вывозить польские деньги будет нельзя».

Нетрудно представить себе впечатления Мочарского после прочтения таких статей. Когда он летом 1945 г. писал в меморандуме для Жепецкого о «диком антисемитизме» в антисоветском подполье, то знал, о чем пишет.

И, наконец, Казимежу Мочарскому были прекрасно знакомы проскрипционные списки, составленные крайне правыми националистическими и антисемитскими кругами. В этих списках перечислялись фамилии лиц, связанных с Бюро информации и пропаганды (БИП) Главного командования АК. В одном из них были фамилии Яна Жепецкого, Ежи Маковецкого и Людвика Видершала; в другом — Александра Каминского и Ирены Сендлер. Всех их надлежало подозревать в прокоммунистических симпатиях или еврейском происхождении. Одна из подпольных газет крайне правого толка оповещала, что «в БИП преобладают люди, связанные с иностранными агентствами».

То был смертный приговор. И в июне 1944 г. этот приговор привели в исполнение, уничтожив Ежи Маковецкого, руководителя отдела информации БИП, а также Людвика Видершала, сотрудника того же отдела. Оба были хорошими знакомыми Мочарского. Мочарский провел подпольное расследование и обнаружил виновников коварного убийства из-за угла.

Иначе говоря, Казимеж Мочарский прекрасно знал, что антигитлеровское — а потом и антисоветское — подполье имело далеко не одно имя.

Верность. Чему верность? Кому верность? Такие вопросы обязан был задавать себе Мочарский весной 1945 года. Он отверг тогда долг верности польскому правительству в Лондоне. И взывал к Жепецкому о необходимости признать поражение проводившейся до сих пор политики, а также «отмежеваться от лондонского правительства».

Можно бы сказать: Мочарский выбрал верность здравому смыслу и реалистическому суждению, а не тому политическому лагерю, который потерпел полный крах. Он выбрал политическую переориентацию, а не — как сам называл это в меморандуме — «окопы Святой Троицы». Не он один сделал аналогичный выбор.

Однако для тысяч солдат АК это в любом случае было трагической альтернативой: они выбирали между смертью в лесной партизанской войне после отказа от явки в органы и смертью в подвалах ГБ после такого саморазоблачения. Ранний

арест уберег Мочарского от подобного выбора со всеми его нравственными последствиями. За него выбрала госбезопасность. Поэтому, находясь в тюрьме и отданный палачам на пытки, он, не имея уже другой возможности выбирать, кроме выбора между спасением жизни и спасением чести АК, — выбрал верность своей организации и товарищам по оружию.

Почему Мочарский сделал такой выбор? Внешне ответ на этот вопрос кажется очевидным. Потому что был героем, которого не могла раздавить тоталитарная махина большевизма. Однако же я все время спрашиваю самого себя: откуда он брал эту духовную силу и эту убежденность в том, что есть смысл так страшно страдать?

Из того, что писал Мочарский, не вытекает, чтобы эту силу сопротивляться давала ему, как столь многим иным, религиозная вера, — скорее он был религиозно равнодушным.

С другой стороны, известно, что сам он не считал себя человеком, скроенным так, чтобы стать героем; его геройство прикрывалось юмором, доброжелательностью к миру, отсутствием пафоса, скромностью и простотой в контактах с людьми.

Поэтому я думаю, что Казимеж Мочарский был носителем некоего особого качества, той вполне определенной и самобытной этики, которую Стефан Жеромский называл «изъяном» польского духа.

Штрооп, писал Мочарский, «был не в состоянии понять или ощутить некоторые позиции и практику польского общества, например, вопрос терпимости вообще, а религиозной терпимости в особенности».

«Выходит, вы, — спрашивал Штрооп у Мочарского, — танцевали и сообща развлекались с протестантами, кальвинистами, евреями, православными? И родители позволяли вам такое? Священники и воспитатели не протестовали?»

— Такими были традиционные польские обычаи, — объяснил Мочарский.

— В Германии, — констатировал Штрооп, — с иноверцами не поддерживалось близких контактов. У вас, поляков, — продолжал он, — терпимость на самом деле сидит в крови. Терпимость, но и своеобразная анархия. Поляки — необычайно

странный народ. Монархия была здесь республикой, шляхта принимала решения о государственных делах на сеймиках, а поляки всегда устраивали заговоры против центральной власти, создавая конфедерации. Вы слишком большие индивидуалисты, у вас имеется неудержимая жажда личной свободы, словно у птиц. Стремясь к свободе в любой сфере, вы просто обязаны руководствоваться терпимостью, это понятно. Однако не слишком ли много свободы вам хочется? Народ обязан быть дисциплинированным, послушным и уважающим власть...

— Но не чужую! — гневно ответил Мочарский. — А свою должен еще и контролировать. Таким вот образом высказывал Казимеж Мочарский кредо польского демократа.

Во время разговора о немецкой демократии после катастрофического поражения Третьего Рейха Штрооп не скрывал отвращения.

— Вы не любите свободу? — спросил Мочарский.

Штрооп отвечал:

— Такую? Не люблю.

Мочарский:

— Ну, вот вы и сидите в каталажке.

Штрооп:

— Вы тоже.

— Но я ценю любую свободу, — ответил Мочарский.

И таким путем дополнительно уточнил эту особую польскую этику.

Этику Городельской унии, этику Яна Стшелецкого, этику Иоанна Павла II.

Мои личные отношения с Казимежем Мочарским были очень слабыми. Я познакомился с ним на склоне его жизни. И не смею формулировать собственные оценки на основании нескольких разговоров. Мне запомнил шуточный обмен мнениями о моковтовской тюрьме — пан Казимеж знал, что через много лет после его геенны я провел там изрядный кусок времени. До чего ж, однако, колоссальными были различия! Ничто не может сравниться со страданиями Казимежа Мочарского.

Пан Казимеж не был педантом моралистики — полагаю, ничто человеческое не было ему чуждо. Поэтому он был снисходительным. Этот человек, который героически вынес и пережил ад гитлеровской оккупации, а потом муки сталинской жестокости, умел проявлять снисхождение к тем, кому не хватило закалки и стойкости.

Его уроки мягкости, терпеливости и снисходительности запомнились мне на всю оставшуюся жизнь.

Однако снисходительность не означала слепоты по отношению к добру и злу. Пан Казимеж великолепно ощущал границы, отделяющие слабость от подлости, ошибку от низости; он знал, каким образом отличить то, что неуместно, но пропустительно, от вещей, целиком и полностью непростительных.

Поэтому он всегда состоял в споре с людьми «высшей морали» — если сослаться еще раз на определение Яна Стшелецкого, — которые отрицали существование основополагающих нравственных критериев, а человека низводили до роли инструмента в реализации собственных политических целей.

Казимеж Мочарский имел дело с такими людьми на протяжении всей жизни. Поэтому в независимой Польше и в годы оккупации, в сталинской тюрьме и в годы ПНР он знал, не мог не знать, что никогда не существовало некоей единственной польской этики. Те, кто держал его в тюрьме и подвергал пыткам, тоже были поляками, хотя властные полномочия держать людей в тюрьме и подвергать пыткам они получили благодаря тому, что их наделили ими из-за рубежа. Поляками были и те, кто во Второй Речи Посполитой провозглашали фашистские лозунги, выдвигали требования о диктаторском государстве и дискриминации национальных меньшинств, устраивали в университетах скамеечное гетто и разбивали еврейские лотки и ларьки. Равно как и те, кто перенес свои тоталитарные наклонности и антисемитские фобии во времена оккупации и в антигитлеровские подпольные организации; те, на ком лежала ответственность за убийства политических друзей Казимежа Мочарского.

Это тоже была — отвратительно отличающаяся, но все-таки польская этика.

Эти два вида польской этики вели между собой спор — зачастую жестокий и бескомпромиссный — о форме польского духа, о Польше. Казимеж Мочарский участвовал в таком споре на протяжении всей своей жизни. Поляки неоднократно, уже в 1933-1939 гг., задавали себе вопрос о гитлеризме. Потому ли он

плохой, что немецкий и антипольский? Или же он плохой и антипольский — потому что тоталитарный? Иначе говоря, заключается ли плохая, злая сущность нацизма в его немецкой принадлежности или в его тоталитаризме?

«Беседы с палачом» дают ясный ответ на эти вопросы. Потому-то Мочарский стоял на стороне парламентской демократии и прав человека, выступая против диктатуры и всяческих форм фашизма; стоял на стороне терпимой и открытой Польши, выступая против национализма, польской мегаломании, против фальши, лицемерия и культурной замкнутости. Он активно участвовал в политических выступлениях, чтобы тем самым стремиться к такой Польше, Польше людей, свободных от ненависти и полных благородного бескорыстия, Польше непокорных душ.

Постскриптум

Книга Казимежа Мочарского, опубликованная впервые в 1977 г., представляет собой документ, бесценный для историка. И, как всякий документ — таков уж канон профессии историка, — подлежит критике. Историк должен спросить: сколько здесь записей, фиксирующих фотографическую память автора, а сколько попыток обогатить свое повествование на основе других источников? Мочарский открыто пишет, что в работе над книгой прибегал к другим источникам и вплетал знания, полученные таким путем, в свой рассказ. Михал Борвич, писатель и историк, беглец из гетто и офицер АК, в своей рецензии — кстати говоря, положительной — обратил внимание на те фрагменты книги Мочарского, которые относятся к восстанию в варшавском гетто. Он посчитал невозможным, чтобы Штрооп обладал до такой степени подробными сведениями и мог перечислять, какое количество пистолетов, винтовок, гранат или взрывателей к минам передала АК на рубеже 1942–1943 гг. Еврейской боевой организации.

Борвич обратил также внимание на слова Штроопа об участии многих «арийцев» в боях, проходивших в гетто. Никакие исторические источники этого не подтверждают — источники сообщают только об отдельных попытках, немногочисленных и весьма спорадических. Впрочем, в тогдашних условиях и не могло быть иначе.

Историк знает, что каждому сообщению о событиях предшествует осуществляемый памятью отбор фактов. Человеческая память — разумеется, селективная — отсеивает всё, что представляется достойным запоминания, от вещей,

которые несущественны. То же самое справедливо и применительно к памяти Казимежа Мочарского.

Следует добавить, что Мочарский помнил о существовании цензуры. Это объясняет причину отсутствия в «Беседах с палачом» катынского преступления или политики Сталина. А ведь и такие темы должны были появиться. В книге нет также упоминаний об истязаниях и пытках, которым подвергали Мочарского.

Наконец — имеет смысл напомнить контекст, современный книге. Мочарский заканчивал писать «Беседы» в 1968 г. — как раз тогда (июнь 1968) в еженедельнике «Политика» появился их первый фрагмент. Годом раньше прошла «шестидневная война» на Ближнем Востоке. Антисемитское крыло ПОРП использовало ее как повод к антисемитской истерии. Мочарский работал тогда в газете «Курьер польский». В результате доноса одного из журналистов — тот описал частный разговор, в котором Мочарский осудил антисемитизм властей, — автора «Бесед с палачом» практически вышвырнули с работы.

Его протесты остались безрезультатны. Над Польшей веяли уже совсем иные политические ветры. В 1968 г. антисемитская кампания достигла апогея. Ее итогом стала широкая огласка и международный скандал. В еврейских кругах ожили и усилились антипольские настроения. А в общественном мнении демократических государств закрепился стереотип «Польша — антисемитской страны». Вину за политику коммунистической власти возложили на весь народ.

В этот момент у каждого польского демократа в подсознании было два желания: выразить сопротивление тем антисемитским стереотипам среди поляков, которые им заново привил коммунистический режим, и противиться стереотипу поляка-антисемита за рубежом. Обе эти разновидности сопротивления я отыскал — скрытыми в повествовании — на страницах книги Мочарского.

Наконец — часто человек запоминает то, что ему нравится помнить, все, что вселяет бодрость в его сердце и придает силы. Поэтому в «Беседах с палачом» Мочарский рисует другой, благородный портрет евреев и другой, благородный портрет поляков. Из новейших исследований в области истории известно, что оба эти портрета сильно идеализированы.

Книга Мочарского — это свидетельство тюремных разговоров со Штроопом. Она служит также свидетельством реакции

автора на позор антисемитизма в Польше в 1968 году.

Оба эти свидетельства заслуживают высочайшего уважения.

Я пользовался, в частности, следующими книгами на польском языке: Казимеж Мочарский. Беседы с палачом. Знак, 2004; Казимеж Мочарский. Записки. ПИВ [Госиздат], 1990; Анджей Кшиштоф Кунерт. Обвиняемый Казимеж Мочарский. Варшава: Искры, 2006; Адольф Эйхман. Кумиры. Воспоминания из камеры смерти». ЕЖВ, 2001; Марек Галензовский. Верные Польше. Выбор текстов. Публицистика пилсудчиков. 1940-1946. Изд. Института Юзефа Пилсудского, 2007; Иоанн Павел II. Паломничества на Родину: 1979-1997. Выступления, проповеди. Знак, 1997; Томас Манн. Мои времена. Эссе. Познанское изд во, 2002; Ян Жепецкий. Воспоминания и исторические заметки. Читательник, 1984; Ян Стшелецкий. Продолжения. ПИВ, 1969 (и последующие издания); Анджей Хмеляж и др. Армия Крайова. Очерки по истории Вооруженных сил Польского подпольного государства. Ред. Кшиштоф Коморовский. Ритм, 2001.

Публикуемый текст — сокращенное вступление к первому итальянскому изданию «Бесед с палачом» Казимежа Мочарского. По-русски главы из книги печатались в журнале «Знамя», 1987, №5.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «Президент Лех Качинский назначил дату выборов в Европарламент на 7 июня. Польша будет избирать 50 депутатов. Предвыборная компания начинается в день обнародования президентского указа о проведении выборов и продлится до 5 июня. С 23 мая избирательные комитеты могут размещать бесплатную рекламу на государственном телевидении и радио». («Наш дзенник», 10 марта)
- Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 9-15 января, целых 82% поляков считают, что смена государственного строя в 1989 г. была полезна для Польши. Недовольство выражают только 8%. 56% опрошенных считают, что преобразования принесли людям больше пользы, чем вреда. Противоположного мнения придерживаются лишь 12% поляков. («Газета wyborcza», 20 февр., «Впрост», 1 марта)
- Генерал Войцех Ярузельский: «Возможно, я шел к пониманию этого слишком долго, но я уверен, что сейчас Польша занимает свое место, что она такая, какой должна быть, а самое главное — что она включена в интегрированную европейскую политико-экономическую систему». («Политика», 14 февр.)
- «По сравнению с 1989 г. польский ВВП увеличился на 70%. Двадцатилетие с момента начала преобразований склонило экономистов к сравнениям. Например, в 1989 г. на среднюю зарплату можно было купить 1154 буханки хлеба, а в 2007 г. — 1695 буханок». («Впрост», 1 марта)
- «11 миллиардов злотых на инвестиции. Таков план 16 крупнейших городов на этот год. Это на 3,5 миллиарда больше, чем в 2008 году». («Жечпосполита», 27 февр.)
- По данным компании «Седляк и Седляк», в 2007 и 2008 гг. средняя зарплата в злотых до вычета налогов составляла в отдельных отраслях соответственно: в телекоммуникации — 4000 и 5500; в информатике — 4500 и 5100; в банковском деле — 3800 и 4900; в энергетике — 3350 и 4500; в строительстве — 3300 и 4200; в тяжелой промышленности — 3500 и 4200; в легкой промышленности — 3200 и 4116, в охране окружающей среды — 2700 и 3600, в торговле — 2750 и 3500, в сфере услуг —

2800 и 3500, в государственном секторе — 2330 и 2900, в здравоохранении — 2100 и 2800, в науке и образовании — 2121 и 2522. («Впрост», 1 марта)

• Главное статистическое управление (ГСУ) провело сравнительный анализ средних зарплат до вычета налогов в государственном и частном секторах с первого по четвертый квартал 2008 года. В промышленности они составили соответственно 4037 и 2955 злотых, в строительстве — 3109 и 3314, в торговле и ремонтных услугах — 3433 и 2927, в образовании — 2978 и 2945, в здравоохранении и социальном обеспечении — 2909 и 2545, в целом — 2323 и 2776 злотых. («Впрост», 1 марта)

• «Новый рекорд: в 17 м финале Большого оркестра праздничной помощи собрано более 40,4 млн. злотых. Это на 8 млн. злотых больше, чем в прошлом году (...) В ходе 17 го финала 120 тыс. добровольцев собирали деньги на раннюю диагностику онкозаболеваний у детей». («Газета wyborча», 27 февр.)

• «Государство продолжает играть ключевую роль в распоряжении публичными деньгами. Почти 45% нашего ВВП проходит через государственный сектор, центральный бюджет, бюджеты органов самоуправления, разнообразных фондов и агентств (...) По доле публичных расходов в ВВП Польша занимает место в самой середине списка европейских стран. Однако она намного беднее и может себе позволить гораздо меньше». (Агата Новаковская, Доминика Велёвейская, «Газета wyborча», 21-22 февр.)

• Организация «The Conference Board» («Performance 2008. Productivity, Employment and Growth in World's Economies») сравнила производительность труда в 2007 г. (ВВП, производимый одним человеком за час, в долларах) и рост производительности труда в 2008 г. (в процентах). В США эти показатели составляют соответственно 51,1 и 1,7%, во Франции — 51,3 и 0,9%, в Германии — 49,2 и 1,1%, в Испании — 37,1 и 0,1%, в Словакии — 27,9 и 5,7%, в Чехии — 24,2 и 3,8%, в Польше — 20,3 и 3,5%. («Впрост», 1 марта)

• «По мнению экспертов Всемирного банка, в группе новых членов ЕС нет такой страны, в которой ситуация в налоговой и финансовой сфере обстоит бы так же хорошо, как в Польше». («Жечпосполита», 21-22 февр.)

• «По данным ГСУ, в четвертом квартале 2008 г. польский ВВП вырос на 2,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (...) Рост ВВП означает, что, в отличие от

экономики западных стран, польская экономика не находилась в четвертом квартале в состоянии технической рецессии (падение ВВП в течение двух кварталов подряд)». («Газета wyborcza», 3 мая)

• «Международные рейтинговые агентства, оценивающие финансовую устойчивость стран и их платежеспособность по долгам, выставляют Польше высокие оценки. Среди стран нашего региона лишь Чехия оценивается так же высоко. Высокую платежеспособность имеет также Словакия, но здесь дополнительным фактором стало вступление в зону евро. «Финансовая устойчивость Польши в регионе очень высока, и мы продолжаем утверждать, что ваша страна устоит перед кризисом», — говорит Кристин Линдоу аналитик агентства «Moody's». Правда, он признаёт, что экономический рост в этом и следующем году может быть немногим больше нуля, но на фоне других стран региона наше положение и так весьма стабильно (...) Вчера евро подешевело почти на 10 грошей, в то время как его курс по отношению к форинту был самый высокий в истории (...) На варшавской бирже индекс крупнейших компаний WIG 20 вырос на 4%, а венгерский индекс Вух упал на 2,4%». (Мирослав Кук, «Жечпосполита», 5 марта)

• «Взвешенные решения могут частично защитить экономику стран с крепкой экономической основой. Чехия и Польша избегали кредитомании в ее худшем варианте и привлекали прямые инвестиции, часто в экспортные отрасли, которые не могут свернуть свою деятельность из-за малейшей трудности. Их экономика прошла трансформацию от коммунистической до рыночной, опираясь на принципы права. Однако из-за глобального кризиса и они переживают замедление роста, рост безработицы. В этом году польский злотый потерял по отношению к евро 15%. Чешская крона тоже падает». (Фрагмент редакционного комментария «Уолл-стрит джорнэл», «Дзенник», 3 марта)

• «„Мы не исключим гадалки из списка профессий. Есть профессия ученого, есть и гадалки”, — таков был ответ пресс-секретаря министерства труда Божены Дябы на письмо ученых, протестующих против включения гадалки, астролога и экстрасенса в список профессий». («Дзенник», 27 февр.)

• По данным министерства труда, в феврале безработица выросла до 10,9%. Без работы остаются 1,719 млн. поляков. Число новых предложений работы уменьшилось — в феврале их было 64 тыс., на 3.2 тыс. меньше, чем в январе. («Дзенник», 12 марта)

• «Перед лицом кризиса поляки становятся более солидарными. Большинство согласно на снижение зарплаты, чтобы сохранить работу для себя и других. Согласно опросу ГфК «Полония», каждый второй поляк (53%) не протестовал бы против снижения зарплаты, если бы это помогло сохранить рабочее место. Противоположного мнения придерживаются 35% опрошенных (...) На нескольких предприятиях сотрудники согласились на снижение зарплат (...) Поляков спросили также, на чем правительство должно экономить в первую очередь. Респонденты считают, что прежде всего экономить следует на правительственной администрации, а затем на национальной обороне и спорте». («Жечпосполита», 24 февр.)

• «Еще год назад на работу за минимальную зарплату (менее тысячи злотых на руки) поляки устраивались лишь в крайних случаях. На таких условиях работало всего около 4% занятых поляков, так как на рынке труда были более привлекательные предложения (...) А сегодня? Работа за тысячу или тысячу с небольшим становится желанной находкой». («Газета wyborcza», 4 марта)

• «Как сообщила исследовательская компания «Нильсен», в прошлом году с рынка исчезло около 7 тыс. маленьких продовольственных магазинов. Это самое большое число магазинов, исчезнувших с рынка за последние годы (...) В прошлые годы экономический рост больше всего помог сетям гипер- и супермаркетов, а также оптовых магазинов. Число крупнейших магазинов за последний год выросло на 9%, до 267, а супермаркетов на 10% — их уже больше 3,9 тысяч (...) Несмотря на то что мы идем в ногу с мировыми тенденциями (...) у нас действует 150 тыс. продовольственных магазинов, что является самым высоким результатом в Старом Свете». («Жечпосполита», 7-8 марта)

• «Ты начал ощущать кризис? Всё слишком дорого? Жаловаться можно по-всякому (...) Например, о своих претензиях к жизни можно спеть. Так будет в Гданьске, где при Балтийском центре культуры создан «Хор жалоб» (...) «Хор выступит на одной из главных улиц города, — сообщает Магда Закшевская-Дуда из Балтийского центра культуры, — мы хотим, чтобы его слышали жители города и власти». («Газета wyborcza», 5 марта)

• «Вчера наша валюта (...) начала расти. Это произошло благодаря миллионам евро, которые министерство финансов обменяло на злотые. Вчера вечером евро стоил 4,77 злотых, а швейцарский франк — 3,23 злотых. Днем раньше обе эти валюты были по меньшей мере на 10 грошей дороже (...) Какая

сумма была обменена? Министерство финансов набрало в рот воды. Неофициально говорится о суммах от 100 до 300 млн. евро. Этого, впрочем, хватило, чтобы расти начал не только злотый, но и биржа (...) Вчера Варшава была сильнейшим рынком в Европе». («Дзенник», 19 февр.)

- «Один из крупнейших инвестиционных банков «„Голдман Сакс” объявил, что больше не будет спекулировать польскими злотыми». («Дзенник», 20 февр.)

- «Совет монетарной политики четвертый месяц подряд снижает процентные ставки. Вчера он снизил главную ставку на 0,25% — до 4% (...) Решение совета продиктовано набирающим силу замедлением экономики, о чем свидетельствует почти 15 процентное падение промышленного производства и рост безработицы до 10%». («Дзенник», 26 февр.)

- «Банк «Голдман Сакс» дает объяснения по поводу операций со злотыми. В специальном коммюнике он утверждает, что его рекомендации клиентам были неправильно истолкованы СМИ как признание в спекуляции польскими злотыми. Коммюнике было опубликовано менее чем через сутки после отмены министром казначейства Александром Градом встречи с представителями банка. Правда, его содержание было довольно туманным». («Дзенник», 24 февр.)

- «Александр Дибелиус, президент банка «Голдман Сакс», ответственный за Центральную и Восточную Европу, выразил сожаление в связи со сложившейся ситуацией и заверил, что банк не спекулировал польской валютой (...) Встреча министра казначейства Александра Града с представителями банка состоялась в Варшаве по инициативе банка (...) «Голдман Сакс» признал, что на операциях с валютами региона заработал 8%». («Жечпосполита», 4 марта)

- «В пятницу злотый то падал, то наверстывал упущенное, а вечером вернулся на исходную позицию, т.е. 4,72 за евро. Тем не менее, на фоне расшатанного и непредсказуемого региона, а особенно тонущей Венгрии, польская валюта выглядит солидно. Инвесторы снова смотрят на нее с интересом, перестав наконец валить злотый в одну кучу с валютами стран, которые справляются с кризисом хуже, чем Польша. Хорошие новости поступили также из Польского национального банка (ПНБ): валютные резервы Польши выросли до 48,85 млн. евро». («Дзенник», 7-8 марта)

• «Своим последним выступлением в Сейме премьер не оставил сомнений: грядут очень тяжелые времена. Мы не можем повлиять на ход глобального кризиса, но постараемся смягчить боль хотя бы там, где это возможно (...) События последних недель открыли полякам глаза — которые, вероятно, надолго останутся широко открытыми. Не будем обманываться, идут времена роста безработицы, проблем с погашением кредитов и краха фирм. Нет уверенности, действительно ли нам удастся избежать рецессии в 2009 году. Но любая рецессия когда-нибудь заканчивается, а страна с сильными основами развития должна стиснуть зубы и перетерпеть трудные времена. Дай Бог, чтобы они длились только год (как сейчас считается), а не гораздо дольше». (Витольд М. Орловский, «Политика», 28 февр.)

• «После подведения итогов прошлого года министр финансов Яцек Ростовский представил отчет о состоянии государственных финансов. Приходы и расходы госбюджета в 2008 г. были ниже запланированных. Бюджетный дефицит должен был составить 27,9 млрд. злотых, а составил (по предварительным расчетам) 24,6 миллиарда. Доходы государства составили более 254 млрд. злотых, т.е. более 90% запланированного. Налоговые и неналоговые доходы были получены в размере 96,9% плана. Из европейских фондов и других подобных источников государство получило 15,2 млрд. злотых, т.е. 43,2% плана. Расходы бюджета в 2008 г. должны были составить почти 309 млрд. злотых, а составили (по предварительным оценкам) 278,6 млрд. злотых. В 2009 г. доходы бюджета составят 303,3408 млрд. злотых (...) Средства из ЕС и других подобных источников должны составить 33,6015 млрд. злотых. Расходы не должны превысить суммы 321,2211 млрд. злотых. Дефицит госбюджета должен быть на 26% меньше, чем в 2008 г., что составляет 18,1863 млрд. злотых. Поиск статей экономии в ведомствах (каждое должно было изыскать возможность сократить расходы на 10%) принес 19,704 млрд. злотых. Понадобятся ли эти деньги, будет ясно в середине года. Тогда нужно будет внести поправки в бюджет». («Дзенник», 6 марта)

• Замминистра финансов Эльжбета Сухоцкая-Рогуская: «Дефицит сектора государственных финансов не превысит в этом году 3% ВВП. Поддержание такого уровня дефицита является одним из условий вступления в зону евро». («Дзенник», 7-8 марта).

• «Дискуссия о кризисе? А не лучше ли об *in vitro* или эвтаназии?» («Наш дзенник», 7-8 марта)

• «Опрос ЦИОМа свидетельствует о том, что подавляющее большинство поляков не возражает против метода *in vitro*. 77% считают его приемлемым, когда дело касается супружеской пары, 53% — также партнеров, а 51% — одинокой женщины. Но если нужно выбрать между *in vitro* и усыновлением, то 46% опрошенных высказываются в пользу усыновления. За *in vitro* — 36%». («Газета выборча», 7-8 марта)

• «Согласно опросу компании «Инквеста», почти каждый третий поляк открыто признаётся, что поддерживает легализацию эвтаназии. Почти половина, желая избежать судьбы Терри Шайво и Элуаны Энглари, которые годами находились в вегетативном состоянии, собирается подписать „завещание жизни“». («Ньюсуик-Польша», 1 марта)

• Министр иностранных дел Радослав Сикорский: «Я рад, что могу работать в правительстве, которое не кормит общество сказками, а реагирует на кризис в соответствии с принципом ответственности за государственные финансы». («Газета выборча», 7-8 марта)

• «Саммит в Брюсселе не одобрил решения, ведущие к росту экономического протекционизма. Благодаря усилиям, в частности, Дональда Туска богатые страны отказались от идеи спастись от кризиса за счет более бедных стран. Не будет еврооблигаций и изъятия капитала западных банков из отделов в Восточной Европе». («Тыгодник повсехный», 8 марта)

• «Согласно опросу ЦИОМа, наибольшим общественным доверием пользуются премьер-министр Дональд Туск (62%), Радослав Сикорский (61%) и Лех Валенса (60%). В предыдущем, январском опросе первое место занимал Лех Валенса, но с тех пор он потерял 3%». («Впрост», 6 марта)

• «Премьер должен заплатить 10 тыс. злотых, поскольку он проигнорировал решение Варшавского воеводского административного суда, обязывавшее его предоставить заинтересованному гражданину отчет о нарушениях в работе Центрального антикоррупционного бюро. В июле суд отменил решение Дональда Туска об отказе в предоставлении отчета юристу Петру Бжозовскому из Миломлына на Мазурах». («Газета выборча», 21-22 февр.)

• Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, проведенному 20-22 февраля, если бы президентские выборы прошли сейчас, Дональд Туск набрал бы 30% голосов, Лех

Качинский — 13%, Влодзимеж Цимошевич — 12%. («Газета wyborcza», 27 февр.)

- Согласно опросу ГфК «Полония», в начале марта за «Гражданскую платформу» (ГП) проголосовало бы 58% избирателей, за «Право и справедливость» (ПиС) — 28%, за Союз демократических левых сил (СДЛС) — 5%, за крестьянскую партию ПСЛ — 4%. Избирательный барьер составляет 5%. («Жечпосполита», 12 марта)
- «Согласно опросу ЦИОМа, 48% поляков уже ощущают последствия кризиса (три месяца назад их было только 18%). Чаще всего в качестве такого последствия указывается снижение доходов (24%). Каждый пятый респондент отказался от покупок, связанных с большими расходами, а каждый десятый — от того, чтобы взять кредит». («Впрост», 8 марта)
- «Паника в доме, лихорадочные попытки сэкономить, ссоры из-за денег и взаимные обвинения в расточительстве — таким коварным образом финансовый кризис касается всё большего числа семей». («Дзенник», 4 марта)
- «Из отчета Бюро экономической информации «ИнфоМонитор» следует, что 1,3 млн. поляков задерживают оплату за электричество, телефон и квартиру на 60 с лишним дней. Общая сумма такой задолженности составила в феврале 8,6 млн. злотых. Средняя задолженность составляет 6636 злотых и за последние месяцы выросла на 211 злотых». («Впрост», 8 марта)
- «„Я первый напишу заявление о банкротстве“, — говорит Тадеуш Брость, когда-то известный диктор телевидения. Он потерял работу, не выплатил кредит, и его долг вырос с 200 тыс. злотых почти до 600 тысяч. Он понимает, что ему никогда его не отдать. К счастью, 31 марта вступает в силу закон о банкротстве физических лиц. Он даст возможность таким людям, как Брость, освободиться от долгов и начать новую жизнь. «Этим шансом могут воспользоваться до 200 тыс. человек», — прикидывает доктор Януш Гробицкий из Центра Адама Смита». («Польска», 7-8 марта)
- «Принципы объявления о банкротстве: 1. О потребительском банкротстве могут объявить только физические лица, не ведущие хозяйственной деятельности. 2. Можно очиститься от долга, только если задолженность появилась в исключительных обстоятельствах, не зависящих от должника. 3. Заявление о банкротстве может подать в суд только сам должник. 4. Банкротство можно объявлять не чаще, чем раз в 10

лет. 5. Синдик продает собственность должника, в т.ч. занимаемую им недвижимость (...) Из вырученной суммы синдик выделяет должнику столько, сколько необходимо для съема квартиры в течение 12 месяцев. 6. Должник имеет 5 лет на удовлетворение кредиторов, которым не заплачено после продажи имущества. После этого срока суд аннулирует остаток долга. Однако в этот период должник не имеет права покупать в рассрочку или с отсрочкой в оплате». («Польска», 7-8 марта)

• «Психологическое пособие. Бесплатное приложение к еженедельному журналу «Политика». №10 (2695), 7 марта 2009. Выпуск 10. «Не сдавайся. Кто не утонет во время кризиса? Можно ли быть счастливым без работы? Какие эмоции потрясают рынок?» (Текст на обложке 45-страничного приложения к журналу «Политика»)

• «Как выстоять в трудные времена? (...) Еще 2-3 месяца назад можно было питать иллюзии, что мировой кризис нас не коснется. Но за последние три месяца работу потеряли четверть миллиона человек, а траты поляков в магазинах впервые за долгое время стали уменьшаться. Многие экономисты опасаются, что последствия экономического замедления могут коснуться большинства польских семей. Как подготовиться к худшим временам? (...) Проверь, не грозит ли твоему домашнему бюджету дефицит (...) Если у тебя нет больших сбережений, подготовь запасной план. Как? Пересмотри расходы, запланируй, где можно их урезать. Проверь, какова доля обязательных расходов. Чем больше доля постоянных расходов, тем более решительно нужно урезать те, которые необязательны (...) Проверь, какую долю расходов занимает оплата в рассрочку (...) Рассрочка не должна превышать 30-50% семейного бюджета (...) Постарайся не брать новых кредитов (...) Не проедай финансовых излишков. Если в твоём бюджете есть небольшой запас, откладывай деньги на худшие времена (...) Следи за уровнем своих сбережений (...) Размести как можно больше их часть так, чтобы ты мог иметь к ним доступ в любое время (...) Не оставляй без внимания дыру в бюджете (...) потому что если ты не уменьшишь расходы, то можешь попасть в капкан задолженности». (Мацей Самчик, «Газета выбора», 28 февр. — 1 марта)

• «В самый разгар катастрофы нашлось три тысячи польских фирм, которые поверили в землю обетованную на востоке и открыли там свои филиалы. На сегодняшний день около тысячи хозяйственных субъектов инвестировали в России полмиллиарда долларов. Еще больше фирм — более двух тысяч — действует на Украине, где объем польских инвестиций

составляет сегодня 700 млн. долларов. Теперь их шефы уже знают, что Россия и Украина — это не обетованная земля, а потрясаемые кризисом рынки, козырем которых вот уже много лет остается их перспективность. Несмотря на рецессию, которая продлит срок ожидания крупной прибыли, они не собираются отступать. Они рассчитывают, что раз у них больше опыта в рыночной экономике, то они лучше справятся с кризисом, чем местные конкуренты». (Радослав Омахель, «Ньюсуик-Польша», 22 февр.)

- «Московские власти в одностороннем порядке уменьшили число разрешений, необходимых для осуществления перевозок по территории России (...) Вместо 200 тыс. разрешений мы получили 40 тысяч. Согласно международным договоренностям, лимиты устанавливает комиссия, состоящая из представителей обеих стран. Тем не менее, Россия в одностороннем порядке уменьшила лимиты. Но и этого мало. Польская сторона не получила ни одного разрешения на перевозки из т.н. третьих стран, хотя должна была получить их 30 тысяч». («Жечпосполита», 4 марта)

- «„Газпром” множит проблемы. Сначала компания приостановила поставки газа в Польшу, теперь она не платит за транзит газа по Ямальскому газопроводу, а ее представители блокируют изменения в оплатах (...) 20 млн. долларов должен доплатить «Газпром» польской компании «ЕвроПолГаз» за транзит газа в 2006 году (...) В Европе все больше говорят о проблемах Польши, которая, единственная из всех стран ЕС, после окончания российско-украинского газового конфликта не получает всего газа, заказанного на востоке». («Газета wyborча», 20 февр.)

- «Польская нефтегазовая компания (ПНГК) сообщила, что с 1 марта «Газпром» приостановил дополнительные поставки газа в Польшу — 5 млн. кубометров (...) Они были восполнением 7 млн. кубометров, не поступивших через польско-украинский переход в Дроздовичах. ПНГК настаивает на возобновлении дополнительных поставок, потому что с концом зимы потребление топлива снизилось с 50 до 40 млн. кубометров в день». («Дзенник», 3 марта)

- «„Газпром” представил ПНГК проект договора по дополнительным поставкам газа на этот год — вместо того, который не выполняет компания «РосУкрЭнерго» (...) «Газпром» рассчитывает, что Польша откажется от претензий к «РосУкрЭнерго», которое, несмотря на подписанное соглашение, не поставляет нам газ. Между тем ПНГК имеет право требовать 60 млн. долларов возмещения ущерба за

невыполненный в этом году контракт, тем более что российско-украинская компания должна быть в скором времени ликвидирована (...) «Газпром» владеет половиной акций РУЭ, и именно он рекомендовал его как партнера ПНГК в 2006 г., когда подписывался договор». («Жечпосполита», 6-8 марта)

• «Польские и российские фирмы хотят ввести в действие мощный кабель, по которому потекло бы дешевое электричество с Украины. Проект блокируется украинским правительством (...) Речь идет об энергетическом кабеле, протянутом от электростанции в Хмельницком на Украине до Жешува в Польше (...) Польские энергетики подозревают, что кабель, как и многие другие проекты на Украине, стал жертвой конфликтов между премьер-министром Юлией Тимошенко и президентом Виктором Ющенко. Соперничающие лагеря обоих лидеров блокируют почти любой крупный инвестиционный проект друг друга». (Рафал Засунь, «Газета wyborcza», 24 февр.)

• «„Это была красивая деревня, 172 двора, посередине церковь, школа, вокруг сады. Сегодня я ищу эти места — куда они подевались? Где наши близкие? Где церковь? Где школа?“ — говорила в субботу Малгожата Госнёвская-Кола, председатель общества «Гута-Пеняцкая». Общество объединяет семьи поляков, убитых в деревне 65 лет назад. 28 февраля 1944 г. около тысячи поляков из Гуты-Пеняцкой под Львовом были убиты отрядом немцев и украинцев (...) Президент Лех Качинский говорил в субботу о жестокости этого преступления (...) призывал к примирению (...) В том же духе высказывался и президент Виктор Ющенко: «Я глубоко верю, что украинец подал поляку руку дружбы на века» (...) К примирению призывало также римско-католическое, греко-католическое и православное духовенство». (Петр Косцинский, «Жечпосполита», 2 марта)

• «Первым большим шагом на пути к польско-украинскому примирению стала в 2003 г. мемориальная церемония, посвященная резне на Волыни, в которой участвовали президенты Александр Квасневский и Леонид Кучма (...) По разным подсчетам, в этнических чистках погибло тогда от нескольких десятков до ста тысяч поляков и полтора десятка тысяч украинцев. В 2006 г. почтили — при участии президентов — память 360 украинцев, убитых отрядом Армии Крайовой в Павлокоме под Жешувом в отместку за убийство поляков. Поминание этого года в Гуте-Пеняцкой не вызвало особого интереса у украинских СМИ». (Мариуш Завадский, «Газета wyborcza», 2 марта)

- «Кладбище в Легнице — один из польских некрополей, на котором появится общая гробница квартировавших в Польше советских солдат и их семей (...) Лидию Новикову эксгумация, проведенная в конце ноября — начале декабря, обошла стороной. На могиле, украшенной фотографией красивой молодой женщины, горят свечи, лежат свежие цветы (...) «История русской, которая полюбила поляка и заплатила за это, покончив с собой, — это часть истории нашего города, — говорит Ядвига Зенкевич, заместитель президента (мэра) Легницы. — Поэтому мы прислушивались к тому, что говорят легничане. В городскую управу поступило множество просьб оставить могилу русской женщины. [О судьбе Лидии Новиковой рассказывает новый художественный фильм Вальдемара Кшистека «Малая Москва»]». (Магда Подсядлы, «Газета выборча», 14-15 февр.)
- «В Мальборке (...) роскошный четырехзвездочный отель встанет недалеко от места, где были найдены останки двух тысяч человек (...) В общей могиле 1945 г. до сих пор идут работы по эксгумации (...) Оказалось, что среди жертв немало маленьких детей, кроме того, не у всех есть огнестрельные раны (...) Кроме немцев, расстрелянных русскими, в могилу попали также умершие и погибшие в боях». (Яцек Скробиш, «Польска», 9 марта)
- «Вилла «Ясный дом» на ул. Сверца в варшавском районе Влохы будет занесена в список памятников истории. В послевоенные годы там находилось одно из отделений Управления безопасности (...) В подвалах в 1946-1953 гг. держали солдат Армии Крайовой (...) В дверях бывших камер до сих пор есть вырезанные глазки, а также отверстия для выдачи еды. На стенах сохранилось множество надписей, рисунков и тюремных календариков, нацарапанных заключенными». («Дзенник», 10 марта)
- «Мостовая из еврейских надгробий более 60 лет служила жителям городка Собене-Езёры под Отвоцком. Сегодня ее разберут. Почти 150 каменных плит вернется на местный киркут. Тротуар из мацев был положен в войну или сразу после нее (...) Проблема украденных мацев есть и в Варшаве. Каменные плиты с Еврейского кладбища в Праге были использованы в 50-е годы, например, для сооружения поребриков в зоопарке и беседок в парке». (Томаш Ужиковский, «Газета выборча», 6 марта)
- «Впервые в Польше на еврейском кладбище почтили память католического священника. «Это был прекрасный человек и друг. Он останется в наших сердцах», — сказал Тадеуш

Якубович, председатель еврейской общины Кракова, открывая мемориальную доску в честь о. Станислава Мусяла».
(«Жечпосполита», 5 марта)

• «Католики и евреи встретились в краковском иезуитском институте «Игнацианум», чтобы почтить память ушедшего из жизни пять лет назад о. Станислава Мусяла (...) Вчера впервые присуждена премия им. о. Станислава Мусяла. Ее лауреатом стал недавно умерший профессор Ян Блонский». (Катажина Висневская, «Газета выборча», 7-8 марта)

• «Согласно опросу «IMAS International», 93% поляков заявляют о своей принадлежности к католичеству (...) 83% считают себя верующими (...) Почти 50% верующих участвуют в воскресной мессе». («Жечпосполита», 10 марта)

• «В конце февраля пятеро монахов из самого известного тибетского монастыря Ганден несколько дней пребывали в монастыре бенедиктинцев в Тынце под Краковом. В связи с политической ситуацией они должны были покинуть Тибет и поселиться в Индии. В Краков они приехали в рамках проекта «Время для Тибета» (...) «Их религиозная традиция старше нашей. Мы можем многому от них научиться», — говорит отец Ян Павел Конобродский». («Наш дзенник», 7-8 марта)

• Вчера, в 50-ю годовщину тибетского восстания, в 25 городах Польши мы заявили о нашей солидарности с жителями оккупированного Тибета. Главным мотивом была лента с надписью «Тибет — оккупированная территория». Ею огорожены места демонстраций, хэппенингов, киносеансов, концертов и выставок тибетского искусства. Координатором акции был фонд «Иное пространство». («Газета выборча», 10 и 11 марта)

• «Память Рышарда Сивеца, который в 1968 г. во время праздника урожая на Стадионе десятилетия ПНР поджег себя в знак протеста против вторжения в Чехословакию, почтили вчера в столице Чехии. Его именем названа улица в центре Праги». («Дзенник», 14-15 февр.)

• Рышард Сивец, 1909-1968. Родился в Дембице, окончил философский факультет во Львове, в университете им. Яна Казимира. Воевал в Армии Крайовой. После войны работал бухгалтером, подрабатывал, выращивая кур и занимаясь садоводством. 8 сентября 1968 г., на глазах у ста тысяч людей на трибунах стадиона, разбросал листовки с протестом против вторжения СССР в Чехословакию, облил себя бензином и поджег. Умер в больнице спустя четыре дня в результате ожогов

85% поверхности тела. Протест Сивеца на полгода предвосхитил громкое самосожжение чешского студента Яна Палаха. Посмертно он награжден высшими польскими, чешскими и словацкими наградами. В пятницу Сейм почтил память Сивеца, назвав его героем трех народов. («Жечпосполита», 7-8 марта)

• «В Дембице открыта мемориальная доска, посвященная протесту Сивеца против вторжения в Чехословакию в 1968 году (...) «Помните, что родина — это не только вы, но и тот сбитый с толку милиционер, который бьет палкой и ногами за желание быть свободными», — напомнил во время мессы слова завещания Сивеца о. Рышард Пясецкий». («Жечпосполита», 9 марта)

• «Гданьская художница изготовила косметические препараты для похудения, содержащие человеческий жир (...) Алина Жемойдзин несколько месяцев назад защитила диплом в гданьской Академии художеств. Ее дипломный проект состоял в изготовлении линии косметических препаратов для похудения (кремы, бальзамы, гели, серум, мыло), в состав которых входит человеческий жир (...) Ее работа была оценена на пять с плюсом (...) Сегодня проект будет показан в Гданьском центре современного искусства „Лазня”». (Дорота Карась, «Газета выборча», 6 марта)

• «После двухлетней борьбы с раком легких (...) умер проф. Збигнев Релига (...) Он был символом польской кардиохирургии: в 1985 г. он пересади́л человеческое сердце. Эта была первая успешная трансплантация в Польше (...) Дважды он был сенатором (...) В правительстве Пис занимал пост министра здравоохранения (...) В конце прошлого года был награжден орденом Белого орла». («Жечпосполита», 9 марта)

• «„Самое ценное, что он нам оставил, — это польская трансплантология. Он сам провел более 400 пересадок. Воспитал прекрасных специалистов, о которых можно даже сказать, что ученики переросли учителя”, — говорит Тадеуш Житкевич, учитель, 81 год, из них 21 — после пересадки сердца Религой». («Жечпосполита», 10 марта)

• «„Мы строили несколько колодцев в Дарфуре, но когда в Кульбусе задержали наших работников, строительство колодца было приостановлено. Наша коллега, которая координировала деятельность «Польской гуманитарной акции» в Дарфуре, возвращается во вторник”, — рассказывает Янина Охойская, создательница и директор ПГА (...) ПГА помогает жителям Судана вот уже пять лет (в августе была основана постоянная

миссия в южном Судане) (...) Она передавала палатки и медицинское оборудование для крупнейшего лагеря внутренних беженцев в Зам-Заме в северном Дарфуре (...) Благодаря ПГА при лагерях беженцев появилось 40 глубоких колодцев, доставлены запчасти для починки насосов. По оценкам ПГА, помощью воспользовались уже почти 40 тыс. человек». (Доминик Улиг, Войцех Ягельский, «Газета выборча», 7-8 марта)

• «Белорусская прокуратура предупредила белорусскую журналистку, что сотрудничество с польским телевидением «Белсат» запрещено (...) Аналогичное предупреждение услышала вчера журналистка Татьяна Бубликова, член Независимого белорусского союза журналистов (...) В начале декабря похожее предостережение получил деятель оппозиции из Гомеля Константин Жуковский». («Газета выборча», 26 февр.)

• «Министр национальной обороны Богдан Клих вернулся вчера из двухдневной поездки в Афганистан. Он посетил четыре польских базы, в которых расквартированы около 1600 польских военнослужащих четвертой смены (...) В дополнение к этому Польша выделит еще одну воинскую часть, которая в случае необходимости в любой момент будет переброшена в Афганистан (...) Туда будут высланы также дополнительные военные вертолеты и бронетранспортеры». («Дзенник», 7-8 марта)

• «Согласно опросу ЦИОМа, после 10 лет в НАТО 80% поляков поддерживают членство в Североатлантическом союзе. Против выступают только 11% (...) Противников миссии в Афганистане 73%, а сторонников — только 23%». («Газета выборча», 10 марта)

• «Специальная полицейская группа задержала чеченского террориста, подозреваемого в совершении убийств по заказу российских спецслужб. Турпаль Али застрелил, в частности, бывшего начальника охраны президента Чечни за раскрытие его мафиозной деятельности (...) Теперь чеченца ждет экстрадиция в Австрию. Там он предстанет перед судом по обвинению в убийстве». («Дзенник», 23 февр.)

• Проф. Анджей Семашко, криминолог, профессор Института правосудия: «Последние данные по жертвам — от января с.г. — подтверждают, что преступность в Польше продолжает падать. Несмотря на сильный кризис (...) Виновники преступлений — это в основном мужчины в возрасте от 16 до 24 лет, так что зависимость проста: чем меньше эта возрастная группа, тем

меньше преступность. На демографический спад наслоилося еще и эмиграция. Эмигрируют, в основном, молодые (...) Может быть, неслучаен факт, что в Англии, Ирландии и Исландии, куда чаще всего эмигрируют поляки, преступность самая высокая в Европе. Возможна и более качественная работа полиции, которая уже не обременена таким количеством вызовов (...) Наш мозг созревает на удивление поздно — к 24 му году жизни. Говорят, до этого средний мозг напоминает мозг психопата: еще недоразвита способность к сопереживанию, отсрочке вознаграждения, сдерживанию влечений и эмоций (...) Связь между группой риска — мужчинами 16-24 лет — и падением преступности имеет, как мне представляется, математический характер. Упрощая: если эта группа уменьшается в два раза, то преступность — в четыре». («Газета выборча», 3 марта)

• «Польские цирки открывают новый сезон. Слоны, тигры, зебры, змеи — дикие животные, которые на свободе охраняются, в шатрах должны будут выступать на радость толпе (...) Контроль условий, в которых пребывают животные в польских цирках, весьма слаб. Между тем слоны, тигры и зебры заболевают там психически (...) Правда, уже не встречается случаев выкалывания животным глаза со стороны, где стоит дрессировщик (так делали до момента распада СССР), но в странах, допускающих выступления животных в цирках, их все еще избивают и ранят (...) Польские экологические организации готовят поправки к закону об охране животных, которые запретят выступления диких животных в цирках». (Якуб Хелминский, «Дзенник», 6 марта)

• «В приюте Божены Валь в нескольких десятках километров от Варшавы художница и семеро ее помощников ухаживают за 750 собаками. Приют она содержит на собственные деньги и дотации для ее фонда «Последний шанс». На еду для такой оравы хватает с трудом, на ремонт — уже совсем не хватает. Поэтому в эту субботу художница будет продавать свои картины». («Газета выборча», 21-22 февр.)

• «Зимой хищные птицы массово гибнут под колесами мчащихся автомобилей (...) Чаще всего под колеса попадают мышеловы, которые высматривают добычу со столбиков у скоростных дорог. В Силезскую лесную скорую помощь почти ежедневно попадает птица, раненная на дороге (...) Дороги и обочины привлекательны для птиц, так как они очищены от снега и посыпаны солью, что притягивают мелкую живность. Особенно грызунам легче найти тут побеги трав, чем выкапывать их из-под снега в лесу (...) Их тоже часто давят

машины, а хищные птицы караулят падаль (...) Если машина приближается со скоростью до 60 км/час, мышелов успевают убежать с проезжей части. Более высокие скорости в природе обычно не встречаются, и мышеловы в таких случаях не в состоянии отреагировать». (Якуб Хелминский, «Дзенник», 4 марта)

• «В сердце Беловежской пуши появились квадроциклы! Они заполнили уже всю Польшу. Это популярный подарок для мальчиков к первому причастию (...) Борьба с квадроциклами в лесах, горах и на пляжах — это борьба с плохим воспитанием и ментальностью». (Адам Вайрак, «Газета выборча», 21-22 февр.)

• «Проезжающие через Бебжанский национальный парк поезда стали ездить медленнее, чтобы не сбивать стоящих на путях лосей. Благодаря усилиям БНП и «Дзенника» Польские железные дороги согласились на местное ограничение скорости до 50 км/ч (...) Железнодорожники согласились на это после того, как в начале года под колесами локомотивов за короткое время погибли четыре лося. Дирекция парка подсчитала, что ежегодно в этом месте гибнет до 20 лосей. В БНП их 600. Все они находятся под особой охраной по всей стране». (Эмилия Вебер, «Дзенник», 21 февр.)

• «Еще несколько дней назад 12-летней Латке грозила смерть в бойне. После призыва газеты «Жиче Варшавы» на счет фонда «Центаурус», занимающегося спасением предназначенных на убой лошадей, стали поступать пожертвования от варшавян. Уже через три дня кобылу удалось выкупить. Читатели собрали 2,3 тыс. злотых, и еще 850 — на транспортировку в Варшаву (...) Супруги Ярославские предложили взять лошадь к себе (...) Фонд «Центаурус» спас жизнь уже 90 лошадям. Они попали в центры, где с помощью иппотерапии помогают, в частности, инвалидам и трудной молодежи. Латка пока работать не может. Она в тяжелом состоянии: истощена, кожа в грибок, в паху большая рана. «Теперь о ней будет заботиться один из врачей Польского союза конного спорта», — заверяет Ярослав Ярославский». (Наталия Бет, «Жечпосполита», 2 марта)

• «Случайный контроль в одной из мазовецких деревень спас животных, содержащихся в ужасных условиях. Сегодня пять коров, которых чуть не уморил голодом один из крестьян, попадут в другое хозяйство. Одна была настолько истощена, что ветеринары должны были ее усыпить (...) Число уведомлений об издевательствах над животными продолжает расти (...) В 2008 г. было заявлено о 1940 случаях издевательств — год назад их было 1522, а пять лет назад — 1180. Половина из них имела место в деревнях (...) Чаще всего о преступлении информируют

туристы или инспекторы. Среди соседей обычно царит заговор молчания. Проблема состоит в практической безнаказанности виновных (...) Суды чаще всего выносят условные приговоры». (Эмилия Вебер, «Дзенник», 11 марта)

• Тимотеуш Скиба, 1987 г.р.: «Вместе с «круглым столом» в Польше закончился романтизм. Не за что бороться. Не с кем бороться». («Дзенник», 11 марта)

КОММУНИСТЫ — И ОТДАТЬ ВЛАСТЬ?

— Чего вы ожидали в конце 80 х годов, когда у вас уже была Нобелевская премия, товарищи из оппозиции вышли из тюрем, но в стране был застой, а о «Солидарности» и договоренности с властью даже речи не было?

— Знаете, я про вчерашний день плохо соображаю. Я решаю сегодняшние кроссворды, которые мне подбрасывает жизнь, и иду дальше. Прошрое я оставляю историкам, политикам и полицейским архивам. Многих вещей я просто не помню. Но ответить попробую.

Я с самого рождения, всю свою жизнь был антикоммунистом. Я из простой деревенской семьи. В доме было полное отрицание коммунизма. Не то чтобы у нас какие-то там концепции системы были, у нас семья простая была, но всё в доме было против этой системы. Что-де нас, такого верного союзника, после войны предали, что нам эту систему навязали, что коммунисты убивают, угнетают, подслушивают и всё такое. Мы слушали радио «Свободная Европа». Так я и воспитывался, на религии и антикоммунизме. И чем дальше плыл корабль моей жизни, тем больше у меня было конфликтов, тем больше я бунтовал, не соглашался, у меня и с учителями были конфликты, и в армии. И так я всё больше и больше в это дело ввязывался, пока невзначай не дошел до того, что стал оппозиционером.

Я знал, что коммунизм реформировать невозможно, что можно искать какие-то способы с ними договориться, но только для передышки, а потом нужно хватать власть за горло. Я знал, что коммунизм должен проиграть, потому что эта система была чистым абсурдом. Вопрос был только, когда и каким образом. Я всегда старался приблизить его падение, но так, чтобы и заплатить за это наименьшую цену.

Во время военного положения нас хотели уничтожить, но им это не удалось. Вы спрашиваете про 1986-1987 годы. Я тогда со всех сторон слышал, что нельзя дважды войти в одну реку, что «Солидарность» проиграла, что коммунисты не уступят.

— От кого вы это слышали?

— Да со всех сторон.

— *Был такой момент, что даже Церковь признала, что «Солидарность» — это прошлое. Это публично заявил примас Глемп во время одной своей поездки за рубеж.*

— Я не хочу переходить на личности. Но слышал я это практически ото всех. Меня уговаривали, чтобы я бросил заниматься «Солидарностью». За исключением Его Святейшества Папы. Он мне этого никогда не сказал. Да и многие мои коллеги из оппозиции говорили, что ничего не выйдет, что «Солидарность» — это уже только перевернутая страница. А я с упорством маньяка повторял, что без «Солидарности» ничего не будет, что мы не сдвинемся с места.

— *Потом начались забастовки 1988 года. Что-нибудь они изменили?*

— Тоже мне забастовки, прости Господи! Болтовни было много. Жалкая картина. Только одна, в Новой Гуте, которую коммуняки подавили, была еще более или менее. Остальное — жалкие стачки, какие-то молодые люди присоединялись, это правда, но без веры в победу.

В мае началась забастовка на Гданьской судовой верфи. Я сделал ее руководителем Алоизия Шаблевского, инженера, уже пожилого, плохого политика, но достойного человека. Они там заседали, выдвигали какие-то требования, обсуждали, как вести переговоры, а я всё это время пролежал на пенопласте. Каждые полчаса я поднимал руку, и Шаблевский говорил: «Давайте послушаем, что скажет наш уважаемый председатель».

А я говорил: «Нет свободы без „Солидарности“». И всё.

Переворачивался на другой бок и дальше спал. И раз десять. Я им говорил: «Ребята, всё, что вы тут говорите, все эти требования, это всё не в счет. Главное — вырвать у них «Солидарность», а всего остального мы добьемся».

— *Во время августовской забастовки вам пришло от генерала Кищака приглашение на переговоры.*

— Да. По-моему, его привез адвокат Сила-Новицкий. Я думал тогда, что еще год или два — и нам придется всё начинать сначала, как в 1980-м. Поэтому я решил, что нужно сделать всё, чтобы, блин, как-то зацепиться, что-то сдвинуть с места. И когда пришло это приглашение, я понял, что на этом можно сыграть, что-то построить. Там были условия: закончить

забастовку. Тогда мне страшно мешал наш великий подпольщик «Барсук», Богдан Борусевич: он старался раздуть огонь, а я — тушить. Потом мы между собой всё выяснили.

Я знал, что коммунисты хотели проверить, достаточно ли у меня власти, остался ли я руководителем, насколько сильна «Солидарность». Но я все равно согласился. Я знал, что нас хотят обмануть, и поэтому сказал, что никаких переговоров без присутствия священника не будет. Рядом должен был ксёндз — как пожилая дама при девице. Они хотели нас проверить: что-то дать, чего-то не дать, а потом всё взять обратно.

— Затем, в сентябре и ноябре 1988 го, были переговоры в Магдаленке, в приходе в Виланове и т.д. Как они проходили?

— Я повторил, что нет свободы без «Солидарности», а всё остальное неважно. Понятно, я радовался, когда уже потом, за «круглым столом», мы чего-то добивались: то отмена цензуры, то экономические свободы.

— А разве договоренность «вам — свободный Сенат, а нам — выборы по квотам и пост президента» не была переломной?

— Это был их пробный шар. Они хотели проверить и нас, и самих себя. Эту договоренность нельзя было соблюдать.

— Почему?

— Я до сих пор избегал говорить об этом, потому что должен был бы заявить публично, что я мошенник, что я подписал это соглашение, чтобы потом другую сторону задушить, что я поступал нечестно, что пошел против собственной совести. Но некоторые генералы меня вынудили, так что я всё скажу.

— Кто именно?

— Даже Кищак несколько недель назад сказал, что они дали нам больше, чем «Солидарность» хотела взять. Ну дали — и дали, но для того, чтобы бы этим подавились. Они себе оставили президента, армию, госбезопасность, а нам дали экономику, даже премьера, чтобы нас возненавидели за эти реформы, а потом бы они нас прикончили.

Мазовецкий — порядочный человек, но формалист. Остальные тоже хотели соблюдать договоренности, считали, что договоры следует выполнять. Меня тоже так воспитали, но мне пришлось себе изменить. А Мазовецкий потом даже выступил против меня за пост президента. И что? Он даже Тыминскому проиграл.

А что бы было, если бы Ярузельский еще пять лет был президентом? А Кищак — пять лет во главе МВД? Как бы мы тогда вступали в НАТО и Евросоюз?

— *Но коммунизм и так распался. Он не поспевал за Западом.*

— Да? А как бы выглядел путч Янаева в 1991 г., если бы все эти коммунисты были на своих должностях? Как бы выглядела тогда Польша, если бы тогда в ней по-прежнему были советские войска?

Я был тогда вынужден всё ускорить. Мы должны были сбросить генерала Ярузельского, я должен был опрокинуть «круглый стол». Все были против меня. Я сам всё это сделал, одним движением. И к тому же еще не мог говорить вслух, что я нарушаю договоренности.

— *Но жизнь и так выплеснулась, за рамки соглашений «круглого стола». Коммунисты проиграли выборы, отдали правительство.*

— Вот именно. На выборах они хотели проверить нашу и свою силу. И проиграли. Они хотели втянуть во власть благовоспитанных чистюль из нашей среды, а себе оставить все силовые структуры. Они там непрерывно встречались с экспертами и придумывали, как бы им сохранить для себя как можно больше. А при этом Ярузельский принимал поправки к конституции. Я видел, что нужно нанести еще один удар, пока они еще не пришли в себя. Здесь видно, как много в истории зависит от одного шага.

— *А вам не кажется, что хотя за «круглым столом» коммунисты хотели лишь поделиться властью с «Солидарностью», то потом уже они считались с тем, что утратят ее полностью, например, на следующих выборах через четыре года?*

— Вы шутите или что? Коммунисты — и отдать власть? Они никогда никому власти не отдавали. Они хотели реформировать коммунизм по принципу: «коммунизм — да, извращения — нет», как в 1956 году. Они хотели себе оставить главное — власть. И самое главное было — сбросить генерала. Они были хорошо организованы. «Круглый стол», правительство Мазовецкого — всё это еще не были настоящие победы. То есть, конечно, да, но как этапы в последовательности событий, а не как окончательная победа. Мы могли еще всё проиграть. Ярузельский не мог бы пойти в НАТО, он мог бы остаться президентом еще два срока подряд. И путч Янаева совсем по-другому тогда бы пошел.

— Вероятно, они уже не собирались реформировать коммунизм. Раковский в своих дневниках в 1981–1983 гг. много раз повторял, что эту систему реформировать невозможно.

— Одно дело — писать, а другое — делать. К тому же Раковский не был целиком их человеком. Он всегда сторонился этих генералов.

— Но когда Ярузельский и несколько других высокопоставленных руководителей сделали ставку на «круглый стол», против них был весь ЦК ПОРП, и они его шантажировали: не хотите — не надо, играйте дальше без нас. Почему вы не верите в их добрую волю?

— Эти несколько других высокопоставленных, как вы говорите, решили, что должны допустить нас к власти — но этих, покладистых, — чтобы потом нас добить и разгромить «Солидарность». Это была их дьявольская идея — сделать это в белых перчатках. Их спасение было в том, что Мазовецкий себе правит, делает черную работу, проводит реформы, Валенса его поддерживает, а они ждут взрыва общественного недовольства, массовых протестов — и тогда нас прикончат. И будет коммунизм, с рыночной экономикой, другой, но всё же — коммунизм. И они останутся. Они хотели так осторожненько подвести под нас мину. Они хотели коммунизм реформировать, а я — уничтожить. Но у них ничего не вышло, потому что Валенса этого не позволил.

— Однако после реформ Бальцеровича весной 1990 г. коммунизма уже не было, была другая система.

— Ну и что с того. Еще немного — и люди бы нас выгнали. Еще несколько месяцев, полгода, год — и мы ничего бы уже не сделали. Уже тогда люди кричали: «Коммуна, вернись!» Даже на моих митингах во время президентской кампании. Вскоре начались бы марши на Варшаву. Это была последняя секунда, чтобы их сокрушить. Я разрушил этот заговор, опрокинул «круглый стол». И сделал это в одиночку, против моих товарищей, которые меня сдерживали.

— Потому что они не хотели, чтобы вы нарушали деликатное равновесие и ставили под угрозу очень трудные реформы.

— Может, и да. Я не знаю, как бы дела дальше пошли. Я не настаиваю. Я сделал то, что сделал. И не знаю, кто был прав. И мы этого уже никогда не узнаем. Уж точно не на этом свете.

Вел беседу Мацей Стасинский

МНЕ ТАКАЯ ПОЛЬША НРАВИТСЯ

— *Кто сверг коммунизм?*

— Я ожидал, что вы начнете с дежурной темы — военное положение 1981 года.

— *О военном положении у меня уже больше нет сил говорить.*

— А мне тогда что еще сказать? В качестве обвиняемого я изложил перед судом свои объяснения, которые изданы отдельной книгой под названием «Последнее слово». Но я, конечно же, понимаю, что на эту тему не будет ни последнего слова, ни последнего вопроса.

— *Давайте вернемся к теме коммунизма. Кто же в действительности его сверг?*

— Я помню большую конференцию в Турине по случаю 20 летия перестройки. В ней принимали участие несколько бывших президентов, премьер-министров, многие политики, советские диссиденты. Мы были там вместе с Валенсой и Раковским. Валенса разделил заслуги по-своему. По его мнению, крах коммунизма — это на 50% заслуга Папы Иоанна Павла II, на 30% — «Солидарности» и на 20% — «прочих факторов». Я с уважением отношусь к исторической роли Леха Валенсы, но с такой оценкой трудно согласиться. В этих 20% были свалены в одну кучу все остальные — польские и зарубежные — силы и личности.

— *А по вашему личному мнению, кто же сверг коммунизм?*

— Коротко на этот вопрос ответить нельзя, тем более что коммунизм — понятие весьма растяжимое. Надо сначала задаться вопросом, кто хотел его разрушить, а кто не хотел, но фактически сверг. Хотели его сокрушить Рейган, Папа, «Солидарность». А Горбачев, я сам и многие другие хотели эту систему коренным образом реформировать.

— *Иначе говоря — катастрофа на стройплощадке. Здание развалилось в ходе ремонта...*

— Если не ошибаюсь, еще Гегель сказал, что нет революций без реформ. Реформы постепенно создавали пространство для

революционных преобразований. Реформы, которые мы осуществляли, были недостаточны для того, чтобы создать оптимальную систему. Но они способствовали тому, что прежняя система рухнула. К счастью, эволюционным путем.

— Я бы вас не сумел упрекнуть в отсутствии радикализма. До сегодняшнего дня неолибералы во главе с Витольдом Гадомским в качестве образца либеральных рыночных реформ приводят пакет законопроектов, разработанных Мечиславом Вильчеком, министром промышленности в правительстве Мечислава Раковского. Вы тогда были первым секретарем ЦК ПОРП. Это была подлинная революция.

— С точки зрения марксизма это был коренной поворот. Одним из ключевых принципов марксизма была общественная (а де-факто — государственная) собственность на средства производства. На протяжении многих лет мы были верны этому принципу. Но запрет частной собственности на средства производства было таким сильным, что проводимые нами реформы фактически были половинчатыми, оставались лишь суррогатом...

— Чего?

— Жестких правил капитализма. Без них осуществить эффективные экономические реформы было невозможно. В этом смысле именно премьер Раковский первым начал применять в Польше капиталистические решения. Сама идея принять закон о свободе экономической деятельности уже была чрезвычайно смелой, а с точки зрения марксистской ортодоксии — прямо контрреволюционной. Одновременно вступил в силу закон, открывший Польшу для иностранных инвестиций. Вскоре у нас возникло около миллиона частных предприятий.

— Осознавали ли вы в 1988 г., что начинаете реставрировать в Польше капитализм?

— Само слово «капитализм» было неприличным, можно даже сказать — преданным анафеме. Мы намеревались ввести экономику смешанного типа. Мы хотели добиться подлинной конкуренции между частной, государственной и кооперативной формами собственности.

— То есть вы стремились к западногерманской модели капитализма?

— Основная роль отводилась государственному сектору. Дело в том, что мы по-прежнему верили, что общественные мотивации сильнее эгоистических. Из идеологии вытекало, что если предприятие является общественной, государственной собственностью, то за его эффективность будут бороться все его работники, а не только владелец, думающий лишь о скорейшей прибыли. Выяснилось, однако, что общие интересы не приводят к такой эффективности, как личный интерес собственника.

— *Мы говорим о конце 80-х годов. Вы, Раковский, Вильчек осуществляете в Польше рыночные реформы. В Советском Союзе Горбачев проводит свою перестройку, в которой тоже присутствуют элементы рынка. В подобном же направлении действует Дэн Сяопин, изменяя облик Китая. Было ли это просто совпадением? Или вы совместно пришли к выводу, что реальный социализм фактически не выдержал испытания временем?*

— Фундаментальным был вопрос о собственности. Но имелась и еще одна проблема, связанная с марксистской доктриной. Руководящая, или, другими словами, ведущая роль партии. Существовали различные ее варианты, встречались суррогаты демократии. Мы ввели нечто вроде института демократических консультаций, возник Консультативный совет, мы вписали механизм проведения консультаций в конституцию, различные учреждения обросли совещательными органами, мы начали шире развивать опросы общественного мнения. Таким образом мы пытались лучше понять, чего ждет от нас общество, и пробудить его активность. Но через руководящую роль партии перескочить не удалось. Она мешала все больше и больше. Когда я просматриваю документы последних лет ПНР, я постоянно натываюсь на следы моих тогдашних критических выступлений, затрагивающих такие проблемы, как существовавшие в партии тенденции к главенствующей, всеохватной роли в обществе, о невозможности найти общий язык с обществом. Интересы и привычки аппаратчиков в широком смысле этого слова позволяли лишь ограниченные, косметические изменения. Не только в партии, но и повсюду все, кто обладал властью, были заинтересованы в сохранении статус-кво.

— *Которое не работало.*

— У меня все еще были надежды, иллюзии, что всё это удастся исправить в рамках системы. Например, мы приступили к осуществлению крупной, научно обоснованной операции по аттестации рабочих мест. Было известно, что в стране существовали значительные излишки рабочих мест. Мы

рассчитывали, что органы рабочего самоуправления на предприятиях, партийные и профсоюзные организации сумеют определить, какие именно рабочие места являются излишними. Но гора родила мышь. Быть может, у всех были самые добрые намерения, но уволить никого не удавалось: у одного — больная жена, у другого — пятеро детей, у третьего — влиятельные знакомые. Без твердой лапы владельца, собственника, без бича безработицы не удалось повысить производительность труда и стимулировать творческую активность.

— *Когда вы это осознали?*

— Не сразу — это был длительный процесс. Однако поворотным моментом стал референдум по вопросу о втором этапе реформ, проведенный в ноябре 1987 года.

— *Проигранный референдум.*

— Мы его проиграли по своей собственной вине. Дело в том, что мы решили, что результаты будут отсчитываться в процентах от общего числа имеющих право голоса. Этот принцип нигде в мире не применялся. А если судить по обычным критериям, то большинство принявших участие в референдуме проголосовало «за»...

— *И тогда-то вы и поняли, что без твердой лапы капиталиста социализм не будет работать?*

— Я постепенно убеждался в этом все больше и больше. Мы даже еще с премьером [первого некоммунистического правительства] Тадеушем Мазовецким неоднократно говорили на эту тему. Ведь я, как президент, должен был одобрить реформы Лешека Бальцеровича. А я боялся резкого роста безработицы, социального неравенства, нищеты. Тогда Мазовецкий отправил Бальцеровича на разговор прямо ко мне. Тот успокаивал меня, что всё это будет в течение короткого переходного периода. Полгода, мол, придется помучиться, а затем все пойдет значительно лучше. А на самом деле случилось так, что выборы 1993 года «Солидарность» проиграла и к власти пришел Союз демократических левых сил [экс-коммунисты], который, правда, сохранил общее направление реформ.

— *Это был ваш триумф?*

— Никоим образом! Я же был одним из соавторов тех перемен, которые в 1993 г. избиратели в каком-то смысле отвергли. Но это показывает, насколько трудно осуществлять реформы,

которые нарушают привязанность людей к социальной справедливости, равным возможностям, к государственному социальному обеспечению, к полной занятости. Нужно было пройти через слёзную юдоль, если воспользоваться словами крупнейшего британского социолога лорда Ральфа Дарендорфа.

— *Было ли у вас такое утро, когда вы проснулись и решили, что социалистический часовой механизм уже невозможно исправить, что нужно эту развалину снести и начинать все строить с нуля?*

— Я, конечно, мог бы ответить утвердительно и тем самым представить себя в лучшем свете. Но я не собираюсь приукрашивать свой тогдашний образ мыслей. Я не считаю, что Польская Народная Республика оставила после себя одни развалины. Это особая тема. Но тогда у меня скорее было ощущение, что мы подошли к этапу коренных перемен. Без особой радости я поочередно соглашался на то, что казалось тогда неизбежным. Но сегодня я не знаю, всё ли было так, как надо, и каковы были негативные побочные эффекты. В конце концов, у капитализма тоже есть серьезные недостатки. Хорошей иллюстрацией может служить нынешний кризис.

— *В этом ваше отличие от Дэн Сяопина. Вы отступали перед действительностью, а он эту действительность сознательно изменял.*

— Я говорил с ним об этом во время своего визита в Китай в 1986 году.

— *И вам он тоже говорил, что неважно, какого цвета кот — черного или белого, — главное, чтобы он ловил мышей?*

— Сам он не говорил, но другие повторяли. Зато я прекрасно помню его слова, что на пути политических реформ Польша продвинулась гораздо дальше, чем Китай. У нас уже был Конституционный суд, омбудсмен, Консультативный совет, всё более активную роль играли союзные [марионеточные] партии, на крупных предприятиях широкими возможностями располагали органы самоуправления. Дэн Сяопина всё это не слишком интересовало. Он попросил, чтобы мы поделились этим опытом с их премьер-министром, который, впрочем, тоже вскоре с треском вылетел из своего кресла. А Дэн Сяопин гордился тем, что Китай дальше пошел по пути экономических реформ. Он ставил своей целью развитие экономических свобод при сохранении полного политического контроля со стороны партии.

— *Что ему, к сожалению, и удалось.*

— Дело в том, что в Советском Союзе возникла другая ситуация. После трех умерших подряд друг за другом генеральных секретарей ЦК КПСС появился такой анекдот: «На Красной площади состоялась очередная демонстрация силы, поскольку советское руководство поднялось на трибуну мавзолея своими собственными силами». Выбор Горбачева был не так уж очевиден. Он был всего лишь секретарем ЦК, отвечавшим за сельское хозяйство. Н.А.Зенькович, бывший работник пресс-службы ЦК КПСС, написал — не знаю, правда это или нет, — что прежде чем был выбран Горбачев, прошли три заседания Политбюро. У него было два сильных соперника: Гришин, первый секретарь Московского горкома партии, и Романов — Ленинградского. Оба консерваторы. Так вот Зенькович пишет, что протоколы первых двух заседаний исчезли, а сохранился лишь протокол третьего заседания, на котором Горбачев и был избран. Решающим оказался голос Громыко: «Товарищи, у этого человека приятная улыбка, но железные зубы».

— Иначе говоря, коммунистическую систему ликвидировал Громыко.

— Однако поведение Горбачева поначалу не слишком противоречило характеристике Громыко. Это заметно даже в некоторых документах. В апреле 1984 г. наши тогдашние союзники по Варшавскому договору всё больше на нас нажимали, что, мол, и «Солидарность» остается недобитой, и что Церковь, что единоличные хозяйства на селе, что партия не такая, как надо... Бесперывно были по этому поводу беседы, визиты, документы. Мы не могли решительно отвергать эти обвинения, так как вследствие экономического спада 1980–1981 гг. и эмбарго, наложенного США и Западом, были слишком от них зависимы в экономическом плане. Но вот наконец нам предложили встретиться с советским руководством. Генеральным секретарем был тогда Черненко. Я знал, что говорить с ним не имеет смысла, потому что это был живой труп. В результате мы пришли к соглашению провести такое, скорее рабочее, совещание в Бресте. Как и в апреле 1981 года. Тоже в железнодорожном вагоне и тоже разговор на всю ночь. И опять — таки бутерброды и пиво. Но самое главное — такой же трудный разговор. С их стороны были Громыко и Устинов. Был опубликован протокол заседания Политбюро ЦК КПСС, на котором они рассказывали об этой встрече. В чрезвычайно критическом по отношению ко мне духе. «Он ничего не понимает... Он всё еще рассчитывает на какое-то соглашение... Пресмыкается перед Церковью. На селе нет никаких реформ... В конституцию введена частная собственность на землю...

Партия не выполняет своей роли...». Ну и так далее. И тут раздаётся голос Горбачева: «Нужно посмотреть внимательно, не подумывает ли Ярузельский о каком-нибудь плюрализме». Быть может, он вполне реалистически приспособился к своему окружению, но возможно и то, что до более глубоких реформ он дозревал постепенно.

— *Вы наблюдали процесс этого созревания?*

— Когда он стал генеральным секретарем, было сразу видно, что это человек другого формата, с которым можно разговаривать.

— *А с Брежневым нельзя было?*

— Говорить-то можно было, но до него всё меньше и меньше доходил смысл разговора. А Горбачев — это сразу же было видно — просто ловил каждое слово, когда я говорил о причинах неудач нашей системы, о необходимости реформ, о том, что система работает плохо. В первый раз, в апреле 1985 г., мы проговорили с ним почти пять часов подряд. У меня создалось впечатление, что у него похожий взгляд на эти проблемы. О гласности или перестройке тогда не было речи. Первым его лозунгом было ускорение. То есть ускорение строительства социализма. Перестройка появилась позже. Годы спустя я спросил его, как он оценивает относительную важность этих своих трех лозунгов: ускорение — перестройка — гласность». Он ответил, что самой важной оказалась гласность. Потому что именно она подорвала позиции аппарата, который впервые увидел, что его можно публично критиковать. Поэтому ничему аппарат так не сопротивлялся, как гласности. Потому что она лишала силы миф о всемогуществе и безошибочности партии.

— *Аппарат тоже перестал бояться верховной власти?*

— Он начал проявлять сопротивление, что быстро стало заметно. Я с 60-х годов видел вблизи советскую верхушку — вначале в качестве первого заместителя министра обороны, затем — в качестве министра, премьер-министра, члена Политбюро и так далее. Они все эти годы пользовались ритуальными оборотами типа «Леонид Ильич сказал», «Леонид Ильич думает, что...». После Леонида Ильича так продолжали говорить об очередных генеральных секретарях. При Горбачеве это быстро кончилось. Кое-кто даже ухмылялся украдкой. А когда он начал свой антиалкогольный крестовый поход, сопротивляться начали и простые люди. На Западе и в Польше его популярность росла столь же быстро, как она падала в России. Под конец он уже держался в основном благодаря силе

бюрократической инерции системы. Тем не менее он продержался достаточно долго, чтобы произошли необратимые изменения. Потому что если бы он проиграл выборы на пост генерального секретаря или если бы аппарат сверг его раньше, то всё могло бы пойти совершенно иначе.

— Значит, реформаторская ось Москва—Пекин—Варшава возникла случайно?

— Быть может, путем какой-то спонтанной диффузии идей. Потому что я, например, про черного и белого кота узнал еще до того, как появился Горбачев и до того, как я побывал в Китае. Это действовало на наше воображение. Разве что китайцы правили железной рукой. А у нас, кроме зависимости от Советского Союза, были и внутренние тормозящие факторы. Одним из них был круг власть имущих, его сопротивление. Другим тормозом было общественное мнение. На различных совещаниях я все время слышал: «Когда вы наконец обуздаете этих частников, спекулянтов, разные совместные предприятия?» На протяжении многих десятилетий идеал равенства прочно укоренился в общественном сознании. Вы думаете, что рабочие во время забастовки на Гданьской судовой верфи согласились бы добавить к своему списку из 21 требования еще и пункт 22 — «приватизация», пункт 23 — «реприватизация» и пункт 24 — «возможность безработицы»? Нам пришлось постепенно приходить к убеждению, что иначе нельзя.

— И до сегодняшнего дня не все в этом убеждены.

— Существовал еще один тормоз. Важно было, чтобы удержался Горбачев. Я видел, что его позиции слабеют. Он сам говорил мне, что сопротивление его политике ужесточается, что, впрочем, летом 1991 г. проявилось в путче ГКЧП. Неизвестно, что бы произошло, случись этот путч за год или два до этого. До сегодняшнего дня у меня в ушах звучат слова Иоанна Павла II: «Горбачева ниспослало нам Провидение». Он сказал это во время моего визита в Ватикан в 1987 году.

— Папа говорил о Провидении, потому что понимал, что Советский Союз невозможно реформировать и что начало реформ приведет к его неминуемому краху?

— Вряд ли у него было подобное ощущение. Буш-старший, которого я принимал в 1987 г., тоже повторял: «Только бы Горбачев удержался...» Все за него беспокоились. Я не помню, вы сидели в тюрьме в 1988 году?

— *К счастью, не сидел.*

— Тогда вы, вероятно, помните визит Горбачева в Польшу. Кроме Папы, у нас никого не встречали с таким энтузиазмом. Но ведь не потому же, что Горбачев, по сути, стал могильщиком социализма. Тогда ничто на это не указывало. Его принимали со всей сердечностью как того, кто создавал какой-то новый, лучший социализм, устанавливал партнерские отношения, расширял сферу свободы. Папа говорил мне в Вавельском замке в 1983 г.: «Я понимаю, что социализм — это реальность. Нужно, чтобы он был „с человеческим лицом“». Изменять реальность можно было лишь шаг за шагом. И потому Горбачев был для нас так важен. Ему нужна была Польша, осуществляющая реформы. Нужна была как лаборатория перемен и как доказательство того, что реформ не следует бояться. Это нас ограничивало.

— *В каком смысле?*

— В таком, что нельзя было рисковать и предпринимать шаги, которые подрывали бы позиции Горбачева. Его и так критиковали за терпимость по отношению к польским реформам или за согласие на ликвидацию «белых пятен» в истории. Мы много раз беседовали о том, как надо действовать, чтобы, внедряя реформы, не причинять друг другу трудностей. Он говорил тогда, что имеет дело с консерваторами и «кавалеристами».

— *То есть?*

— Консерваторы — это понятно. А «кавалеристы» — это те, что хотят все сделать «с наскока» и не считаются с тем, созрела ли для этого вся ситуация в целом. У нас консерваторы были еще сильны, но уже находились на оборонительных позициях. Усиливалось влияние умеренных «кавалеристов». На драматически проходившем пленуме ЦК в декабре 1988 — январе 1989 г. была заменена почти половина членов Политбюро и секретариата ЦК.

— *Где на самом деле принимались решения?*

— Какие решения?

— *Ну, например, решение начать с оппозицией переговоры за «круглым столом»?*

— Мы стремились найти выход из патовой ситуации. В 1986 г. была объявлена всеобщая амнистия. С тех пор — в отличие от многих других стран региона — в Польше не было

политзаключенных. В 1988 г. Бронислав Геремек, ведущий советник Валенсы, дал интервью еженедельнику «Конфронтации», где предложил заключить «антикризисный пакт». В свою очередь Юзеф Чирек, один из моих ближайших сотрудников, на страницах того же еженедельника предложил создать «прореформаторскую коалицию». К этим знаменательным предложениям добавились мои беседы с Примасом католической Церкви в Польше, контакты министра МВД генерала Чеслава Кищака и члена Политбюро Станислава Цёсека с епископами, встреча Юзефа Чирека с профессором Анджеем Стельмаховским и т.п. Мы постепенно приближались к какой-то форме диалога, договоренности. Я знал, что к осуществлению реформ необходимо подготовить партийный актив, аппарат власти. Я ввел систему проведения в периоды между пленумами ЦК так называемых информационно-консультационных встреч. Идея заключалась в том, чтобы подготовить к осознанию необходимости принимаемых нами решений рабочих, крестьян и других, не слишком политически грамотных членов ЦК. На одной из таких встреч я выдвинул идею «круглого стола».

— *Вы хотели отдать власть?*

— Я хотел, чтобы партия поделилась властью. Но тогда я еще не думал о «Солидарности». Я представлял себе — как сказано в моем выступлении на VII пленуме ЦК в июне 1988 г., — «круглый стол» с участием ассоциаций широких кругов населения. Я выдвинул также идею восстановления Сената и внесения изменений в положении о выборах. Во время забастовок летом 1988 г. Чиреку позвонил профессор Стельмаховский с сообщением, что Валенса заинтересовался идеей «круглого стола» и что можно бы на эту тему поговорить. Примерно в этом же духе разговаривал известный адвокат Владислав Сила-Новицкий, защитник в процессах оппозиции, с генералом Кищакком. Мы решили немедленно воспользоваться этими инициативами. Однако сначала нужно было объяснить нашим кадрам, почему мы хотим вступить в переговоры с Валенсой, о котором на протяжении многих лет мы говорили, что Валенса — это всего лишь частное лицо и что он никого не представляет. Я помню, как на встрече с ответственными работниками партийного аппарата кто-то прямо спросил, почему мы заварили всю эту кашу с военным положением, если теперь собираемся вести переговоры с людьми, против которых, собственно, оно и было введено. Я ответил, что в 1981 г. мы заварили эту кашу, чтобы не глотать огонь. А сегодня нам угрожает не огонь, но вполне реален парализующий все наши движения тупик. И поэтому сегодня нам нужно эту кашу

расхлёбывать. В августе 1988 г. на консультативном совещании я представил проект возобновления переговоров с Валенсой. Для аппарата гарантией безопасности было то, что эти переговоры вел генерал Кищак (который, кстати, провел их чрезвычайно умело). Вы не представляете себе, как протестовали собравшиеся. Я произнес горячую речь с просьбой о доверии, в которой пообещал, что если переговоры не будут успешными, то мы их прервем. Это как-то успокоило членов ЦК, и пленум после этого прошел уже довольно мирно.

— *Я по-прежнему не понял, кто принимал эти решения.*

— Они формировались как-то исподволь, постепенно.

— *Где?*

— В моем сознании. В сознании моих ближайших сотрудников. В кругу Раковского, Барциковского, Чирека, Цёсека, Урбана, позже — Рейковоского. Ну и, разумеется, среди военных — Кищака, Сивицкого, Янишевского и других. Всё более широкий круг людей осознавал необходимость сделать подобный шаг вперед, одновременно обеспечивая безопасность и стабильность в стране. Реформаторское крыло укреплялось. Важную роль сыграли мнения таких людей, как Вятр и Верблян. Ну и видных экономистов — Баки и Садовского. Наконец, все более выходило на первый план молодое поколение во главе с Квасневским. Идея заключалась в том, чтобы сдвинуть поезд с места, но при этом не снимать руку с тормоза. Этот тормоз был также необходим, чтобы успокоить наших союзников по Варшавскому договору. Когда начался «круглый стол», я решил лично проинформировать наших соседей о том, к чему мы стремимся. Первой состоялась поездка в Прагу — как раз в тот день, когда судили Вацлава Гавела, которого привозили на процесс из тюрьмы. У нас об этом уже не могло быть и речи. А чехи хватались за голову: «Что вы там у себя в Польше устраиваете?» Я объяснял, что это исторический эксперимент, что у нас есть вполне мощные предохранители. Но они все-таки не очень верили в эти объяснения.

— *И были правы.*

— Безусловно. Но когда я поехал обсудить этот вопрос с Горбачевым, то это был совсем другой разговор. Это не означает, что его не пришлось убеждать, что мы контролируем ситуацию. Профессор Пачковский где-то обнаружил чью-то запись этой беседы. Я якобы сказал: «Товарищ Горбачев, нечего бояться, у нас все генералы и полковники в той или иной степени прошли обучение в СССР». Это была очевидная

неправда. На самом деле это относилось лишь к значительной части генералов и лишь к небольшому числу полковников — вероятно, даже к меньшему, чем сегодня учится в западных академиях.

— *Но Горбачев успокоился?*

— Он был в принципе и так спокоен, нуждался в аргументах для своих коллег. Но уже следующий разговор, с Хонеккером, был очень нервным. Весь Варшавский договор страшно беспокоился, что польские товарищи доведут дело до разрушения основ социалистической системы. А я по-прежнему заверял, что этих наших реформ опасаться не следует.

— *Тогда появилось такое выражение, что «в случае чего» вы всегда сможете «опрокинуть шахматный столик»?*

— По-моему, я такого выражения не использовал.

— *Но другие на это опрокидывание столика «в случае чего» очень рассчитывали.*

— Наверное, подспудно — да. Но я был верховным главнокомандующим, министром обороны был Сивицкий. У меня в армии была поддержка, авторитет, так что было маловероятно, чтобы без моего согласия случилось что-нибудь серьезное. В некоторых армейских кругах, самое большее, появился бы какой-то ропот недовольства. Но в общем и целом дисциплинированная и ответственная позиция вооруженных сил была своего рода защитным зонтиком для тогдашних перемен. Зато в госбезопасности генерал Кищак был инородным телом, пришедшим извне, из военной контрразведки. Он не был в курсе всего и не всё мог контролировать — как это было, например, с убийством священника Ежи Попелушко. Из госбезопасности (МВД) до меня доходили более грозные сигналы, хотя там тоже были прогрессивные люди, осознававшие необходимость перемен. Однако лобового столкновения я не ожидал. Мы твердо держали в своих руках бразды «исторического эксперимента» — который, как мы договорились во время «круглого стола», через четыре года должен бы привести к полностью свободным выборам.

— *Это была ваша идея?*

— Я не помню, чья это была идея. В нашем кругу говорили, что если реформа пройдет успешно, то через четыре года состоится

свободные выборы. Мы в этом были уверены. Впрочем, мы считали, что эти выборы мы выиграем, потому что плоды реформ уже были бы ощутимы.

— И это сценарий фактически оказался правильным. В 1993 г. выборы выиграл Союз демократических левых сил. Но сначала был «круглый стол». Чего вы хотели там добиться?

— Прежде всего — согласия общества на экономические реформы. Мы были слишком слабы, чтобы осуществить эти реформы самостоятельно, а оппозиция была слишком слаба, чтобы нас свергнуть. Опросы общественного мнения показывали, что мы пользовались поддержкой примерно 25% населения. «Солидарность» — примерно такой же. А примерно половина населения колебалась. Обе стороны отдавали себе отчет в том, что у них недостаточно сил, чтобы победить, а продолжать жить бесконечно в подобной ситуации невозможно.

— Тогда вы уже понимали, что это конец? Что речь идет уже не о реформировании Польской Народной Республики, а о переходе к другой системе?

— Мы были лабораторией потенциальной способности социализма к реформированию. Срыв реформ, резкая переменна, переворот большевицкого или робеспьеровского типа могли остановить реформы во всех странах Варшавского договора. Представьте себе, что произошло бы в других странах блока, где были лишь группки диссидентов, если бы польский эксперимент закончился полным фиаско, особенно на румынский манер. А Польша давала обнадеживающий пример эволюции...

— ...безопасной для представителей прежней власти.

— Более того, с вхождением их в правительственную коалицию: действительно, в правительстве Мазовецкого у нас было четыре министра, плюс я как президент с широкими полномочиями. Это облегчило проведение в других странах «бархатных революций».

— Которые в противном случае не были бы такими «бархатными»?

— Скорее всего, они бы вообще не произошли еще долго. Потому что население тех стран не бунтовало, а Запад не оказывал на них никакого давления. Запад опасался хаоса, резкого изменения соотношения сил. Я помню свою поездку в

Лондон весной 1989 г., когда г-жа Тэтчер невзначай подвела меня к камину, взяла за пуговицу и сказала: «Нельзя соглашаться на воссоединение Германии. Нам это трудно сказать открыто, но вы должны сопротивляться». Когда мы с премьером Мазовецким приехали во Францию, оказалось, что президент Миттеран занимал чрезвычайно схожую позицию. Ни у кого тогда не было и тени ощущения, что это конец.

— Я помню один такой момент в 1989 г., между Рождеством и Новым годом. Я тогда был пресс-секретарем Бронислава Геремека. Он нас внезапно созвал на совещание. Оказывается, он готовил проект внесения поправок в конституцию и ехал представлять вам этот проект. Без вашего согласия изменение конституции было невозможно. Речь шла о смене режима — конец руководящей роли партии, исключение фразы о нерушимой дружбе с Советским Союзом, возврат к названию страны — Польша Республика. Мы думали, что вы расщепитесь. А вы приняли эти поправки в принципе без возражений. Это было полной неожиданностью, так как тем самым вы подписали смертный приговор системе, которой служили всю свою жизнь.

— Я только попросил — раз уж мы вычеркиваем слово «социализм» — вписать в конституцию формулировку «социальная справедливость». Для левых сил эти слова имеют решающее значение. Фраза о дружбе с Советским Союзом при Горбачеве уже была необязательна.

— Но руководящая роль партии была сутью этой системы.

— Я уже так не считал. Если бы вы почитали мои выступления 80-х годов, вы бы убедились, что я призывал к весьма умеренной трактовке руководящей роли партии. И я не сожалею об этих выступлениях.

— Это был формальный конец советского варианта социализма в Польше.

— Формальный — да, но по-прежнему ничего еще не предпрещавший. Если бы вокруг не произошло все то, что произошло, отсутствие этих конституционных положений ничего не изменило бы.

— Но в Польше уже всё изменилось. Премьером уже был Мазовецкий, «Солидарность» была легализована, Берлинская стена пала, план Бальцеровича вы уже ранее одобрили, а вскоре он был принят Сеймом, на Варшавский договор трудно было рассчитывать.

— Я не рассматривал политику догматически. Конституция была, разумеется, важна...

— ... потому что давала вам право опрокинуть столик?

— Что это вы, право, опять со своим столиком...

— *Всё, что произошло, нарушало закрепленное в конституции политическое устройство. Мы боялись, что вы это используете и снова поступите, как в 1981 году.*

— Мне это даже в голову не пришло. Будучи президентом, я мог в любой момент распустить парламент, но в этом не было необходимости.

— Почему?

— Как я уже говорил, нам обязательно нужно было осуществить весьма болезненные реформы. И сделать это мы могли только совместно. Оппозиция в составе правительства была столь же необходима, как и я в качестве президента. Только представьте себе, что бы было, если бы летом 1989 г. президентом стал Лех Валенса? В конце концов, из-за этих реформ в 1990 г. Мазовецкий проиграл на президентских выборах не только Валенсе, но и никому не известному бизнесмену из Перу Тыминскому. Что было бы, если бы я в 1990 г. взошел на трибуну и воскликнул: «Не об этом мы договаривались! Не должно было быть социально-экономического неравенства, несправедливости, безработицы». Вы думаете, что те люди, которые кричали «Коммуна, вернись!», не подхватили бы подобные лозунги? Разумеется, это был бы политический авантюризм. Провести Польшу через эти реформы было легче мне, чем Валенсе, который по-прежнему был руководителем профсоюза. Ведь если бы Валенса в 1989 г. начал осуществлять историческую социально-экономическую программу «Солидарности», то проведение столь всеобъемлющих, но и столь болезненных экономических реформ было бы значительно затруднено. Могли лишь добавить, что наше длительное сопротивление легализации «Солидарности» как профсоюза имело причиной главным образом боязнь повторения экономической катастрофы 1980-1981 гг. Тем более что Общепольская ассоциация профсоюзов (ОПЗЗ), организация вполне левого толка, просто-таки старалась перещеголять оппозицию, выдвигая всё новые и новые требования. Изменение политической системы, государственного строя должно была быть эволюционным процессом.

— Я часто задавался вопросом, почему вы так легко уступили Валенсе, предложив в сентябре 1990 г., всего через 14 месяцев после вступления в должность президента, законопроект, направленный на сокращение срока полномочий президента.

— Это был логичный элемент всего этого процесса. Поезд руками не остановишь.

— После выборов июня 1989 г. генерал Кищак сказал нам, что не чувствует себя в безопасности, потому что-де «в аппарате и силовых министерствах всё бурлит». Это были пустые страхи или на самом деле так оно и было?

— Было. В армии — слабее. В МВД — сильнее. Потом была напряженность, когда не удалось сформировать правительство Кищака, Баки, Малиновского и возникло правительство Мазовецкого. С этого момента пути назад уже не было. Но если это был не Мазовецкий, могли быть и иные реакции. Он был известен — впрочем, совершенно справедливо — как человек серьезный, ответственный, осторожный.

— Почему вы предпочли Тадеуша Мазовецкого Брониславу Геремеку или Яцеку Куроню, которых Валенса вам тоже предлагал?

— Валенса назвал эти три кандидатуры. Куроня (а также, следует добавить, и Михника) я все еще считал весьма спорной фигурой. Геремек был историком, интеллектуалом. А у Мазовецкого был опыт депутатской работы в Сейме ПНР. Он был знаком с механизмами власти. Кроме того, мы знали, что он человек умеренный, но в то же время последовательный, даже упрямый. Я полагал, что сопротивление его кандидатуре будет сравнительно минимальным. Фигура Мазовецкого должна была смягчить шок от того, что через полвека пребывания у власти мы отдаем пост премьер-министра. А логическим следствием этих очередных шагов был мой отказ от поста президента. Я сам предложил это Мазовецкому. Впрочем, вы знаете, что я не хотел быть президентом. Я отказался от этого предложения в пользу генерала Кищака. Но тогда начались разные резолюции — от членов партии, военных, милиции, ветеранов, — что я должен выдвинуть свою кандидатуру.

— И вы позволили себя уговорить.

— Важную роль здесь сыграла позиция президента Буша, который как раз тогда приехал в Польшу. В своих мемуарах он написал, что уговаривал коммунистического лидера выдвинуть свою кандидатуру на пост президента, потому что

он мог гарантировать эволюционный процесс выхода из этого трудного периода. Я не хотел этого поста. Я вполне осознавал, что мое президентство будет иметь переходный характер.

— *Вы уже не должны были держать руку на тормозе?*

— Ситуация, как мне представлялось, стабилизировалась. Было правительство Мазовецкого. Вокруг нас произошли «бархатные революции». В парламенте имелось соответствующее большинство. По правде говоря, я предполагал, что после моей отставки президентом станет Мазовецкий. Быть может, тогда бы нам удалось избежать различных сюрпризов. Валенса был политическим феноменом, прирожденным лидером, но Мазовецкий, без всякого сомнения, лучше подходил для поста президента. Весной 1990 г. я в первый раз сообщил ему, что могу подать в отставку. Он мне советовал еще не уходить. Он считал, что этого требует общая ситуация.

— *Чтобы держать под контролем силовые структуры?*

— Да, но еще и потому, что президентство Валенсы тогда казалось ему еще преждевременным, а сам он не был уверен в том, что будет кандидатом. Он считал, что пока что я создаю лучшее прикрытие для трудных реформ. Потом, в начале сентября 1990 г., я говорил о возможности своей отставки с примасом Польши, кардиналом Юзефом Глемпом. Валенса уже публично выражал свое нетерпение. Братья Качинские накаляли атмосферу. Я не хотел быть препятствием. Примас предложил провести встречу в более широком кругу. Были епископы, Валенса с братьями Качинскими, я, Чирек, Янишевский и, возможно, кто-то еще. Один из братьев Качинских даже подошел ко мне и сказал, что мы на самом деле соседи, потому что их родословная уходит в деревню Качин — всего в нескольких километрах от родового поместья Ярузельских. Качин состоял из дворов мелкопоместной шляхты. Там почти все носили фамилию Качинский. Так вот, на этой встрече Валенса настаивал, что нужно ускорить события, так как люди не понимают, почему я до сих пор остаюсь президентом. Я отвечаю: ради Бога, давайте сделаем это в рамках досрочных выборов. Примас вел себя гибко. Это, вероятно, Валенсе не понравилось, потому что, уходя, он попрощался со мной, а к примасу не даже подошел. Дело закончилось тем, что 19 сентября я представил в Сейм законопроект, сокращающий срок полномочий президента, а уже в декабре Валенса стал президентом.

— *Вы удовлетворены тем, что всё произошло так, как произошло?*

— Да.

— *Действительно?*

— Действительно! Быть может, я долго до этого доходил, но теперь я убежден, что Польша находится на своем месте и что она в принципе такова, какой она должна быть, но что самое важное — она входит в состав европейского политического и экономического сообщества.

— *Вам такая Польша действительно нравится?*

— Больше, чем предыдущая. Хотя Черчилль был прав, когда он говорил о демократии, что это худшая форма правления, за исключением всех остальных. Я думаю, что это утверждение можно также отнести и к капитализму.

Беседу вел Яцек Жаковский

ВОСПОМИНАНИЯ О БРОНИСЛАВЕ ГЕРЕМЕКЕ

Хавьер Солана:

Бронислав Геремек был необыкновенной личностью. Признанный ученый и выдающийся государственный деятель, истинный патриот Польши, одновременно считавший себя настоящим европейцем; для него была характерна высокая степень идейности и политической активности.

Он был образцом активного мыслителя, защищающего человеческое достоинство и свободу, а также право каждого иметь собственные взгляды. Как он когда-то сказал: «Если бы я жил на Западе, то, по всей вероятности, никогда не включился бы в политику, так как это деятельностью по отправлению власти. Однако здесь, в Польше, интеллигент вынужден включиться в политику, ибо мы боремся за самую свободу думать».

Геремек пытался приблизить перспективу вступления Польши в Евросоюз. Правительство, в котором он занимал пост министра иностранных дел, оказалось одним из самых действенных и эффективных польских правительств времен преобразований. Геремек страстно защищал интересы своей родины, при этом обладал способностью видеть ситуацию в более широкой перспективе.

Как человек компромисса (впрочем, это качество оценивается в Европе многими народами и традициями как достоинство) он утверждал, что сила его страны связана с силой Евросоюза.

Борис Тарасюк:

Он был знатоком Центральной и Восточной Европы, прекрасно относился к Украине и приложил немало усилий для углубления сотрудничества между нашими странами и достижения двустороннего соглашения.

Бронислав Геремек был не просто «партнером» Украины — он любил ее, он верил в ее потенциал и считал граждан Украины и Польши братьями. Он разделял наше стремление к демократическому пути развития, нашу преданность правде и свободе...

Юбер Ведрин:

Возможность познакомиться с ним ближе появилась тогда, когда мы в одно и то же время заняли пост министра иностранных дел и начали сотрудничать друг с другом. Я занимал должность министра во Франции с июня 1997 по май 2002 г., он — в Польше с ноября 1997 до весны 2000 го. Я очень хорошо помню мое пребывание в Варшаве спустя три дня после его назначения. Он был тогда очень счастлив, что первым гостем, пришедшим к нему с визитом, стал французский министр. Он был счастлив, растроган и выглядел несколько затерявшимся в здании министерства, которое недавно возглавил. Однако все время он руководствовался идеей создания демократической Европы, частью которой должна быть Польша, связанная крепкими узами дружбы с Францией. Во время пресс-конференции журналисты меня спрашивали: «Можете ли вы подтвердить великодушное обещание президента Ширака (который считал, что он должен повторить обещание, данное Гельмутом Колем), что Польша войдет в Европейский Союз в 2000 году?». Я знал, что этот момент наступит... немного позже. Поэтому я ответил: «Это общая надежда Польши и Франции, а также стимул для участников переговоров». При этих словах Бронислав улыбнулся.

Признаюсь, между нами существовали тонкие различия и даже расхождения во взглядах. Но если и были разногласия, то без личной вражды — они были обусловлены скорее польско-французскими различиями, которые легко объяснить, зная историю обеих стран.

Его концепция Европы, которую я считал слишком идеализированной, была основана на альтруистическом пути преодоления национальной действительности. Я, со своей стороны, уже тогда самым важным считал, что, формируя «федерацию национальных государств», нужно не обесценивать понятной всем привязанности народов к своему национальному облику и не предлагать им отречься от себя с целью сплавиться в общем котле, как этого требовали вульгаризированные профедералистские и проевропейские концепции, но собрать и сплотить свои силы вокруг разработки конкретных проектов. Геремек жил и работал во Франции довольно долгое время, и поэтому он понимал наше прагматическое отношение к России. Однако все время он сохранял польскую бдительность.

Сэр Малкольм Рифкинд:

Профессора Геремека я встретил впервые в несколько необычных обстоятельствах. Мы познакомились за чашкой чая в британском посольстве в Варшаве. Он был в то время одним из выдающихся членов «Солидарности», тогда организации нелегальной. Я был замминистра иностранных дел Великобритании. Эта встреча не принадлежала к разряду рядовых, в которых участвуют дипломаты и министры во время официальных визитов за границу.

Был 1984 год, а в Польше правил генерал Ярузельский и коммунисты. Ярузельский был так взбешен тем, что я встретился с Геремеком и двумя его товарищами, что отменил аудиенцию и обвинил меня в том, что я рассматриваю Польшу как британскую колонию. И по-своему он имел право вспылить. Тогдашней стратегией коммунистов был запрет деятельности в пользу «Солидарности»: отказывая ей в легальности, ее хотели сделать незначительной и слабой организацией — как в Польше, так и в глазах международной общественности. Однако то, что это удалось бы, представляется спорным.

Моя встреча с Геремеком и его товарищами имела гораздо больше последствия, чем мне казалось. В то время я был лишь заместителем министра, но по стечению обстоятельств недель позже Варшаву должен был посетить западногерманский министр иностранных дел Ханс Дитрих Геншер. Он не собирался встречаться с нелегальной «Солидарностью», но из-за довольно широкой известности, которую получила моя встреча с Геремеком, изменил свои планы, и его встреча с ней также состоялась.

«Европа», журнал Польского института международных дел, том 8, №2(27), 2008

ПОЛЬСКИЕ ГОДОВЩИНЫ: НАТО

История, в том числе и новейшая история, особенно ясно напоминает о себе по случаю круглых дат и годовщин, при всевозможных юбилеях. В 2009 г. исполняется двадцать лет со времени польского «круглого стола», который дал первоначальный импульс целой полосе событий, процессу преобразований общественного строя, а затем и демонтажу социалистической системы; в этом же году исполняется десять лет с момента вступления Польши в Североатлантический союз. Это два знаменательных юбилея, которые напоминают о событиях, решающих для дальнейшего обновления страны, о поистине исторических событиях. Прилагательное «исторический», которым в публицистике и политике часто злоупотребляют, здесь более чем уместно и адекватно.

Двадцать лет назад, в начале 1990-х, когда менялась Польша и менялся ее строй, одновременно радикальным образом менялось ее геополитическое окружение. После распада Варшавского договора, а затем и Советского Союза на смену прежним трем ее соседям пришли семь новых. На западе ГДР стала частью объединенной Германии, то есть государства-члена НАТО. На востоке вместо СССР появились четыре новых государства: Россия, Литва, Белоруссия и Украина. После распада Чехословакии соседями Польши на юге сделались еще два новых государства. Таким образом, хотя наши границы не изменились, в течение короткого периода мы оказались среди полностью поменявшихся соседей. Геостратегическое положение Польши подверглось фундаментальному изменению.

Распад Варшавского договора означал конец просуществовавшей почти столетия военно-политической конструкции — с Польшей, находившейся в этом строю на предназначенном ей месте. Перестал функционировать характерный для холодной войны двухполюсный международный порядок. Теряло свое значение одно из оснований сложившейся в прошлом системы безопасности — равновесие сил (равновесие страха). После разрыва прежних союзнических связей Польша очутилась в «серой зоне».

Сознание огромных перемен было тогда всеобщим и повсеместным; впрочем, было бы трудно их не заметить. Зато направленность этих перемен и их последствия оставались

неизвестными, трудно предсказуемыми. Сильным (и обоснованным) был страх хаоса и неразберихи, сопровождающих процесс демонтажа социалистической системы, в особенности распада Советского Союза, Югославии, а также возможности распада других государств. Сильным являлось чувство если не угрозы, то неуверенности. Поэтому вполне понятна тогдашняя особая чувствительность к вопросу об гарантиях безопасности.

Обеспечение безопасности государства представляло собой очевидное условие успеха тех реформ, которые предприняло правительство Тадеуша Мазовецкого. Их сущность, их цель состояла в том, чтобы добиться изменения государственного строя. Во внешней политике этого правительства самым важным делом было вернуть государству полный суверенитет. Это означало принципиальную перестройку его основ, геополитическую переориентацию — ориентацию на Запад. Процесс преобразования общественного строя был с самого начала нацелен на западные образцы либеральной демократии, на рыночный капитализм. Таким образом, новая, западная устремленность польской политики затрагивала различные аспекты общественного устройства, а также носила (в некотором смысле) идеологический характер. И, хотя потребность в обеспечении собственной безопасности представляла собой наиболее ясный и понятный мотив стремления войти в НАТО, наряду с этим столь же существенное, по-настоящему принципиальное значение имела тогда сама сущность преобразования общественного строя, а также стремление вновь обрести полный суверенитет.

Выход из восточного блока, который формально произошел вместе с роспуском Варшавского договора в 1991 г., означал, что страна оставалась в ненадежной и грозящей дестабилизацией части Центральной Европы. В этой зоне Польша, подобно нескольким другим государствам региона, оказалась вне всяких союзов. Кроме того, она не сумела сразу же обеспечить себе ни солидных гарантий безопасности, ни договоренностей, которые бы их подкрепляли. При такой ситуации в Польше, Чехословакии и Венгрии нарастала убежденность в том, что, кроме Североатлантического союза, не существует никакой другой организации, дающей солидные гарантии безопасности. В Польше идея вступления в этот союз была выражена в категориях стратегической цели в 1992 г., когда были выработаны «Принципиальные положения польской политики безопасности». Полное согласие всех политических течений относительно атлантической ориентации и необходимости предпринять усилия, направленные на членство в НАТО, было

достигнуто в 1993 г., — интересно, что это произошло в тот момент, когда правительство сформировали экс-коммунисты.

С желанием, а затем устремлениями Польши, Чехии и Венгрии (в определенной мере также и новообразованного государства — Словакии) сталкивалась непростая, но постепенно эволюционировавшая позиция Североатлантического союза. Изменение точек зрения его членов — от неприязненности и нежелания до полной открытости — характеризовалось поочередно: принятием новой «Стратегической концепции», созданием Североатлантического совета по сотрудничеству (НАСС), инициативой «Партнерство ради мира», подготовкой «Исследования о расширении НАТО».

Реальное осуществление такой официально зафиксированной стратегической цели, как членство в НАТО, означало необходимость предпринять скоординированные усилия — политические, дипломатические, организационные, военные. Прежде всего надлежало учиться, овладевать знаниями о НАТО; учиться, начиная с самых общих понятий: с сущности, духа, характера этой организации — и заканчивая штабной культурой, структурами, компетентностью, доктринами, процедурами и т.д.; следовало понять, что собой представляет Североатлантический союз. Перед оборонительной системой Польши, перед польской армией встала задача глубокой внутренней перестройки, практически охватывающей почти все сферы их функционирования — начиная со стандартов гражданского контроля и вплоть до достижения требуемого уровня оперативного взаимодействия, то есть способности к совместному планированию и совместному ведению тех или иных действий.

В НАТО мы вступали с определенным багажом опыта и навыков, вынесенных из Организации Варшавского договора (ОВД). И с изумлением открывали глубокие различия между этими двумя организациями. ОВД уже не только в свете классической дефиниции союза выглядела как организация, в значительной степени «союзоподобная». Первые же контакты с военными институтами и органами командования НАТО позволяли отчетливо, наглядно осознать, что такое на практике многонациональность этого союза. О том, насколько по-разному она выглядела в ОВД и НАТО, свидетельствовали не только цифры. В военных структурах Организации Варшавского договора до середины 1980-х не существовало никаких других многонациональных военных структур, кроме штаба объединенных вооруженных сил (органа, без всяких

преувеличений, далеко не штабного, а попросту декоративного) и технического комитета. Только в середине 80 х в ОВД были образованы органы командования театрами военных действий (в частности в Легнице); в этих командно-штабных органах полностью доминировал советский персонал. В НАТО многонациональными были главная квартира, два органа стратегического командования (АСЕ, или Союзное командование НАТО в Европе, и ACLANT, или Союзное командование НАТО на Атлантическом океане), региональные органы командования, подчиненные им органы командования составляющими элементами (родами войск), несколько органов командования армейскими корпусами, центры управления воздушным пространством. В общей сложности тогда в структурах НАТО функционировало свыше 70 многонациональных штабов^[1]. В девяностые годы многонациональность выростала в новых концепциях НАТО до уровня базового принципа. С иной стратегической культурой, иной штабной культурой — от стандартов поведения до способов выработки решений — мы столкнулись уже в процессе, предшествующем вступлению в НАТО.

Повсеместно распространенные представления о том, каково значение членства в НАТО для Польши, в ту пору не выходили по существу за рамки пятой статьи Вашингтонского договора (впрочем, статьи ключевой). В стране отчетливо доминировали ожидания гарантий безопасности. Только со временем нарастало осознание того, что членство в НАТО не означает одного лишь «потребительства», что оно одновременно означает готовность и способность вносить свой вклад.

В тот период, когда Польша и другие страны прилагали усилия, направленные на членство в НАТО, сама эта организация подвергалась существенным внутренним преобразованиям, причем проводившиеся там изменения были настолько глубокими, что их без всякого преувеличения начали определять понятием «преобразования». Следует напомнить, что, представляя собой реакцию на геостратегические перемены, эти преобразования в начальный период сопровождалась дебатами о смысле существования НАТО. Существенным признаком перелома в этих дебатах принято считать радикальное по своему содержанию предложение аналитиков из корпорации РЭНД, сформулированное к середине 1993 г. в виде лапидарной директивы: «NATO must go out of area or it will go out of business»^[2] («НАТО должно выйти из [прежней] зоны, иначе оно выйдет из игры»). Эти слова не утратили смысла и по прошествии еще полутора десятков лет. В

переложении на язык стратегической концепции и на практику они означали так называемое тройное расширение^[3]. Понятие тройного расширения охватывало: прием новых членов из числа бывших государств Варшавского договора; институционализацию сотрудничества со всеми другими посткоммунистическими странами; оперативную деятельность. Иными словами, всё это означало территориальное расширение Организации Североатлантического договора и ее функциональное расширение.

Территориальное расширение практически стало фактом уже в 1997 г., когда государства-члены НАТО пригласили Польшу, Чехию и Венгрию приступить к переговорам о членстве. В вопросе о расширении сферы институционализированных действий в пользу безопасности первоначально появилась программа «Партнерство ради мира», а затем — установление (с 1997 г.) особых отношений с Россией и Украиной («Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности Россия — НАТО» и «Хартия об особом партнерстве НАТО — Украина»).

Функциональное расширение осуществилось на практике в 1995 г. вместе с вмешательством сил НАТО в Боснии и Герцеговине. Это был переломный момент в истории НАТО. После почти полувекового периода «стояния с оружием в полной боевой готовности» союз перешел к действию, предприняв свое первое вооруженное вмешательство. Четыре года спустя силы НАТО, приняв участие в обуздании кризиса в Косове, провели военную операцию против сохранившегося остатка Югославии.

Военная операция в Югославии началась через несколько дней после вступления Польши в НАТО. Тем самым мы уже в первые дни своего членства получили наглядный урок того, чем является, а на самом деле — чем становится НАТО и как много упрощенных представлений и надежд нам следует пересмотреть. Очередной наглядный урок мы почерпнули после террористических атак на США. Теперешний урок на протяжении нескольких лет проходит в Афганистане.

Уже длительное время НАТО проходит постоянные, прямо-таки безостановочные преобразования. В результате из союза, занятого главным образом планированием военных действий в Центральной Европе, оно превратилось в эффективную, оперативно действующую организацию с весьма дифференцированным спектром задач. История перемен, происходящих в течение последнего десятилетия, отмечена

постановлениями очередных «саммитов» — в Праге, Риге, Стамбуле, Бухаресте. Ключевыми вопросами в процессе трансформации союза всё это время оставались и по-прежнему остаются его верность себе, внутренняя целостность, функции. Вот уже много лет НАТО — не только союз в чисто дефинитивном значении этого понятия. Благодаря расширению своих функций оно приобрело целый ряд свойств, присущих организации коллективной безопасности.

Произошло существенное переопределение его функций. В период холодной войны НАТО выполняло в международных отношениях прежде всего классическую для подобных союзов функцию равновесия. В военном аспекте это была оборонительная функция. На современном этапе в число первостепенных выдвигается функция стабилизации международной обстановки. В географическом пространстве рамки этой функции последовательно обозначают: договорную территорию НАТО; территории государств, охваченных институциональным сотрудничеством; территории, охваченные такими кризисами, которые угрожают безопасности членов НАТО.

НАТО в динамично меняющейся среде безопасности, НАТО перед лицом новых вызовов и угроз оказалось институтом, чья жизнеспособность вызывает удивление, институтом, прекрасно адаптирующимся к новой действительности. Сегодня этот шестидесятилетний альянс, отмечая свой юбилей, полон задорной энергии и не обнаруживает никаких черт или атрибутов пенсионера. Напротив, он демонстрирует удивительную силу самоподдержания и притяжения. Источник этой силы заключается не только в его политическом и военном потенциале либо в факторах, усиливающих этот потенциал, но также (а может быть, прежде всего) в общности всей системы ценностей, близости культур, в экономических связях. Сила его притягательности в большой степени состоит в том, что НАТО (точно так же, как и Евросоюз) воплощает привлекательную западную модель развития. Это демократическая модель. Сегодня в НАТО нет места для стран, которые управляются авторитарно.

Хотя прочность и жизнеспособность союза вытекают в значительной мере из привязанности к нему (консерватизма) «старых» членов НАТО и той магии, которая позволяет ему притягивать потенциальных новых членов, эти качества, бесспорно, еще больше проистекают из его полезности. Принадлежность к НАТО служит его членам самой лучшей на сегодняшний день формой военного предохранения против

любых угроз — как давно распознаваемых «классических», так и совершенно неизвестных. Членство в НАТО отпугивает и сдерживает потенциальных агрессоров. Союз служит принадлежащим к нему странам неким «страховым полисом» на случай военно-политического кризиса или различных ситуаций, связанных с боевыми действиями. Он великолепно способствует стабилизации, прочным отношениям между странами-членами, снижает потребность во внутренней конкуренции применительно к сфере безопасности. В политическом аспекте он представляет собой хорошую форму защиты малых и средних государств от возможности стратегической договоренности крупных держав «поверх головы» небольших стран и с ущербом для их интересов. Разумеется, полезность НАТО для его членов имеет также и свое экономическое измерение.

На протяжении первых сорока лет НАТО подтвердило свою силу, выйдя победителем из холодной войны. Оно выдержало испытание, защищая своих членов от агрессии и благоприятствуя интеграции Западной Европы. Позже этот альянс выдержал еще один экзамен, внося существенный вклад в процесс трансформации государств Центральной и Восточной Европы.

В новом международном порядке НАТО сделалось одной из наиболее значительных организаций, действующих ради безопасности, ради стабилизации международной обстановки. Надлежит, однако, заметить, что в настоящее время стабилизационная функция союза проявляется не в том, что он представляет собой классический военный противовес, а в осуществлении институционализированных форм сотрудничества и в кризисном реагировании на территориях, важных для членов НАТО. Располагая структурой интегрированного командования, НАТО оказалось эффективной организацией в деле налаживания и проведения крупных многонациональных операций с участием государств, которые не состоят его членами. Так было в Югославии, так происходит сегодня в Афганистане.

Среди всех международных организаций НАТО — единственная, полностью способная добиваться исполнения любых решений международных институтов в сфере военной безопасности.

Состояние НАТО в год его юбилея можно определить как относительно хорошее. (В этой далекой от точности фразе заключена не только более или менее объективная оценка, но и субъективное беспокойство, озабоченность «спортивной

формой» союза, выражаемая автором-поляком). У Организации Североатлантического договора есть свои проблемы, неприятности, «головные боли». В текущий момент проблемой, выдвигающейся на передний план, выступает удачный/неудачный исход операции в Афганистане. Это операция сопряжена с большим риском, и существуют серьезные опасения насчет ее последствий, а успех в ней отнюдь не предопределен. Хотя ее безусловно следует рассматривать как специфический тест нынешнего состояния НАТО, она вовсе не обязательно должна служить тестом, который определяет, «быть или не быть» этому союзу. Не вызывает, однако, сомнений, что, каким бы ни стал конечный результат стабилизационной операции в Афганистане, НАТО извлечет из неё важные уроки, напрямую касающиеся его верности себе. Афганистан уже сейчас учит (должен учить!) определенному смирению, стратегической скромности. Учит тому, насколько трудно предвидеть последствия вовлеченности в гражданскую войну, где союз становится одной из сторон.

В категориях проблемы (хотя необязательно трудной или головомолной) можно рассматривать и подготовку новой стратегической концепции НАТО. Прежняя, принятая десять лет назад, многократно дополнялась на очередных саммитах своеобразными протезами и безусловно уже слишком сильно потеряла свою актуальность. Среди фундаментальных проблем, которые понадобится каким-то образом решить и изложить в новой стратегической концепции, первоочередное значение имеет отыскать удовлетворяющую всех членов НАТО сбалансированность между его политической и военной функциями, между функциями обороны и стабилизации (действий за пределами договорного пространства). Разрешение этих дилемм сопровождается осмыслением того, что чрезмерно расширять функции, принимать на себя разнородные по своему характеру задачи, а также избыточно и непродуманно увеличивать число членов организации — всё это грозит возросшим риском дезинтеграции, ослабления ее внутренней монолитности и единства. Почин новых, невоенных операций, нетипичных для армии, может неблагоприятно отразиться на готовности к выполнению основной задачи — обороны территории.

Успешно осуществляя многочисленные новые начинания, НАТО прокладывало новые пути. Никакая другая организация и никакое другое государство не принимали до сих пор столь сложных вызовов. По существу союз во многих отношениях стал жертвой своих собственных успехов. Связанные с ним

ожидания и надежды могут превышать его возможности. Ведь существуют границы того, что НАТО в состоянии делать, и существует также опасность, что союз может поколебать свою позицию и сплоченность, возлагая на себя нечто большее. НАТО — наверняка не глобальный полицейский, не помогающая всем и каждому гуманитарная ассоциация, не альтернатива ООН. Однако этот союз несомненно способен видоизменяться. И нужно согласиться с тезисом, сформулированным на саммите в Бухаресте (2008): самому НАТО нет альтернативы, а правильно поставленный вопрос о его будущем состоит в поисках решения, что нужно делать, чтобы эта организация стала еще более эффективной.

Среди мотивов и причин вступления Польши в НАТО основополагающее значение имели две. Первой было получение сильных, достоверных и надежных гарантий безопасности; второй — подтверждение собственного суверенитета и стремления вернуться в круг западных демократий. Присоединение к Североатлантическому союзу представляло собой принципиальный шаг к преодолению того порядка, который сложился в годы холодной войны. Членство в НАТО служило прочным фундаментом безопасности страны. Оно означало укрепление новой польской демократии. И облегчило прохождение пути к членству в Евросоюзе.

После десяти лет членства в НАТО практически никто в Польше не отрицает тех очевидных выгод и преимуществ, которые оно нам приносит. В первую очередь это политические, военные, экономические выгоды. Благодаря союзу мы находимся в большей безопасности и стали сильнее; мы достигли также возросших возможностей влиять на всё, что происходит на международной арене.

Сегодня вопрос об альтернативе членству Польши в Североатлантическом союзе может носить лишь риторический или академический характер. Дебаты на эту тему окончательно завершились в 1993 г. С того момента существует полное согласие всех политических группировок, вначале — по поводу вступления, а потом — по поводу членства в Североатлантическом союзе. В этом деле партии располагают полной общественной поддержкой. В Польше, как и во всех странах-членах, практически никто не жалеет о пребывании в НАТО.

Болеслав Бальцерович — дивизионный генерал (генерал-лейтенант) в отставке, профессор Варшавского университета, доктор военных наук.

-
1. В настоящее время, после реформы военных структур НАТО, это количество значительно уменьшилось. — Здесь и далее прим. автора.
 2. Asmus R.D., Kugler R.L., Larrabee F.S. Building a New NATO // *Foreign Affairs*, 1993, Sept. - Nov.
 3. Этот термин в польской научной литературе первым использовал проф. Р.Кузляр.

Вислава Шимборская

СТИХОТВОРЕНИЯ

Девочка-подросток

Я — девочка-подросток?

А если вдруг здесь, сейчас она предстанет предо мной,
должна ли я приветствовать в ней близкое существо?

Ведь она мне чужая, далёкая.

Уронить слезу, чмокнуть в лобик
исключительно по той причине,
что у нас одна и та же дата рождения?

Между нами столько несходства,
что, наверно, совпадают только кости,
свод черепа да глазные впадины.

Ведь даже глаза у неё как будто немного больше,
ресницы длиннее, ростом она выше,
всё её тело туго обтянуто
безупречно-гладкой кожей.

Правда, у нас общая родня и знакомые,
но в её мире почти все живы,
а в моём нет почти никого
из того общего круга.

Мы так отличаемся друг от друга,
совершенно о разном думаем и говорим.

Она знает мало — зато знает точно,
с уверенностью, достойной лучшего применения.

Я знаю гораздо больше —
однако не наверняка.
Она показывает мне стихи,
записанные старательным, чётким почерком.
Я таким не пишу уже много лет.
Читаю эти стихи, читаю.
Ну, может быть, только одно, вот это,
если его сократить
и кое-где подправить...
Остальные ничего хорошего не сулят.
Разговор не клеится.
На её скромных часиках
время пока ещё дёшево и неопределённо.
На моих оно гораздо точней и дороже.
На прощанье — ничего. Мимолётная улыбка
и никакого волнения.
Только когда она исчезает
и впопыхах оставляет свой шарф...
Шарф из настоящей шерсти,
в цветную полоску,
наша мама
связала его для неё крючком.
До сих пор его храню.
Мысли, настигающие меня на оживлённых улицах
Лица.
Миллиарды лиц на поверхности мира.

Вроде бы каждое не такое,
как те, что были и будут.

Но Природа — кто её знает, —
возможно, устав от непрерывной работы,
повторяет свои прежние замыслы
и накладывает нам лица,
уже кем-то когда-то ношенные.

Может быть, мимо тебя проходит Архимед в джинсах,
царица Екатерина в тряпках с распродажи,
какой-нибудь фараон с портфелем и в очках.

Вдова босого сапожника
из маленькой ещё Варшавы,
мастер из пещеры Альтамира —
с внучками в зоопарк,
косматый варвар — по пути в музей,
чтоб малость там повосхищаться.

Какие-то люди, погибшие двести веков назад,
пять веков назад,
полвека назад.

Кто-то, кого провезли по этой дороге в золочёной карете,
кто-то, кого провезли в товарняке на закланье.

Монтесума, Конфуций, Навуходносор,
их няньки, их прачки, Семирамида,
говорящая только по-английски.

Миллиарды лиц на поверхности мира.

Лицо твоё, моё, чьё —

тебе никогда не узнать.
Возможно, Природе приходится идти на подлог;
чтобы успеть, чтобы справиться,
она начинает вылавливать то, что утоплено
в зеркале забвенья.

Замысел

Ко мне явился замысел —
стишка? стихотворенья?
Ну, ладно — говорю — останься, потолкуем.
Ты должен о себе побольше рассказать.
В ответ он что-то шепчет мне на ухо.
Вот — говорю — в чём дело. Интересно.
Меня давно эти дела волнуют.
Но чтоб стихи об этом? Нет, конечно.
В ответ он что-то шепчет мне на ухо.
Тебе лишь кажется так — отвечаю —
ты переоценил мои способности и силы.
Я даже и с чего начать, не знаю.
В ответ он что-то шепчет мне на ухо.
Ты ошибаешься — я говорю — труднее
писать короче, чем длинней. Не мучай
меня, не требуй, всё равно не будет толку.
В ответ он что-то шепчет мне на ухо.
Что ж, попытаюсь, раз ты так настойчив.
Предупреждаю — ничего не выйдет.
Всё разорву и выброшу в корзину.

В ответ он что-то шепчет мне на ухо.

Ты прав — я говорю — другие есть поэты.

Наверно, кто-нибудь напишет лучше.

Могу фамилии дать, адреса.

В ответ он что-то шепчет мне на ухо.

Естественно, я буду ревновать.

Мы даже слабые стихи ревнуем.

А эти, верно, будут... в этих будет...

В ответ он что-то шепчет мне на ухо.

В них будет всё, что ты здесь перечислил...

Но лучше сменим тему.

Выпьешь кофе?

В ответ он лишь вздохнул.

Стал испаряться.

И наконец исчез.

ПОСЛЕ ДВОЕТОЧИЯ

Что после двоеточия — молчание? Белое пространство без единого записанного знака? Финал предыдущей книги Виславы Шимборской невозможно прочесть однозначно. Да что там — вообще невозможно прочесть. Невозможно, потому что, как мы помним из стихотворения «Утопия», всякий раз — даже покидая поэтическое пространство — мы оказываемся «в жизни непостижимой».

Мы знаем, хотя бы из Нобелевской лекции поэтессы, что она избегает определений поэзии. А если уж делает попытки такого рода, то с некоторым лукавством, как в начале последней вещи сборника, озаглавленной «Собственно, любое стихотворение»:

Собственно, любое стихотворение

могло бы называться «Мгновение»:

Этот текст кончается двоеточием. Но действительно ли кончается? А может быть, после двоеточия как раз и начинается «всё»: с чистого белого листа. В Книге Шимборской, как в каждой Книге, такой лист непременно должен появиться. Это знание «обо всем», конечно, вписано во всю поэзию Шимборской, где не случайно одно из «самых странных» — слово «Ничто», о котором читаем: «Произнося слово Ничто, / я создаю нечто, что не уместится ни в каком небытии». Так происходит и в случае, когда в конце стихотворения появляется двоеточие: раскрывается космос возможностей, одна из которых — молчание.

Сила этой поэзии — во всегдашней сосредоточенности на детали. Такая деталь — и двоеточие, и «точка копытца» из «Радости письма», где «Над белым листом готовятся к прыжку / буквы, которые могут лечь неудачно, / фразы, которые окружают, / от которых не будет спасенья». Каждый знак существует отдельно, однако каждый, как в этом стихотворении, становится звеном «цепочки знаков», связующей времена. Кто-нибудь еще напишет трактат о времени в этой лирике, о его поэтической философии. В «Греческой статуе» читаем: мраморные статуи «гибнут (...) бело / и не всегда до конца». Уцелевший торс всё еще приковывает внимание, «восхищает и длится —». Вновь деталь: стихотворение завершается тире, своего рода

писательской (и музыкальной) паузой, за которой следует финал:

*Время здесь тоже заслужило похвальный отзыв,
ибо оно прекратило свою работу,
кое-что отложив на потом.*

Не прерывают работы Парки, особенно перерезающая нити жизни Атропос. Тем не менее поэтесса (лирическое я?) может прервать их труды, срочно завершив «Интервью с Атропос». Позволить себе так «пресечь разговор» с одной из дочерей Зевса и Фемиды — жест немалой отваги и отличная поэтическая шутка, такая же замечательная, как и концепция «Лабиринта». Лабиринт здесь — образ человеческой жизни, бегства от смерти: «Где-то здесь должен быть выход, / это более чем точно. / Но ты его не ищешь, это он тебя ищет / (...) а этот лабиринт / есть не что иное, как, / как твое, пока удастся, / твое, пока что твое, / бегство, бегство...». В стихотворении «Старый профессор» шутливо приравнены друг к другу «маленький Гжесь из дома напротив и Марк Аврелий». Жизнь обоих имеет один и тот же вес на весах бытия.

В предыдущей книге юмор Шимборской — часто шутка со смертью (не над смертью). Это своеобразная и требующая углубленного анализа переоценка барочной традиции, о которой Ян Юзеф Липский в свое время писал, что это одна из главных точек отсчета современной лирики. Если учесть, что некогда Милош назвал Шимборскую недостающим звеном нашей позитивистской поэзии — хотя не знаю, верно ли, при ее-то увлечении Паскалем? — барочные идеи кажутся удивительными, особенно в контексте последней книги поэтессы, названной «Завтра» (2009). Здесь — значит, где? По эту сторону существования, которая отличается от предполагаемого «там» и от того, что названо в финале заглавного стихотворения «нигде».

Здесь, значит также — на Земле:

*крутишься без билета на карусели планет,
вместе с ней, зайцем, в замети галактик,
сквозь времена, от которых так кружится голова,
что здесь на Земле и дрогнуть ничего не успеет.*

Однако эта жизнь на Земле, хоть и «достаётся довольно дешево», отягощена брэнностью, как в закрывающем сборник стихотворении «Метафизика»:

Было, да прошло.

Было, значит, прошло.

Всегда в необратимой последовательности,

ибо таковы правила проигранной игры.

Но брэнность — еще и вызов. Жизнь, единственная и неповторимая — а во всей поэзии Шимборской выражено именно такое убеждение, — это в то же время задача, с которой мы не можем справиться, поскольку не всегда хотим помнить, что «повторений не бывает», что мы участвуем в спектакле, который происходит без репетиций и дублей.

Шимборская рассказывает об этом необычным способом: использует в своих поэтических повествованиях устойчивые обороты разговорной речи и, помещая в метафизический контекст, наделяет их новыми, часто поразительными, значениями. Уже из приведенных выше фрагментов видно, как она освежает обороты типа «было, да прошло», «таковы правила игры», «ездить зайцем». Помещенные в лирическое пространство, они уже не употреблены механически, а становятся точными инструментами познания, раскрывают необыденность обыденной жизни. Именно эта необыденность схвачена в описании женщины, переливающей молоко из кувшина в миску. Как будто действие ничем не примечательное, не заслуживающее особого внимания. Но только до того мгновенья, пока мы не увидим ее на картине Вермеера в амстердамском Рийксмузее. Незначительный эпизод из жизни женщины картина преображает в момент вечности. И именно потому — читаем в финале стихотворения «Вермеер» —

пока этот миг длится:

Мир не заслуживает

конца света.

По ассоциации с этим стихотворением Шимборской и оставаясь в пределах его поэтики, можно сказать: пока длится это стихотворение — как и другие сочинения Шимборской, где из разговорной речи созданы побуждающие к раздумью композиции, преображающие обыденность в необыденность,

— поэзия не заслуживает провозглашаемого время от времени «конца поэзии», а история — «конца истории».

Марек Новаковский

СИОНИСТЫ — В СИАМ

В варшавском издательстве «Свят ксёнжки» («Мир книги») только что вышла книга замечательного прозаика Марека Новаковского — его записки 1967-1968 гг. Книга, отрывки из которой мы публикуем, открывается коротким предисловием автора:

Я ничего не менял. Как было тогда записано, так и осталось. Точная картинка увиденных «снизу» событий, которые начались с израильско-арабской шестидневной войны и лавиной прокатились по Польше, найдя свое выражение в антисемитской кампании, развязанной ПОРП, эффектно усиленной шумихой вокруг «Дзядов», студенческими сходками и забастовками во всех университетах. Это было время, когда в обществе бурлили страсти. Творилось и позорное, и благородное. Малое и большое сталкивались постоянно. Для многих поляков это был экзамен на человечность.

Марек Новаковский

*

Встречаются два партийных секретаря. По-дружески, с женами. Жены возле шифоньера, одна другой показывает платья и блузки, примеряют, крутятся перед зеркалом.

Секретари смотрят телевизор. Программа неинтересная, так что болтают о том о сем.

— Ну, я уже этого еврея вычистил, — говорит один. — Неисполнение служебных обязанностей, выговор...

— Неисполнение, — смеется второй. — Это всегда можно прилепить... Самое лучшее.

— И правильно, — оживился первый. — Хватит уж их власти... И наверху их всё меньше. Чистят...

— От них не избавишься, — сказал второй. — Сильное племя.

— А у тебя с ними как? — спросил первый.

— У меня? — Второй задумался. — Ну, еще порядочно сидит в руководстве. В техотделе, неплохие специалисты... И в административном, когда стали разбираться... Но пока не

подкопаешься. Резолюцию против агрессоров подписали, даже не поморщились — сам в лица смотрел. Но как только чего, я уж им выдам по полной...

— А я на место этого своего, — продолжил первый, — взял Блащинского. Приличный мужик, старый активист, еще с района. И жена у него очень ничего. Мы вместе в бридж играем. Она хорошо играет.

— Блащинский... — задумался второй. — Это... Ну да. Я их знаю. Жена такая, — говорит потише, — такая маленькая, аккуратная...

Первый кивает и улыбается многозначительно, по-мужски.

— Она еврейка, — уверенно заявляет второй.

— Да ты что! — возмущается первый. — Откуда!? И не похожа совсем!

— Точно... Спроси у Кароляка. Он их знает, они из одних мест. Откуда-то из-под Варшавы. Городок такой... Как его? Сейчас... Гарволин вроде...

Первый в замешательстве, тупо уставился в телевизор.

— Никогда б не подумал, — выдавил наконец.

— А чего тут такого? — успокаивает второй и улыбается. — Жидов повыгоняем, с жидовками гуляем. Слышал поговорку?

Собрание на предприятии. Вручают премии передовикам и общественникам. Из инструментального дали Бачинскому. А Зильберману не дали. Зильберман разозлился, потому что очень рассчитывал на премию.

— Одним подхалимам и ловкачам дают, — говорит довольно громко. — Какой он там передовик... Вот вам и честность, пожалуйста... Вот он и с конвертом.

Бачинский услышал. Хочет как-то отбиться от обвинений. В шутку вроде говорит:

— Смотрите-ка — старому пьянице на водку не хватает.

Тут Зильберман всерьез разозлился, кричит:

— Ах ты, морда жидовская!

Скандал, словом. Оба партийные, разбирают на партбюро. Зильберман объясняет:

— Да, товарищи, признаю, что сказал. Но не в смысле оскорбить. Просто товарищ Бачинский — настоящий сионист, во время израильской агрессии высказывался очень едко и с удовлетворением о побежденных арабах, а я целиком и полностью в этом вопросе поддерживаю линию партии и горячо, безоговорочно осуждаю агрессоров.

До вечера эту историю обсуждали. Люди потихоньку посмеивались. Только посмотрите на Зильбермана: нос крючком, волосы черные, кудрявые, а чем больше нервничает, тем сильнее еврейский акцент. А вот Бачинский: светло-русый, глаза синие, нос картошкой — чистый славянин. А сконфужен сильно этим всем, ведь живут с Зильберманом в одном доме.

Получил Зильберман выговор с занесением. Пошел потом выпить с друзьями. Когда уже прилично принял, признаётся:

— Да, я наполовину еврей, по отцу, значит. Но я на самом деле осуждаю...

Друзья так со смеху и покатались.

— Слушай, Зигмунт, до половины уже дошел... Давай дальше... А как с матушкой?

Но Зильберман стоит на своем.

— Ну, а все-таки? — настаивают друзья.

А он ни в какую.

— Да чего ты, в самом деле? Давай уж полностью... Дай ты себе сто процентов.

Он чуть не в драку. Наполовину — и точка.

Смеху ради на фабрике Бачинского стали звать Жиденком. Бачинский, когда видит Зильбермана, краснеет и плюется.

— Сволочь! — только и говорит.

У нас с этими мартовскими делами инженер Бартек хотел карьеру сделать. Он вообще такой верткий, скользкий. Уже сорок, а выглядит молодо, худенький, как мальчик, стрижка короткая. Он у нас на фабрике сразу после института. С людьми умеет ладить, где кому-то что-то приятное скажет, где анекдот ввернет, перед работягами не зазнаётся. Но амбиции

страшные. Лишь бы наверх пролезть. Хоть по трупам. Я его сразу раскусил, у меня на таких нюх. Так вот, очень ему хотелось стать директором. Уже несколько лет. И в самом деле, на фабрике уже всего добился, только это ему оставалось... И когда начались эти мартовские события, инженер Бартек сразу стал действовать. Нацелился на директорское кресло. Где-то узнал, что в прошлом году директор часть прибыли, которую должны были распределить среди работников (у нас самоуправление), направил в фонд развития. Я тоже это знал, но директор правильно сделал. Надо было затыкать дыры, вкладывать в производство. Ну, инженер Бартек с этой прибылью и начал... А сами знаете, как тогда было после студенческих волнений. Всякие собрания, митинги, все гудит как улей.

И на заседании нашего рабочего самоуправления инженер Бартек этот вопрос поставил.

Такие дела, когда денег касается, конечно, на работников действуют. Подняли крик. Главбух побледнела как полотно. Все шишки на нее. Смотрю — Бартек улыбается, руки потирает. Попал в яблочко. Сейчас и до директора доберутся. Директор страшно нервничает... Но представьте себе, как оно неожиданно получилось. Главбух всё взяла на себя, директора ни одним словом не подставила. Заявила, что, мол, на основе баланса сама решила часть прибыли направить на инвестиции, поскольку возникла неотложная необходимость. Директор вышел сухим из воды, главбух вылетела с грохотом. Да она-то профессионал, ее все знают, работу себе сразу найдет. А Бартек — ну и дрянь — словно ни при чем.

А потом еще директору с улыбочкой:

— Вы, товарищ директор, наверное, довольны. Я ведь знаю, какие у вас с бухгалтерией были противоречия.

Вот дерьмо! Прекрасно ведь понимает, что она директора прикрыла. А сам спокойный такой — лицо не дрогнет, ему бы в покер играть. Директор ничего не ответил, только вспотел. Он всегда в таких голевых ситуациях потеет, особенно на лбу и на носу. Ну и что, думаете, Бартек успокоился? Ага! Совсем наоборот. Пошел ва-банк. Поползли вскорости по фабрике сплетни. И все к тому, что директор наш — еврей. Я об этом никогда даже и не думал. Не знаю... Может, и похож, мне-то что... А тогда как раз эти дела с сионизмом вовсю начались... Агенты сионизма повсюду, то, сё, газеты, радио, телевизор... И на фабрике по углам всё шу-шу да шу-шу. Я сам в туалете видел рисунок — типа карикатуры на директора и надпись

«Сионисты — вон!» Ну, и о неразделенной доле прибыли не забыли. И кто-то рабочих накручивает, что, мол, это специально их хотели по карману ударить. Стали всякие старые грехи искать. Вспомнили, что кого-то там несправедливо уволили. Кому-то премию урезали, а кого-то обошли с повышением. Кто виноват? Уже и эти из ОТК, и чертежники из техотдела — все в один голос: ясно кто! Даже эта дура Анка из моего отдела прямо спрашивает: «Пан инженер, а правда, что наш директор — еврей, да?» И смеется, корова. Чему радуется?

Я думаю, что до директора все эти сплетни доходили. Он тогда стал даже на себя не похож: худой как щепка, весь на нервах, дерганый, курит одну за другой... Мне его жаль было. Но, надо сказать, держался молодцом. Об этом никогда ни слова, ни намек даже. Представьте, сколько же ему это нервов стоило... Все эти взгляды — и в техотделе, и в конструкторском бюро, и в цехах — всюду, куда зайдет, поглядывают: ехидно так, двусмысленно...

Бартеку, точно говорю, только в покер играть. Во всем этом свинстве он как в родной стихии: улыбчивый, милый такой, с директором предупредительно вежлив, готов любое распоряжение начальства тут же выполнить. Но я вижу: очень часто среди рабочих крутится, в перерыв подойдет, сигареткой угостит, такой душа-человек, крутится тут и там. Один раз, вижу, с этими молодыми из комитета Союза социалистической молодежи в кафе выпивает, чего-то им внушает, это он умеет — ого! Еще как-то двух фрезеровщиков на своей машине до дома подвез.

— Это пустяк, товарищи, мне не трудно, да и почти что по пути...

С чего бы таким демократом заделался? Ну, я-то его достаточно знаю. Понимаю, что за этим кроется... Потом на фабрике начали собирать подписи — сначала вроде как насчет оздоровления атмосферы, общие слова, ничего конкретного. А потом уже в открытую, из главного калибра: требуем убрать директора. Разумеется, все прежние грехи с планом, производством, зарплатой — всё стали на него вешать. А он-то, по правде сказать, неплохой организатор и специалист. На прежнем месте, откуда к нам пришел, много хорошего сделал, наладил производство, на экспорт продукцию начали поставлять. Понятно, что не без ошибок, да кто их не делает...

И вот ко мне тоже стали депутации приходить, на самолюбии играть:

— Пан инженер, мы вас знаем как очень порядочного человека, ценим ваш профессионализм, вашу честность, вы пользуетесь таким авторитетом в коллективе, — без мыла в зад лезут. — Почему бы вам к нам не присоединиться? Ведь мы хотим навести порядок на нашем предприятии...

Ну, я тут развел руками — и под дурачка:

— И как же вы, уважаемые коллеги, собираетесь наводить порядок?

А они уже конкретно:

— Пан инженер, вам, наверное, тоже не нравится, как директор руководит. Ни в чем не разбирается, ничего ему нельзя доказать.

Я им тоже конкретно:

— Дорогие мои, как это не разбирается? Столько лет работали, не жаловались — и вдруг?..

А они последний аргумент:

— Пан инженер, ведь он еврей, вернулся с русскими войсками. Как такой может быть руководителем?

Я этих реформаторов быстро окоротил:

— Это фабрика, уважаемые, а не Сейм. Для таких вопросов есть партсобрания, собрания коллектива. Там можете свои претензии предъявлять. Но скажу сразу: пока у вас ничего конкретного... А сейчас извините, мне работать надо.

Они очень хотели, чтобы я был с ними. Я на фабрике двенадцать лет, пользуюсь авторитетом, беспартийный, и никакая административная карьера меня не волнует. Я конструктор, и мне довольно... Но вот только я одних спровадил — другие идут. За всем этим брожением стоял инженер Бартек. Но он, как настоящий игрок, мне лично никогда ничего не говорил. Разве что с улыбкой, по-приятельски:

— Ты же видишь, коллектив директором недоволен, что поделаешь, — и вздыхает, руками разводит.

Такой азартный своего не упустит, а еще и ситуация в его пользу. Вся Польша этими делами охвачена. Директора мне было жалко. Он как на вулкане жил — и еще должен был делать

вид, что не знает, в чем дело. И такая анархия началась, люди в цехах вместо работы митингуют, подписи собирают.

С меня этого уже хватило. Я официально к нашему секретарю парткома:

— Товарищ, плохо ведется работа на предприятии. Интриги, подрыв авторитета. Я отвечаю за производство — и считаю своей обязанностью информировать о сложившейся ситуации воеводский комитет, потому что если такое положение сохранится и далее, то понятно, что квартальный план мы не выполним...

Так ему и резанул. Секретарь растерялся. Он, может, и не был в сговоре с этими скандалистами, но не мешал им. Ну, я и позвонил в воеводский комитет, в отдел промышленности... И представьте себе, как они среагировали и как быстро — через три дня. Приезжает на фабрику инструктор или даже замзав промышленного отдела, собирает партактив и руководство. И так хитро подгадал, что директор как раз уехал на конференцию в объединение. И этот из воеводского комитета хорошенько всем собравшимся всыпал за склоки и анархию, а в конце говорит:

— Товарищи, вот вам партийный приказ. Немедленно прекратить все завихрения, мы сами провели расследование по месту рождения, проверили даже на кладбище. У товарища директора нет никаких еврейских корней.

Я тут посмотрел на инженера Бартека. Он и глазом не повел, что проиграл этот раунд. Как всегда, мило улыбается. Притаился, а если снова что-то возникнет, то пойдет в атаку... А я вот всё же думаю, что есть-таки еврейские корни у нашего директора — только семья давно ассимилированная, смешанные браки и так далее. Но похож на еврея. Волосы вьются. И глаза, особенно эти бегающие глаза...

Перевод Сергея Политыко

Дмитрий Евтушенко

МАСТЕР-КЛАСС КШИШТОФА ПЕНДЕРЕЦКОГО В ВЮРЦБУРГЕ

Этот этюд сепией я сделал вчерашним вечером в местной Hochschule für Musik. В Вюрцбурге сейчас проходят «Дни Пендерецкого». Вот в рамках этих дней и была организована встреча маэстро со студентами отделения композиции. Людей в довольно небольшом зале было, прямо скажем, немного. Я вполне вольготно сидел один во втором ряду со своими рисовальными принадлежностями метрах в трех-четырёх от композитора.

Пендерецкий сидел на сцене вместе с профессорами школы и студентами, которые осмелились представить на его суд свои произведения. Процедура была такой. Вначале студент ставил компакт-диск с собственным сочинением, а на экран проецировалась нотная партитура. После чего начинался «разбор полета». После первой же композиции, представляющей собой мало запоминающийся набор цитат и звуков, мастер на хорошем немецком начал так: «Я и мои друзья начинали сочинять музыку в пятидесятые годы, когда очень многое в Польше было запрещено. И из чувства протеста мы писали духовную музыку, авангард, всё, что не приветствовалось нашими властями...» Так как мне тоже иногда приходилось бывать в роли «молодого и начинающего», показывающего свои опусы «живому классику», я понял, что это отсылка в собственную молодость, довольно типичное правило... Но молодой композитор не унимался, и между ними завязался такой диалог, к которому подключалась и остальная молодежь:

— Но разве сейчас нельзя сочинять музыку из чувства протеста?

— Против чего можно протестовать сейчас?! (Я мысленно ответил пану Кшиштофу, что против «формата», стандартизации и давно ставшего общим местом желания быть во что бы то ни стало оригинальным. Когда всё разрешено, это тоже не очень хорошо для искусства.)

— Но разве вы не видите в современной музыке великих композиторов?

— Что такое современная музыка? Объясните мне. А что до великих композиторов, все они, к сожалению, мертвы. Стравинский, Шостакович... Я часто бываю в Японии, в Корее, слушаю произведения местных современных композиторов, написанные в иной, восточной традиции. Это интересно. А что до сегодняшней западной музыки, то я не понимаю ее. Ничего оригинального не вижу. Для меня современная музыка — это хаос.

— А что для вас тогда служит признаком музыки?

— Логическая конструкция музыкальной фразы как основа. Это меня интересует больше всего.

— Выходит, вся музыка уже создана, и особого смысла сочинять больше нет?

— Ну, с такими мыслями лучше даже не садиться за нотную бумагу... Пока вы еще молодые, мой вам совет. Так меня учил мой профессор. Сочиняйте каждую неделю по одной вещи в различных стилях. Что-то в стиле Малера, что-то в стиле Дебюсси. Пробуйте себя в самых разных манерах. И тогда в конце концов вы найдете свой собственный язык. Сколько вам лет? Ну, еще есть время...

После этого обмена репликами мастер предложил послушать собственное прочтение. Если я ничего не путаю, зазвучала мелодия из последнего фильма Анджея Вайды «Катень». Настолько захватывающе и мощно, что все теоретизирования об искусстве авангардном и не авангардном стали казаться не имеющими смысла. Лицо Пендерецкого тоже заметно преобразилось в этот момент. Мне, к счастью, удалось запечатлеть это в карандашном наброске.

«Вот видите, — сказал он, когда вещь закончилась, — здесь я использую вполне традиционные, классические формы. Это и есть музыка, единственное, что имеет для меня значение...»

После чего еще один студент продемонстрировал свое сочинение. Тоже, кстати, не изобилующее диссонансами. Пендерецкий слегка оживился: «Вот видите, здесь вы вполне удачно используете классические приемы». Еще один юноша свое произведение, имеющее название «Бетховенский фриз», предварил вступительным словом о том, что это сочинение для фортепьяно было написано под влиянием «Бетховенского фриза» работы Климта. Ну а сама музыка была, на мой взгляд, не слишком внятной, хотя и претенциозной. Я следил за партитурой на экране. Там в одном месте над длинным

арпеджио было написано: «Гениальность, возвышенность» (что-то в этом роде). По окончании, хорошо понимая его ощущения, я смотрел в лицо юноши. И сердцебиение угадывалось, и надежда... Но пан Кшиштоф сказал буквально так: «Мало кто сегодня пишет для фортепьяно. Это не так просто. Хорошо, что вы осмелились. Больше я ничего не могу сказать». Еще было несколько вопросов из зала: про его религиозные взгляды, про работу в кино, про электрические инструменты. По поводу последних он сказал, что появление новых инструментов помогает развитию музыки. И когда появилось электричество, у него были на это надежды, но они не оправдались, хотя сам он и писал для электроинструментов. Потом прозвучала еще одна вещь Пендерецкого авангардного характера. Но я уже отчетливо слышал ту самую «логическую конструкцию музыкальной фразы», которой совершенно не было в сочинениях студентов.

Вот так и прошли два часа беседы. Сделал я в общей сложности пять набросков и зарисовок. Вот самая первая. Я ее начал до начала встречи, когда все только рассаживались. Это только самое первое знакомство с лицом.

Ну а сегодня пойду туда же, послушаю его симфонические вещи. Оркестром, вроде бы, он сам будет дирижировать.

ПОЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД НА РУССКИЙ ЭРОС

В литературоведческих исследованиях литература русского Серебряного века, то есть конца XIX — первого десятилетия XX века, переживает сегодня ренессанс. В Советском Союзе эту эпоху пренебрежительно называли буржуазной и декадентской, многие ее выдающиеся представители были обречены на полное забвение, а немногочисленные опубликованные критические работы писались крайне предвзято — с марксистско-ленинских позиций. А ведь это был один из самых прекрасных периодов русской литературы, породивший таких авторов, как Александр Блок, Осип Мандельштам, Анна Ахматова, Марина Цветаева. Их поэзия прочно вошла в канон мировой литературы. Монография Изабеллы Малей дает исчерпывающее представление о необычайно важной для русского символизма эротической тематике, которая в некотором смысле стала отличительной чертой этого художественного направления. Это произошло благодаря духовному покровителю всей эпохи, философу Владимиру Соловьеву, который существующую еще в Киевской Руси концепцию Софии — Божественной мудрости превратил в оригинальную доктрину софиологии, где София — Божественная ипостась, посредница между материальным миром и Богом. Изабелла Малей показывает, как идеалистическая философия Соловьева, в которой мы находим отголоски платонизма, произведений Бёме и Сведенборга, вдохновила других мыслителей — Николая Бердяева, Павла Флоренского, Сергея Булгакова и Василия Розанова, — создавших религиозно-мистические концепции обожения человека и отсылающих к христианскому понятию любви-агапе. Влияние философии на литературу автор прослеживает на материале творчества Валерия Брюсова, Федора Сологуба, Константина Бальмонта, Андрея Белого и Александра Блока. Книга Малей важна хотя бы ввиду внимания к этому последнему поэту, значение которого для русской литературы можно сравнить разве что с Пушкиным, но жизнь и творчество которого до сих пор не вызывало серьезного интереса у польских литературоведов. К тому, чтобы писать о Блоке, вроцлавская исследовательница была солидно подготовлена. В 2002 г. она издала книгу «Синдром ярмарочной палатки, или Русский символизм в кругу арлекинады», в которой

представила интересное истолкование его поэзии сквозь призму гротеска и катастрофических мотивов. В «Эросе» же она сосредоточилась прежде всего на символике вечной женственности — Софийных Мадоннах. Этапами воплощения этого символа оказываются — в нисходящей линии от Небесной Софии до Софии Падшей — образы Офелии и Прекрасной Дамы (свидетельства юношеской веры в идеальную любовь), Незнакомки и Снежной Девы (*femme fatale*), а также Клеопатры, Саломеи и Донны Анны — женщин, застывших в вечном сне или вызывающих у поэта тревогу и страх. Самые захватывающие интерпретации Малей представляет там, где проводит сравнения междисциплинарного типа. В главе, посвященной итальянским стихам Александра Блока, которые родились из творческого столкновения философии Соловьева с шедеврами итальянского ренессанса, увиденными поэтом во время пребывания в Италии в 1909 году, исследовательница видит перевод живописного образа на поэтический язык. Ярослав Ивашкевич, в поэзии которого мы открываем многочисленные цитаты, намеки и ссылки на Блока, также считал итальянские стихи самым выдающимся достижением петербургского поэта.

Изабелла Малей. Эрос в русском символизме. Философия — литература — искусство.

Вроцлав: Изд-во Вроцлавского университета, 2008.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

• На экраны польских кинотеатров вышел фильм «Попелушко. Свобода — в нас». Торжественная премьера прошла в Большом театре. В зрительном зале присутствовали президент Лех Качинский, примас Польши Юзеф Глемп, митрополит Варшавский архиепископ Казимеж Ныч, маршал Сейма Бронислав Коморовский, а также Марианна Попелушко, мать убитого спецслужбами священника.

Погибшего священника сыграл актер Адам Воронович, заслуживший за эту роль высокую оценку рецензентов. Режиссер и сценарист Рафал Вечинский признался журналистам, что труднее всего было вписать архивные документы в кинематографическую действительность. Директор Польского института киноискусства Агнешка Одорович выразила надежду, что фильм заполнит брешь в историческом сознании молодого поколения поляков. Съемки фильма продолжались семь месяцев. В нем снялись семь тысяч статистов и двести актеров, в т.ч. Иоанна Щепковская, Майя Коморовская, Збигнев Замаховский и Марта Липинская. Картина обошлась почти в 12 млн. злотых.

Мнения относительно художественной ценности фильма разделились. «В этом фильме все настоящее. Надежда, страх, смелость, бунт, отчаяние, — пишет Барбара Холлендер, рецензентка «Жечпосполитой». — Важно, что режиссер не эпатирует ни клерикализмом, ни ура-патриотизмом. Он рассказывает о стойкости народа, который не был сломлен режимом. И выстоял благодаря тому, что сохранил главные ценности — честность, солидарность. Я рада, что появился этот фильм». Ее молодой коллега из той же редакции не согласен: «Следя за развитием событий, я не мог избавиться от чувства, что, работая над сценарием, Вечинский в спешке листал то страницы биографии Попелушко, то учебник по истории Польши. Из такой истории молодежь вынесет столько же, сколько из спутанного конспекта лекции, прочитанной скучным преподавателем. Нам не нужно такого кино. Фильм не объясняет и самого феномена отца Ежи. Герой не переживает на экране никакого развития. С точки зрения драматургии он неинтересен. Мы не видим, как из застенчивого семинариста рождается священник, который своей позицией придавал мужества миллионам. С первых минут это просто

симпатичный святой. Жаль киноплёнки на такую агиографию».

- В марте Польский культурный центр в Москве представил зрителям фильм Анджея Вайды «Катынь». Демонстрация фильма прошла на следующий день после 69 й годовщины со дня подписания Сталиным приказа о расстреле более 22 тысяч военнопленных — польских офицеров, взятых в плен после нападения СССР на Польшу в 1939 году.

Перед сеансом выступила Инесса Яжборовская, одна из трех авторов книги «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях», рассказывающей о механизмах засекречивания катынского преступления и борьбе за обнародование правды о трагедии польских пленных. Это был пятый показ фильма Анджея Вайды в столице России. «Катынь» показывали также на отдельных сеансах в Смоленске, Твери, Краснодаре, Оренбурге, Чебоксарах и Петербурге. Однако пока что картина не вышла в официальный российский прокат.

- Уже второй раз в Москве пройдет Фестиваль польских фильмов «Висла». С 9 по 15 апреля в кинотеатре «Художественный» жители российской столицы смогут посмотреть 17 наших фильмов. Все они будут демонстрироваться на языке оригинала с русскими субтитрами. Почетное покровительство над фестивалем с польской стороны осуществляет министр культуры и национального наследия Богдан Здроевский. В организации и поддержке фестиваля участвуют город Варшава, Польское телевидение и Польский институт киноискусства. С российской стороны фестиваль взяли под свое покровительство министр культуры Александр Алексеевич Авдеев, министр иностранных дел Сергей Викторович Лавров, мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков и директор Московского кинофестиваля Наталья Михайловна Сёмина.

Москвичи увидят лучшие, недавно награжденные фильмы: «Безмерность правосудия», «Братишка», «Время умирать», «Всё будет хорошо», «Все мы Христы», «Двое и немного времени», «Краткая истерия времени», «Кто никогда не жил», «Лейдис», «Одиночество в сети», «Ранчо Вильковские», «Сад Луизы», «Светлые голубые окна», «Стадион бездомных», «Тестостерон», «Четыре ночи с Анной», «Штучки». Фильмы оценит жюри, в состав которого входят, в частности, президент Гильдии киноведов и кинокритиков Виктор Матизен, а также выдающийся специалист по польскому кино Ирина Рубанова. На закрытии фестиваля победитель получит

диплом и специальную премию Гильдии киноведов и кинокритиков России «Белый слон» (одна из важнейших премий, вручаемых в России критиками) за лучший польский фильм.

• Стоит напомнить, что прошлогодний фестиваль «Висла» пользовался большой популярностью — кинотеатр «Художественный» посетил более 8 тыс. зрителей. Главную премию завоевал фильм «Жасмин» режиссера Яна Якуба Кольского. Фестиваль начался с мультипликации — с российской премьеры фильма «Петя и волк» («Оскар»-2008) и фильма «Кизи-Мизи» Мариуша Вильчинского, считающегося одним из важнейших мультипликаторов и причисляемого к мировому авангарду мультипликационного кино. Демонстрация фильмов сопровождалась множеством других культурных событий: концертами, выставками, лекциями. В открытии фестиваля участвовала польская делегация из полутора десятков человек. Среди них были создатели фильмов: один из продюсеров мультфильма «Петя и волк» Хью Уэлчмен, который привез на российскую премьеру статуэтку «Оскар», Мариуш Вильчинский и Дариуш Гаевский, актриса Агнешка Гроховская, продюсер Збигнев Жмудский, заместитель директора Польского института киноискусства Мацей Карпинский, а также многочисленные журналисты из России и Польши. Были и представители российских министерств культуры и кинематографии. Фестиваль завершился показом получившего в свое время «Оскара» «Пианиста» Романа Полянского.

• Издательство «Мир книги» выпустило книгу Марека Новаковского «Сионисты — в Сиам» о событиях марта 1968 года. Писатель стал вести записи в 1967 году. «Нельзя забывать, что до событий 68 го была арабо-израильская война, а после нее в Польше начался период Мочара. Чувствовалось нарастающее напряжение. Тогда я и начал записывать. Разные истории — то, что люди говорили, описание событий, свидетелем которых я оказался, сцены из личной жизни, разговоры в кафе, рассказы знакомых. Много чего происходило. Так появился текст-коллаж, созданный быстро и по горячим следам. Я назвал его тогда «Как я завидую цыганам» — из-за их любви к свободе», — рассказывал автор на презентации книги.

Новаковский привез свой текст Ежи Гедройцу, который хотел его сейчас же опубликовать как один из первых рассказов о мартовских событиях. Однако автор решил, что публикация в парижской «Культуре» может обречь его на литературное небытие в Польше. И опубликовал только фрагменты под

псевдонимом Северин Кварц. Полный текст лежал в архиве «Культуры» почти 40 лет. Отрывки из книги мы печатаем в этом номере «Новой Польши».

• Выходящий во Вроцлаве ежемесячный журнал «Одра» присудил свою ежегодную премию Янине Кац, автору написанной по-датски повести «Пуцка» (польский перевод Богуславы Соханской) и сборника стихов «Писать по-польски» — «за умение без самоцензуры и сдержанно показать не только свою судьбу, но и сложные моменты польской истории до 1968 года».

Янина Кац родилась в 1938 г. в краковской еврейской семье. Во время II Мировой войны ее прятала польская семья в Добчицах. После войны Янина изучала польскую филологию и социологию в Ягеллонском университете. В 1969 г. на волне антисемитских репрессий эмигрировала в Данию, сотрудничала с парижской «Культурой», «Пульсом», радио «Свободная Европа», Би-Би-Си. В Польше как писательница почти неизвестна, зато в Дании высоко ценится. Лауреат многих престижных премий, в т.ч. премии Датской литературной академии за творчество в целом, а также Датского союза писателей «за вклад в дело взаимопонимания между народами». Прозаический дебют Янины Кац «Моя жизнь варвара» (изданная по-польски издательством «Яцек Санторский и Ко»), книга, основанная на истории ее семьи, получила премию Датского государственного фонда искусства за лучший датский роман 1993 года. В заключение своих воспоминаний писательница пишет: «Жизнь — это рассказ. Но только счастливым удастся переписать его начисто». Стихи Янины Кац печатались на страницах «Новой Польши» (2007, №2).

• Клаудио Магрис (род. в 1939 г. в Триесте), выдающийся итальянский писатель, германист, переводчик, эссеист и фельетонист, будет удостоен в мае титула «Человек пограничья». Этот титул присуждается каждые два года центром «Пограничье искусств, культур и народов» в Сейнах. «Принимать такого выдающегося гостя, который своей жизнью и творчеством обратил внимание на наследие Центральной Европы, для нас большая честь. Магрис сделал свое искусство универсальным, он описывает не одно место, а скорее весь мир», — сказал директор «Пограничья» Кшиштоф Чижевский.

В мае, во время вручения премии, должна состояться дискуссия между Магрисом и Томасом Венцловой. Два

замечательных автора должны беседовать о двух городах-символах пограничья — Триесте и Вильнюсе.

В этом году издательство «Пограничье» планирует опубликовать две книги Магриса: сборник эссе «Итака» и «Сабли». В «Саблях» автор затрагивает сложную тему казаков, которые поддались на уговоры немцев и стали союзниками Гитлера. В конце II Мировой войны британские власти выдали их СССР, и по дороге в лагеря многие из них совершали самоубийство, чтобы избежать мести.

Титул «Человек пограничья» присуждался: Ежи Фицовскому, знатоку творчества Бруно Шульца и цыганской проблематики, Томасу Венцлове, выдающемуся литовскому писателю и поэту, Арво Пярту, эстонскому композитору современной хоровой и инструментальной музыки, а также украинскому публицисту Богдану Осадчуку.

• Удачная премьера в варшавском Национальном театре. Критики в один голос хвалят постановку неизвестной в Польше комедии «Мнимая служанка, или Наказанный плут» Пьера де Мариво, французского драматурга XVIII века из поколения Вольтера.

Режиссер — Жак Лассаль, бывший директор «Комеди Франсез», тот самый, который взял в свою труппу Анджея Северина, француз, который чувствует себя в Варшаве уже почти как дома. Три года назад он поставил в Национальном театре великолепного «Тартюфа», до этого привозил на гастроли «Мизантропа» и «Дон Жуана».

Перевод — Ежи Радзивилович, известный польский актер.

Графомания? Не стоящая внимания мелочь? Не совсем. «На первый взгляд слабенькая, как из оперы-буфф, история открывает в риторических фигурах светской беседы пикантную игру двузначного эротизма и моральную испорченность, которые превращаются в вольнодумный нигилизм и вскоре будут представлены в „Опасных связях”», — замечает Януш Майхерек в «Газете выборчей».

«Режиссер Жак Лассаль, — пишет Януш Р. Ковальчик в «Жечпосполитой», — гармонично соединил в своей постановке ажурную сценографию, как с картин Фрагонара, с певучей, моцартовской легкостью, музыкой и прекрасной, слаженной игрой всех актеров. Особенно стоит отметить Ежи Радзивиловича, который в роли философствующего шалопаля имел, как никогда прежде, возможность показать свою

неподдельную комическую силу. Легкость, обаяние, совершенство, успех», — заканчивает свою рецензию Ковальчик. «Что и говорить — шедевр!» — вторит ему Майхерек.

• Продолжим тему французской культуры. Варшавский Национальный музей подготовил крупнейшую в свой истории выставку французского искусства XVIII века из польских собраний. На выставке «Le siècle français» представлены картины и рисунки самых известных художников того времени. Среди них, в частности, Франсуа Буше, Жан-Оноре Фрагонар, Жан-Батист Грёз, Элизабет Виже-Лебрен, Клод-Жозеф Верне, Антуан Ватто.

«Цель выставки, — пишут ее кураторы Ивона Данелевич и Юстина Гузе, — показать искусство XVIII века во всем его богатстве и разнородности, начиная с позднего барокко и кончая рококо и классицизмом; от исторической и религиозной живописи до портрета, пейзажа и пейзажной тематики».

Выставка представляет собой 64 картины маслом и 94 рисунка, акварели и пастели из собраний варшавского Национального музея, а также Национальных музеев в Познани, Вроцлаве и Кракове, из варшавского Королевского замка, дворцов в Вилянове и Королевских Лазенках, из музея князей Чарторыйских и дворца в Яблонной (Польская Академия наук), а также из кабинета гравюр Библиотеки Варшавского университета и Национального института им. Оссолинских во Вроцлаве. Несколько произведений предоставили частные коллекционеры. Это прекрасный случай присмотреться к «французскому характеру европейской культуры XVIII века», как писали братья Гонкуры. Выставка продлится до 26 апреля 2009 г.

• Между тем в познанском центре культуры «Замок» открылась выставка исключительно польской живописи — «Красота наготы». Она состоит из 70 ню, датирующихся концом XIX — началом XX века. На выставке представлены главным образом работы Юзефа Панкевича, Владислава Подковинского, Яцека Мальчевского, Леона Хвистека, Людомира Следзинского, Тимона Несёловского, Ежи Новосельского — из собраний варшавского Национального музея, торунского Окружного музея, Музея искусства в Лодзи, а также Музея истории города Лодзи. Самая старая картина — «Семейство Фавна» Францишека Жмурки, написанное около 1890 года. Новейшие работы — «В ту ночь месяцы светили» Казимежа Микульского

и «Обнаженная с тазом» Ежи Новосельского — были закончены в 1982 году. Выставка продлится до 26 апреля.

• После пяти лет перерыва на экраны телевизоров вернулся культовый когда-то «Пегас», старейшая культурная программа Польского телевидения. Это часть нашей истории: более сорока лет в эфире, 16 ведущих, различные формулы программы. На этот раз лицо программы «Пегас» — Филип Лободзинский, журналист еженедельника «Ньюсуик-Польша», переводчик с испанского, музыкант, в прошлом также детский актер (играл в популярных фильмах и сериалах для детей: «Путешествие за улыбку», «Ставлю на Толека Банана»). Авторы программы стремятся создать влиятельную культурную передачу, в которую будут приглашаться признанные авторитеты и творцы высокой культуры. Будет там и информация о премьерах, культурных новостях и событиях. Воскресший «Пегас» выходит в эфир по субботам в 8.40 утра. Для ранних пташек. В это время зрительская аудитория очень невелика.

• Прощания. 23 февраля в Варшаве скончался Францишек Старовойский (творческий псевдоним Ян Бык), график, художник и сценограф, один из крупных представителей «польской школы плаката». Ему было 79 лет. Он был выдающимся художником и оригинальной личностью. Создавая свои произведения, он датировал их XVII веком, так как, по его собственным словам, это был его любимый период.

Он происходил из дворянского рода герба Биберштейн. Живописи учился сначала в краковской, а затем в варшавской Академии художеств.

Его живопись отличает неудержимая фантазия, любовь к барочной эстетике, восхищение полным женским телом, а также проходящая красной нитью тема старения и смерти. «Нагота на моих картинах обычно непривлекательна. Я нечасто рисую женщин «ради секса», скорее «ради аллегории», — говорил он. — Всё зависит от идеи художника. Я часто использую в рисунках женское тело, потому что оно лучше всего функционирует в качестве символа».

Картина Францишека Старовойского, написанная в 1997 г., висит в Брюсселе, в польской миссии при ЕС. Своим неоднозначным содержанием картина вызвала некогда множество споров. Трудно удивляться, ведь она носит название «Divina Polonia rapta per Europa profana» («Божественная Польша, похищенная светской Европой»).

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Пугающее количество круглых дат становится поводом к различному подведению итогов и попыткам оценить то, что за эти два десятка лет происходило со страной, политикой, культурой и хозяйством. Одно из таких двадцатилетий — двадцатилетие независимости. Впрочем, о точной дате, безусловно, будут спорить историки лет еще так двадцать или тридцать. Что до меня, то я считаю переломным моментом несколько более позднюю дату, а именно передачу Леху Валенсе, после его избрания на высший государственный пост, президентских инсигний от последнего президента Польши — этот жест означал установление институциональной преемственности между Второй и Третьей Речью Посполитой. Куда отнести квазигосударственное бытие политической конструкции, называемой Польской Народной Республикой, ума не приложу, но пусть над этим поломают голову историографы и политологи.

Среди многих публикаций, связанных с двадцатилетием Третьей Речи Посполитой, один цикл кажется мне особо интересным: это опубликованный на страницах «Европы» (еженедельного приложения к «Дзеннику») ряд интервью с наиболее заметными в публичной жизни идеологами разных направлений. Роберт Красовский так пишет в статье «Первый этап правых поминок» (2009, №10): «После нескольких бесед с интеллигентами, которые ушли из левого движения, мы переходим к правому лагерю, где интеллектуальная и политическая жизнь носила еще более патологический характер». О том, что какое-либо из движений было свободно от патологии, вообще не идет речь, чему я, оглядываясь в прошлое (не лишенное, впрочем, различных симпатий к определенным лицам, хотя и не обязательно к представляемым им взглядам), особенно не удивляюсь.

В последнем номере еженедельника под заголовком «Как идеология „семейных ценностей“ погубила польских правых» опубликована пространная беседа с Рафалом Матыей (1967 г.р.), политологом и историком, в свое время одним из самых активных правых идеологов. Честно говоря, к моим собственным наблюдениям он мало что добавляет, тем более

что то, о чем он ведет речь, довольно точно описано его коллегой Анджеем Хорубалой в неплохом романе под названием «Намоченные». Тем не менее имеет смысл обратить внимание на те причины, по которым Матыя прекратил участие в политической жизни. Название опубликованного материала возвращает к предвыборному лозунгу правых «Безопасное будущее — семейная ценность». Говоря о начале своего пути в 1980 е годы, Матыя подчеркивает:

«Правое движение было синонимом не столько реализма, сколько зрелости, мужского начала, чуждого иллюзиям. Этого я не принимал (было также морализаторство главного течения оппозиции). (...) Мой выбор против системы родился в разговорах с отцом (членом партии, министерским чиновником в ПНР. — Л.Ш.) и в определенной мере им подсказан. Первую нелегальную брошюру, какое-то западное издание, я получил именно от него. А в 24 года я уже одержал победу: отец голосует за правых на каждых очередных выборах. Видите, насколько парадоксально интереснее обстоит ситуация с выборами при коммунизме, чем та, в которой мы участвуем сейчас. Тогдашнее положение нас формировало более сильными и заинтересованными».

Следующий этап формирования позиции — это связи с Польской Церковью и Orus Dei:

«„Дорога”, то есть основной текст Orus Dei, попала мне в руки в 1985 году. Это был момент, когда я искал в Церкви родственную мне традицию. Однако я открыл для себя тогда не только традицию и даже не иные общественные взгляды, но язык, который формирует другую духовность. (...) Этот язык столь меня захватил, что я начал «Дорогу» переписывать. Может быть, этот прием сегодня покажется абсурдным, но это один из самых глубоких методов идентификации себя с текстом. Потом, когда Orus Dei уже действовал в Польше, язык стал для меня важнейшей точкой координат — даже более существенной, чем политическая ангажированность, смысл которой блекнет в десятках непринципиальных сражений ни за что».

И далее, уже после 1989 года:

«Однако в действительности, особенно с конца 1990 х годов, я стал наблюдать смешение религиозного и политического языка, прежде всего в политическом оснащении Избирательной акции «Солидарность» и среди тех католиков, которые были вовлечены в этот политический проект (Избирательная акция «Солидарности» победила на выборах,

во главе правительства встал Ежи Бузек. — Л.Ш.). Там появляются новые языки. (...) В движении правых тогда существовало три фундаментальных дискурса, которые я ощущаю как чуждые мне. Первый — это разрушающий политику дискурс радио «Мария» (католическая радиостанция. — Л.Ш.). (...) Второй язык польских правых (...) был более страшным — это был язык совместимости религиозности с быстрым обогащением. Это правая идеология «семейных ценностей». Можно было делать то, что обычно считается довольно скверным, и обосновывать это необходимостью «содержать семью». (...) Для меня (...) воцарение языка «семейных ценностей» уничтожило сферу общественной и политической активности. Помню, как некто отказался от работы на высоком посту в администрации, объясняя это тем, что заработок там не позволит содержать семью из трех человек. Вот если бы удалось найти место при Государственной казне, то тогда пожалуйста... Помню и заявление, что приличный дом под Варшавой должен быть площадью в 300–400 метров, а меньше — это просто нищета. Или демонстрацию перед коллегами своих свежеприобретенных западных лимузинов под лозунгом, что это «безопасные семейные автомобили». Правое крыло «семейных ценностей» — это был конец каких-либо мыслей об обществе, это был конец общества. (...) В Избирательной акции «Солидарность» представители молодого и среднего поколения, которые входили в политику со стороны религиозных сообществ и организаций, сразу спрашивали, где можно заработать больше, чем несколько тысяч злотых, искали себе постов в контрольных советах».

И, наконец, третий дискурс, который «был довольно удивителен и который существует до сих пор», а именно «поиски религиозно-общественного максимализма, поиски сильной политической идентичности — но заимствованной от Церкви». Представители этой формации — создатели «Политического богословия» — «были близки обеим партиям, боровшимся в 2005 г. за власть. Они хорошо знали реалии управления, твердо стояли на ногах, а одновременно тревожили общественность странными выходками, напоминающими карнавальное переодевание: раз представляли (...) рационалистами, презирающими глуповатых и анахроничных правых, другой раз — старопольскими республиканцами, апостолами мессианизма. И все это с крепкой религиозной или, как минимум, морализаторской примесью. И без всяких обязательств».

И в результате такого положения вещей, оставаясь верным своим республиканским убеждениям, Матыя ушел из активной

политики:

«Я был как-то приглашен моими правыми религиозными коллегами на «рабочий обед» в «Шератон». Я не хотел идти в «Шератон», во-первых, потому что там скверно бы себя чувствовал, а во-вторых, считал показное богатство, нарочитую трату денег греховными. Один из коллег тогда мне объяснил: «Мы принадлежим к элите и должны бывать только в эксклюзивных ресторанах». Для меня это было неприемлемым. (...) Я не соглашался занять кресло в каком-либо контрольном совете или стать замминистра (а предложений хватало), потому что потерял бы себя (...). Тогда я и решил, что надо строить какие-то иные институты. (...) В результате удалось убежать от атмосферы наживы, уничтожающей последние остатки интеллигентности, сохранить собственное мнение в политике, независимость и возможность писать».

И в заключение: «В 1980-х — начале 1990-х консерватизм был едва ли не необходимым языком. Был инструментом познания, понимания действительности. Но уже в 1990-е он стал использоваться и совершенно по-другому: как выгодная, рациональная позиция, когда материальный доход от современной действительности совмещается с моральным комфортом, который приносит критика этой же действительности. Такой рафинированный инструмент, который позволяет прекрасно зарабатывающему сотруднику банка или страховой компании в свободное время приятно поболтать. Здесь речь идет не о лицемерии или алчности. Дело в том, что таким образом понимаемый консерватизм — это просто механизм освобождения от ответственности. Это удобный механизм выражения недовольства системой, которая одновременно гарантирует тебе определенную стабильность. Поэтому консерваторы ничего не могут сказать по поводу кризиса, кроме как заявлять, что это не их вина. (...) Консервативная риторика убийственна для общественных институтов. Она может существовать только тогда, когда иные силы и идеи эти институты поддерживают. Консерватизм в его институциональных формах заставляет вспомнить левых старой закалки, которые ждали, что мир будет воплощать их мечты о справедливости. Цена же этих мечтаний их ничуть не интересовала».

Не знаю, относит ли Рафал Матыя к «левым старой закалки» Адама Михника (1946 г.р.). Скорее всего, нет. Однако Михник вырос из этих традиций. Интервью с ним под названием «Хотите защищать республику?», опубликованное в недавнем

номере левого «Пшеглѣнда» (2009, №10), в значительной мере посвящено оценке пути, пройденного Польшей с 1989 года. Вот что говорит Михник:

«Мой исторический, личный и профессиональный опыт свидетельствует, что эффективны такие перемены, даже революционные, которые удастся сдерживать. Если революция переходит в фазу безудержной борьбы за власть, то всегда идут в ход нечестные приемы. И я этого очень опасался. В Кортесах, испанском парламенте, до сих пор в потолке пули после мятежа подполковника Антонио Тейеро в феврале 1981 года! (...) В Польше благодаря тому, что существовал компромисс и что по другую сторону этого компромисса стояли генералы Ярузельский и Кищак, ничего подобного не случилось. И я им за это благодарен. И сейчас, через 20 лет, из-за каких-то искусственно сконструированных, внеисторичных претензий этих людей теребят, таскают по судам, обвиняют... С точки зрения национальных интересов, это антипольские, антинародные действия. (...) Я провел годы в тюрьме, подвергался нападкам. Мое знание о коммунистическом строе было знанием жертвы, но и знанием очевидца. Я наблюдал, как всё повторяется: наступал кризис, а затем, чтобы из него выйти, следовала оттепель и либерализация, говорилось о реформах, а потом аппарат, на основе своего внутреннего механизма, часто даже вопреки реформаторским декларациям партийных вождей, отвоевывал свой плацдарм, и всё возвращалось на прежние рельсы».

Это знание сопутствовало Михнику и другим оппозиционерам за «круглым столом» — и они опасались, что будут поглощены коммунистами и тем самым нейтрализованы.

В результате же Михник стал редактором наиболее влиятельной в течение ряда лет газеты:

«Это была ежедневная газета, которую делали люди из оппозиции, из кругов «Солидарности», часто с опытом подполья и тюрьмы. Они не впадали в две крайности. Никогда не впадали в, так сказать, пещерный антикоммунизм, то есть антикоммунизм с большевицким лицом, ни в пещерный антиклерикализм. Никогда не позволили себя вовлечь в шквал нападков на Польскую Церковь, хотя сами не раз были объектом критики церковных иерархов (часто несправедливой). Здесь мы были очень внимательны. Конечно, спорили, не заходим ли иногда слишком далеко... И я тоже допускал ошибки — конечно, не должен был называть генерала Кищака человеком чести (...). Должен был сказать так, как говорю сейчас: что он сыграл чрезвычайно позитивную роль за „круглым столом“».

Но Михник был активен не только в сфере журналистики:

«В 80-е годы я внимательно наблюдал за тем, как идет дискуссия в кругах оппозиции. Прежде всего российской. Там было две символические, крупные фигуры — Александр Солженицын и Андрей Сахаров. И спор между ними был для меня наброском того, что произойдет после падения коммунизма. И когда мне или Яцеку Куроню напоминают, что мы еще в 1987 г. говорили, что коммунизм — это полбеда и что действительная угроза состоит в правом авторитарно-националистическом синдроме, то я принимаю такой упрек. Конечно, мы не могли знать, когда именно падет коммунизм, но знали, что эта идеология уже мертва. То же касалось и партии. (...) На всё это накладывалась политика. Она тогда была страшно важна. Многие споры о ПНР поражают меня своей внеисторичностью. (...) Провинциальностью. Потому что Польша была частью империи. И невозможно о Польше тех лет говорить вне советского контекста. (...) И только в этом контексте можно давать оценку тех лет, партии и вождей. Вне этого оценка непонятна. Снова можно услышать, что сотрудничество с коммунистическим режимом было сделкой со злом. (...) Конечно, это не было добром. И, конечно, рядовой врач, архитектор или инженер не может быть оценен по тем же меркам, что партийный деятель, министр или вождь. И все же следует постоянно ставить перед собой вопрос: неужели все, кто считал, что в тех рамках, в которые загнали Польшу, можно делать что-то хорошее и следует это пробовать, — неужто все они ошибались? Но даже если и признать это ошибкой, то можно ли клеймить этих людей именем изменников, коллаборационистов?»

Вообще-то, смотря кого. Следует подходить индивидуально, помня, что суд истории — это не приговор в уголовном процессе. И это никогда не последний суд, как мы знаем из повторяющихся дискуссий о прошлом. Но идем далее — уже в современность:

«Итак, чего я опасался после 1989 года? Я знал, что и власть, и оппозиция неоднородны. И будет размежевание уже по другим критериям, чем годом или двумя раньше. Раньше основой различия было: ты за диктатуру или против диктатуры. А раз уж нет диктатуры, то вся эта конфедерация оппозиции в силу вещей будет размежевываться. То же и другая сторона. Победит ли линия Квасневского, Бразаускаса, Ельцина или же тех людей, которые понимают, что следует идти к парламентской демократии, к рыночной экономике, к конституционному государству? Или иная линия — Зюганова, Милошевича (...)

которые были настроены идти по пути перерастания коммунизма в агрессивный национализм? Тогда, кстати, я написал статью о том, что этнический шовинизм — это последняя, высшая стадия коммунизма. (...) С этой точки зрения считаю, что оценка роли генералов Ярузельского и Кищака, а с другой стороны, оценка роли тогдашнего руководства Союза демократических левых сил должна быть сугубо позитивной. Потому что эти люди подвигли посткоммунистическое общество к свободной Польше. Они перешли это Красное море. Благодаря этому Польша и победила на европейском референдуме».

В то же время, оценивая ряд правых течений, Михник обращает внимание, что часть из них, особенно в начале своего пути, но иногда и позже, как, например, братья Качинские, в политических действиях попадались в своего рода ловушку собственного опыта до 1989 года:

«Ведь единственной политической культурой, в которой они взрастали, была культура ПНР. И теперь демонстрируют эту политическую культуру «навыорот». Конечно, в других условиях, ибо система другая... Но не подлежит сомнению, что, когда политик «Права и справедливости» говорит о необходимости сильной национальной идентификации, здесь слышны Мочар и Гомулка образца 68 го года. И что это означает? Что национально сильный — тот, кого они считают таковым».

Такой позиции способствует кризисная ситуация, и к ней Михник обращается в заключительной части интервью:

«Принципиально вот что: наступают трудные времена, и сумеем ли мы в этих условиях создать фронт обороны республики? Или мы выберем путь, который избрали силы, развалившие Веймарскую республику? Вот в чем суть. (...) «Гражданская платформа» — это не герои моего романа. Но сегодня это единственный стабилизатор в политике. Ведь сегодня важно не то, социалист ты или либерал. Это сектантское мышление. Сегодня важно, хочешь ты защищать республику или нет».